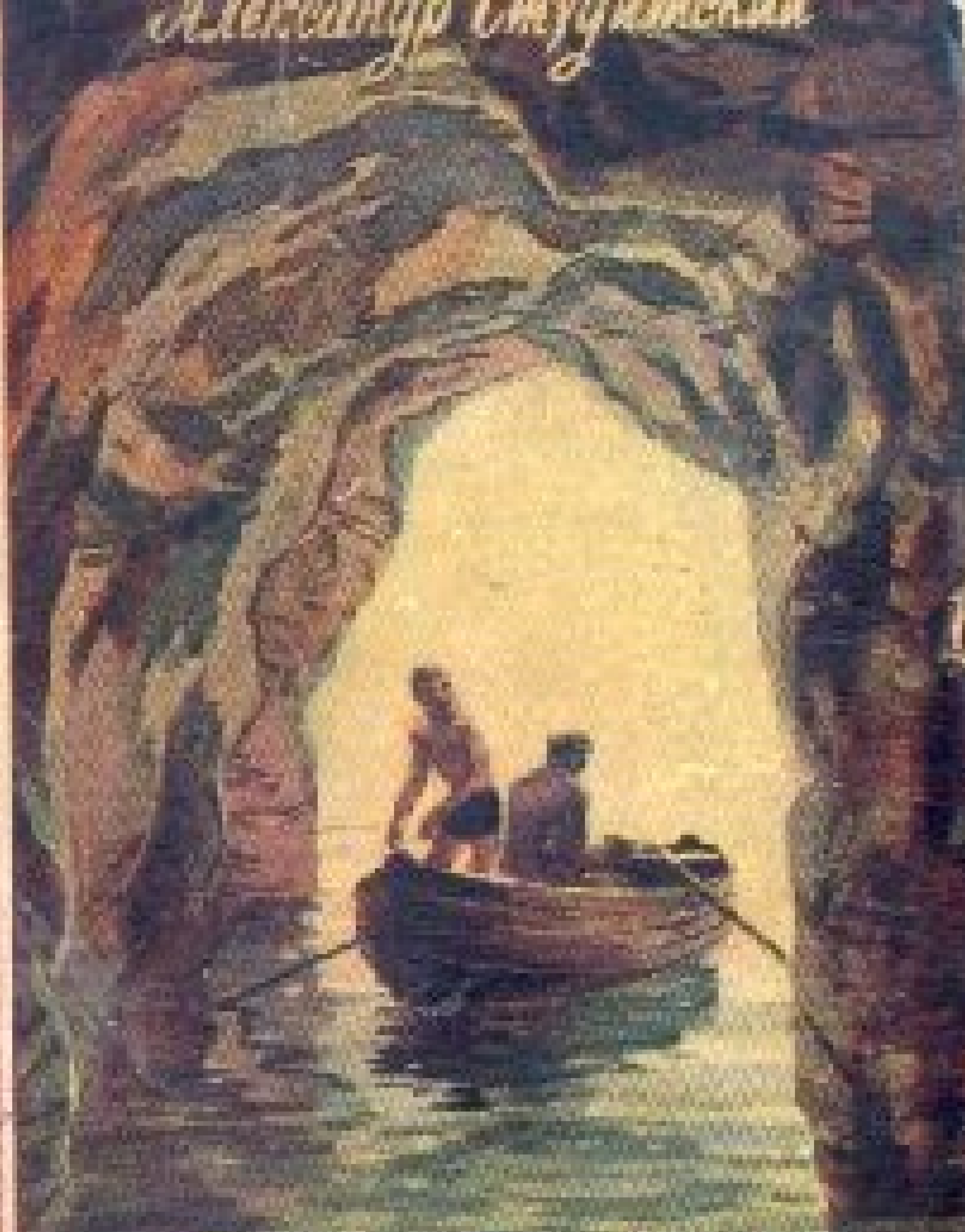

Александр Бугаев

СОКРОВИЩЕ ЧЕРНОГО МОРЯ

А. СТУДИЦКИЙ

СОКРОВИЩЕ ЧЕРНОГО МОРЯ

Научно-фантастический роман

ВСЕСОЮЗНОЕ УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ТРУДРЕЗЕРВИЗДАТ
МОСКВА
1956

Часть первая ЗОЛОТАЯ ВЕТЬ

Глава 1 В ЛАБОРАТОРИИ ПРОФЕССОРА СМОЛИНА

В это сияющее сентябрьское утро сотрудниками профессора Смолина владело приподнятое, праздничное настроение. Вчера Смолин выступил на пленарном заседании съезда биогеохимиков¹ с большим докладом о работах своей лаборатории. Это был рассказ о результатах многолетних исследований и широкая программа дальнейшего развития разработанной Смолиным области науки.

В течение многих лет труды Смолина и его сотрудников встречали непонимание, недоумение, даже недоверие. Вот почему таким торжеством для всего коллектива был полный и очевидный успех доклада руководителя лаборатории.

— Вы только подумайте, — взволнованно говорила молодая сотрудница лаборатории Ольга Дубровских, — сам академик Герасимов сказал, что работы Евгения Николаевича проложили новый путь в науке! — Ее большие серые глаза сияли счастьем.

— Да, признание полное и несомненное, — подтвердил Петров, по своей привычке взъерошивая короткие светлые волосы на круглой, как шар, голове. — Ни один из выступавших не решился возражать против главной идеи Евгения Николаевича — об управлении биогеохимическими процессами.

— Что и говорить, друзья, — негромко сказал Ланин. — Приятно чувствовать, что идея, за которую с нашей посильной помощью так долго боролся Евгений Николаевич, теперь получает, наконец, если и не полное признание, то хотя бы право на разработку. Ведь верно?

Его темные глаза под густыми черными бровями, сросшимися фигурной скобкой, остановились вопросительно на старейшем сотруднике лаборатории — Крушинском, который, казалось, не разделял общего восторженного возбуждения.

— Пока, дорогие товарищи, едва ли следует чересчур увлекаться этим признанием. — Крушинский неторопливо снял очки, подышал на стекла и, протирая их платком, посмотрел на собеседников бесцветными близорукими глазами. — Вчера оппоненты выступали под непосредственным впечатлением от блестящего доклада Евгения Николаевича. Чего же вы хотите? Конечно, они хвалили доклад и поддерживали идеи профессора

¹ Биогеохимия — наука о роли живых организмов в распределении химических элементов в земной коре.

Смолина. Но я уверен, что нам еще предстоит услышать очень серьезную критику от наших противников. И к ней нужно быть готовым.

— Каких противников? — запальчиво спросила Ольга. — Неужели кто-нибудь решится выступить и теперь, после такого признания?

— И еще как! — Крушинский усмехнулся, надел очки и посмотрел на Ольгу ласково-насмешливым взглядом прищуренных глаз. — Теперь-то и разгорятся страсти. И зачем бояться этого? Евгений Николаевич сумеет ответить любому оппоненту.

— Да, бояться критики нет оснований, согласился Ланин. — У нас есть чем парировать любую критику — у нас есть факты. Управление жизнью земной коры — это уже не только программа научных работ, а целое направление в науке, которое покоится на солидном фундаменте добытых нами фактов... Ах, друзья! Не знаю как вы, а я ушел с заседания окрыленным. Какое счастье знать, что участвуешь в работе, которая несет человеку такую власть над природой!

Ольга восторженно посмотрела на него.

— Хорошо, Иван Иванович, молодец! — вырвалось у нее с такой непосредственностью, что она сама смутилась и покраснела. Все заметили ее смущение, и Петров пришел ей на помощь дипломатичным вопросом:

— Когда будет профессор?

— С минуты на минуту, — ответил Крушинский, вытягивая из переднего кармашка брюк большие круглые часы на черном кожаном ремешке. — Без пяти десять. Сейчас будет. Да вот, кажется, идет, — добавил он, прислушиваясь.

Дверь распахнулась, и в широкой полосе света, ворвавшегося из залитого солнцем коридора, возникла высокая фигура профессора Смолина.

— Слышал ваши голоса еще с третьего этажа. О чем, Ольга Федоровна, такая оживленная беседа? — спросил он, пожимая и задерживая руку Ольги в своей.

— О вашем вчерашнем докладе, — ответила Ольга, опять краснея, досадуя на себя за это, и еще больше краснея. — Какой был прекрасный доклад, Евгений Николаевич!

— Мы все радовались вашему успеху, — сказал Ланин, открывая в улыбке белые, ровные, блестящие зубы.

— Рад, что вам понравилось, — ответил профессор, пожимая руки сотрудникам. — Но думаю, что радость наша еще будет изрядно омрачена.

— Чем? — испуганно спросила Ольга.

— На вечернем заседании будет продолжение дискуссии. Надо готовиться к бою. А сейчас, друзья, нам предстоит одно очень важное и ответственное дело. — Смолин подошел к столу, на котором лежала почта, и продолжал говорить, распечатывая конверты и бегло просматривая письма: — Да, друзья, очень... очень ответственное... Заседание физико-химического общества... Мало интересно... Завтра — экспертная комиссия ВАК. Аркадий Петрович, позвоните и скажите, что я не смогу быть... Иван Иванович, это прочтите и ответьте — из Киева просят о консультации... Да, да — очень ответственное дело... А это что такое? — в голосе Смолина прозвучало раздражение. — Когда же, наконец, кончится эта путаница. Что они думают: я географ?

Он с возмущением швырнул на стол только что прочитанный листок и обернулся к сотрудникам, готовый продолжать беседу.

— Что такое? — спросил озабоченно Крушинский.

— Да, чепуха, — отмахнулся Смолин, — письмо из Биологического отделения. Просят сообщить о целесообразности отправки за границу какой-то книжки.

— Позвольте, позвольте, — забеспокоился Крушинский, — но об этом письме сегодня утром по телефону запрашивали из Бюро отделения. Дело, говорят, очень срочное, послали вам еще в пятницу с просьбой ответить немедленно, а от вас до сих пор никакого ответа. Я сказал, что вы задержали ответ в связи с подготовкой к докладу.

— Но я решительно не понимаю, — сказал раздраженно Смолин, — на каком основании этот запрос направили мне. Речь идет о каких-то путешествиях. Я в жизни не видал этой книги, не имею о ней никакого представления, что же я им отвечу? Вот слушайте: “В связи с запросом Центральной библиотеки Академии наук СССР, Бюро отделения биологических наук просит вас дать заключение о целесообразности отправки за границу (США) по запросу Филадельфийской академии наук фотокопии книги: “Дневник путешествия по островам Тихого океана Федора Радецкого, Санкт-Петербург, 1864 год”. Понимаете? Путешествия по островам Тихого океана, будто это в моей компетенции! Что они не знают, что я биолог, биогеохимик и к географии никакого отношения не имею?

— Радецкого?.. Федора Радецкого? — переспросил заинтересованно Петров. — Евгений Николаевич!.. Так, ведь, это же, очевидно, тот самый Радецкий...

— Ну, конечно, он, — перебил его Ланин, старейший геолог и минеролог Радецкий, почетный гость на нашем съезде. Поэтому к вам и обратились, Евгений Николаевич!

— Что вы говорите, — протянул озадаченно Смолин, оглядывая сотрудников. — Старик Радецкий?.. Вот уж никак не думал, что он путешествовал по островам Тихого океана. Хотя, конечно, старик древний, чуть не полжизни провел за границей... Впрочем... “Санкт-Петербург, 1864 год”... Да нет, друзья, — засмеялся Смолин, качая головой, — напрасно вы морочите мне голову. Как ни стар Радецкий, но в 1864 году его даже не могло быть на свете. Да и зовут его, насколько я помню, не Федор, а...

— Павел Федорович, — подсказал Крушинский.

— Совершенно верно, Павел Федорович... Фамилия эта довольно редкая. Тогда Федор. Радецкий, — по всей вероятности, его отец, а может быть, и дед. И уж, наверно, к биогеохимии он не мог иметь никакого отношения. В те далекие времена этой науки не было. Так что запрос все-таки направлен явно не по адресу. Да откуда и взять эту книгу, чтобы хоть бегло с ней познакомиться?

— Любопытно, — сказал вдруг Ланин. — А я эту книгу совсем недавно держал в руках. Да, да, мне кажется, я не ошибаюсь. Не далее, как позавчера, в воскресенье. Я увидел ее в витрине книжного магазина Академии на улице Горького. “Дневник путешествия по островам Тихого океана” — книга прекрасной сохранности, в кожаном переплете. Зашел, посмотрел. Но показалось дорого — сорок рублей — не взял. Может быть, позвонить в магазин? У меня есть телефон.

— А зачем? — досадливо возразил Смолин. — Впрочем... Знаете, даже безотносительно к этому запросу, пожалуй, интересно было бы познакомиться с работой отца или деда Радецкого... Сорок рублей, вы говорите? Плачу. Звоните!

Ланин снял с аппарата трубку и быстро набрал номер.

— Книжный магазин Академии? — спросил он вежливо. — Скажите, пожалуйста, вы не можете отложить книгу “Дневник по островам Тихого океана Федора Радецкого”, выставленную у вас на витрине? Она нужна для профессора Смолина из Академии Наук. Мы сейчас придем за ней... Что? Как нет такой книги? Да я в воскресенье смотрел ее у вас... Продана? Кому продана? Так... Благодарю вас. Извините за беспокойство.

Ланин положил трубку и в некотором замешательстве посмотрел на Смолина.

— Вот ведь какое досадное совпадение, — сказал он. — Книга, лежавшая больше месяца на витрине, сегодня, буквально полчаса назад, внезапно нашла покупателя. Какой-то иностранец... купил несколько старых книг, в том числе и “Дневник путешествия Радецкого”.

— Ну, значит, не судьба, — сказал Смолин. — Николай Карлович! — обратился он к Крушинскому, — не откажите в любезности: позвоните в Бюро отделения и разъясните, что профессор Смолин не будет давать никакого заключения о книге Федора Радецкого, так как путешествия не по его специальности. Пусть обратятся в географическое отделение.

— Простите, Евгений Николаевич, — не выдержал Петров. — Вы начали было говорить о каком-то деле?..

— Да, да, об очень ответственном деле, — спохватился Смолин. — Вчера после заседания мне позвонили из президиума и сообщили, что завтра, то есть сегодня утром, на нашу опытную полевую станцию направляется экскурсия участников съезда, включая и иностранных гостей. Прошу всех вас, товарищи, подготовиться. Машины стоят во дворе, а гости, наверно, уже собираются. Вас, Николай Карлович, обратился он к Крушинскому, — я прошу в мою машину: будете переводчиком. Со мной Симпсон.

— Симпсон? — удивился Крушинский.

— Да, да, Симпсон — наш американский гость. Он-то и был инициатором этой экскурсии. Жду вас внизу... — Смолин посмотрел на часы. — ... ровно в половине одиннадцатого. Прошу не опаздывать.

Глава 2 ОПЫТНЫЕ ПОЛЯ

Ольга внимательно рассматривала гостей, усаживающихся в автомобили, узнавая знакомых и нетерпеливо расспрашивая Петрова о незнакомых.

— Академик Герасимов!.. А кто же с ним — его жена? Какая молоденькая!

— Дочь... Геолог... — пояснил Петров.

— А этот? Да не туда смотрите... Вон там... Справа... В сером костюме, без шляпы, с лохматой головой.

Ольга показала на невысокого, коренастого человека с могучими руками и крупной головой, крепко посаженной на короткой шее.

— А! Это — профессор Калашник, вечный оппонент Евгения Николаевича.

— Любопытен... А вон тот старик с белой бородой?

— Это кажется Радецкий.

— Путешественник по островам Тихого океана? — улыбнувшись, уточнила Ольга.

— Да нет же... Ведь вы слышали, что сказал Евгений Николаевич. Это сын или внук того путешественника. Известный геолог, минералог. Говорят, был с начала первой мировой войны в эмиграции. Репатриировался совсем недавно.

— А с ним кто? — встрепенулась Ольга не слушая. — Какая красавица!

За черной фигурой старика всколыхнулось облако белой ткани, золотом вспыхнули на солнце пушистые волосы, и легкая фигура женщины скрылась в глубине автомобиля. Высокий плечистый молодой человек, наклонившись, шагнул за ней в кабину и захлопнул дверцу.

— Не знаю, — Петров недоуменно покачал головой. — Действительно, красивая. Но я ее впервые вижу.

До опытно-полевой станции Института биогеохимии было не больше часа езды. Дорога шла на юго-запад от Москвы по гладкому асфальтированному шоссе, окаймленному ровным пунктиром деревьев. Проплыло и осталось позади величественное здание университета. Замелькали редкие пригородные лесочки. Машины свернули круто влево, лес раздвинулся, и вдали показались центральные ворота станции. В воздухе остро пахло ароматами ранней осени. Табак, петунья, виола огромными куртинами покрывали просторный двор.

Машины проезжали мимо куртин и останавливались у подъезда главного здания. На широких ступенях уже стояли профессор Смолин и академик Герасимов. Петров и Ланин побежали на поля к своим делянкам. Ольга присоединилась к экскурсантам, собиравшимся вокруг Смолина. В ней еще бурлила радость, рожденная удачей вчерашнего дня. Но появилось и беспокойство, возникшее в утреннем разговоре с сотрудниками. Она поймала на себе внимательный взгляд Смолина, улыбнулась и кивнула ему головой.

Ольга внимательно следила за тем, как менялось выражение лица профессора, когда он то дружески кивал знакомым, то вежливо кланялся почетным гостям, то любезно улыбался иностранцам. И вдруг его лицо стало напряженно серьезным. Ольга оглянулась в направлении его взгляда и увидела женщину в белом. Теперь на более близком расстоянии Ольга смогла рассмотреть тонкие линии профиля, нежный изгиб шеи, несущей прекрасную голову. Лучистые, светлокарие глаза гостьи, чуть щурясь от солнца, в упор смотрели на Смолина. Евгений Николаевич глубоко поклонился.

Рядом с женщиной возвышалась величественная фигура Радецкого. Сзади шел высокий молодой человек, которого Ольга заметила при посадке в машину. Ольга продолжала смотреть на красавицу. Белое облако прошелестело совсем рядом, обдав Ольгу нежным запахом тонких духов. И — странно! — весь облик этой женщины показался Ольге удивительно знакомым, настолько знакомым, что ей трудно было разубедить себя в таком ощущении.

Смолин, не останавливаясь, провел гостей через вестибюль нижнего этажа, до широких, распахнутых настежь дверей, ведущих на задний двор станции, и остановился на верхней площадке лестницы. Отсюда открывался вид на уходящие вдаль до синеющего на горизонте леса опытные поля Института: голубые, розовые, сизые, зеленые полосы — бесчисленные опытные делянки, заполнившие все видимое пространство геометрически правильными прямоугольниками. В центре опытных полей отчетливо вырезанным квадратом сверкал на солнце пруд. За ним — красное одноэтажное здание разборочной, вправо и влево от него тянулся кирпичный забор, а за забором снова пруд поменьше, и снова голубые, сизые и сиреневые полосы опытных делянок.

Наступила торжественная тишина, гости любовались пейзажем. Ольге был хорошо знаком этот пейзаж, но каждый раз при посещении станции она с удовольствием смотрела на него. Она даже вздрогнула, когда услышала за спиной спокойный громкий голос Смолина, сопровождавшийся вкрадчивым воркованием переводчика:

— Вот наши опытные поля, где мы создаем растения, концентрирующие различные химические элементы из окружающей их среды. Сейчас вы увидите десятки созданных нами растительных организмов, накапливающих в своем теле разнообразные, в том числе и очень важные для нас, вещества.

Смолин спустился с лестницы, быстро подошел к изгороди, отделяющей двор от поля, и остановился в воротах, вежливо пропуская гостей.

Сколько раз проходила Ольга через эти ворота, и всегда неизменно ее охватывало ощущение какой-то удивительной новизны окружающего, словно она попадала в неведомый, сказочный мир. Она искоса посмотрела на идущих рядом с ней гостей и, улыбнувшись, с удовлетворением отметила ошеломленный, озадаченные выражения их лиц.

— Вот наша титановая флора, — сказал Смолин, указывая перед собой широким движением руки.

По обе стороны центральной дорожки росли странные деревья. Их ветви почти смыкались над головами гостей, образуя длинный полутемный коридор. Хотя деревья были не очень высоки, они поражали своей величественностью. Их стройные стволы, покрытые черной с серебристым отливом корой, разветвлялись метрах в трех от земли. Среди причудливо изрезанных блестящих листьев то там, то здесь виднелись огромные, похожие на плоские блюда цветы. И листья, и цветы, и сами деревья были очень красивы. Но их красота поражала неправдоподобием. Зелень — неотъемлемое свойство растения — у этих деревьев отсутствовала, скрываясь под дополнительной, непривычной для глаза окраской. Цвет листьев был в основном сизо-синий, от нежно-сиреневого до густого лилово-черного оттенка. Незаметно было и той упругой легкости, которая составляет главную прелесть растения, — ни трепетания листьев под дуновением ветра, ни колыхания ветвей, ни качания ствола. Деревья стояли, как изваянные из металла. Не чувствовалось и запаха. Огромные тарелки цветов сидели на твердых цветоножках, словно вырезанные из жести.

— Эти растения, — рассказывал Смолин, — выведены нами из самых обыкновенных видов путем скрещивания и воспитания на почвах, обогащенных титаном. Это результат первых наших опытов. Они были начаты еще лет десять назад. Отправной точкой для первых наших опытов послужили слова академика Вернадского о роли растений в накоплении титана: “Растительные организмы, — говорил он, — как бы выкачивают атомы титана из водных растворов и вводят их в обмен химических элементов в живом веществе”.

— Вернадский? — переспросил кто-то из гостей, раскрывая блокнот.

— Да, Вернадский, основатель науки о роли живых организмов в распределении химических элементов в земной коре. Он первый обратил внимание на процессы рассеяния химических элементов в результате деятельности на земной поверхности воды и ветра... Вернадский указал на огромную роль живых существ в собирании и накоплении элементов. Увлеченные мыслью Вернадского о выкачивании растениями титана из водных растворов, мы начали скрещивать растения, накапливающие этот элемент, и воспитывать их на почве, богатой титаном. В почве, как известно, титана очень много — до полупроцента. Но растворимых соединений очень мало — миллионные доли процента. Мы начали повышать в почве содержание этих соединений сначала до тысячных долей, потом — до сотых процента и так далее. Одновременно мы отбирали растения с повышенным содержанием титана в живом веществе. И вот результат девятого года наших опытов. Иван Иванович, сколько здесь титана в почве?

— Растворимых соединений один процент, — ответил Ланин.

— Вот видите, какое чудовищное количество, — сказал Смолин. — А растущие на этой почве растения еще чудовищнее. Сколько титана, например, в этом удивительном живом существе, которое превратилось почти в окаменелость? — спросил Смолин, щелкая ногтем по лепесткам огромного иссиня-фиолетового цветка.

— До двадцати процентов титана на живой вес, — ответил Ланин.

Гости любезно захлопали. Ольге бросилась в глаза расплывшаяся в улыбке физиономия Симпсона, который аплодировал нескладными, торчащими из рукавов пиджака худыми руками чуть ли не под носом у Смолина.

— Но любопытнее и интереснее всего, сказал Смолин, — что созданное нами свойство не исчезает у этих растений и при пересадке на почвы, бедные титаном. Если в почве есть постоянный приток растворимых титановых соединений, хотя бы и в миллионных долях, то в два-три года растение накапливает те же двадцать процентов. Это значит, что живое вещество растения концентрирует рассеянный в почве элемент в сто миллионов раз. Мы изучили множество растений дикой флоры. Наивысшая способность к концентрации титана обнаружена у морской водоросли литотамнии, которая концентрирует титан в несколько тысяч раз. Воспитанные нами растения превосходят литотамниевые водоросли в своей способности к концентрации титана, по крайней мере, в сто тысяч раз.

Смолин повернулся к гостям, ожидая вопросов. Профессор Калашник издал глухое рычание, точно прочищая горло, но ничего не спросил.

— Дальше у нас идут собиратели легких металлов — лития, рубидия, цезия, — продолжал Смолин, переходя к следующим делянкам. — Здесь нет ничего особенно интересного: опыты начаты сравнительно недавно. Растения внешне сильно изменены. Обратите внимание на их темный цвет и очень сухие, бедные водой стебли. Узнаете? Нет? Это представители самых обычных семейств лютиковых, пасленовых, а также солянки и некоторые другие. Концентрация элементов здесь пока что увеличена в десять тысяч раз. А вот здесь более интересные и, может быть, практически важные растения. Это накопители марганца. Узнаете?

— Похоже на люпин, — буркнул Калашник, отрывая ветку растений с бурными стручками и разглядывая его темнокрасные листья.

— Вы не ошиблись, — подтвердил с вежливой улыбкой Смолин. — Это созданный нами сорт люпина, накапливающий марганец. В почве этот элемент присутствует в десятитысячных долях процента. Его значение для урожайности растений огромно. То, что на богатых марганцем почвах растения содержат много этого элемента, известно давно. В Чиатурах, около марганцевых месторождений, растения накапливают до десяти граммов марганца на килограмм сухого веса. Но наши люпины в этом отношении значительно превосходят чиатурские растения. Они накапливают марганец до ста граммов на килограмм сухого веса.

Смолин взял из рук Калашника сорванную им ветку, вылушил из стручков семена и встряхнул их на ладони.

— Вот в этих семенах одна десятая часть сухого веса — марганец. Присутствие марганца можно отчетливо различить на вкус. Накопление идет теперь и на обычных почвах, содержащих десятые доли процента марганца. Концентрация увеличивается в тысячу раз. Если почва содержит сто тонн марганца на гектар, мы нашими люпинами получаем ежегодно до двух центнеров марганца с гектара.

— А какой в этом практический смысл? Любой шахтер в Чиатурах добывает это количество за час без всяких люпинов, — язвительно спросил Калашник.

— Я позволю себе отложить ответ на этот вопрос, — спокойно ответил Смолин, переходя к следующей группе растений.

Ольга уже устала слушать. Она свернула в сторону, отстала от экскурсантов и медленно шла по дорожке одна, рассматривая диковинные растения и припоминая их скромных прародителей.

Огромные астрагалы — накопители бария, выкинули высоко вверх большие листья с созревшими плодами. Крошечные кустики подсолнечников с малиново-красными листьями и маленькими корзинками почти готовых семян концентраты ниобия. Потом шли делянки квасцовой флоры — накопители алюминия, серпентинитовая флора — концентраты никеля, селеновая флора — собиратели селена. Здесь Ольга остановилась.

Селеном Смолин особенно интересовался.

Этот редкий элемент рассеян в земной коре и в обычных почвах его не более одной миллионной процента. Только вулканические почвы содержат значительное количество селена. Давно уже известно, что растения на этих почвах накапливают селен в таких количествах, что становятся ядовитыми. Здесь, на селеновых почвах, бурно росли накопители селена — различные крестоцветные и бобовые растения, измененные селекцией до неузнаваемости. Листья и цветы их были серебристо-голубого цвета.

Рядом с селеновыми находились теллурические почвы, на которых Смолин ставил опыты выведения растений, накапливающих этот элемент в количествах, пригодных для промышленного использования. Здесь он работал сам, без помощников, вкладывая в свой труд огромное упорство, удивлявшее даже привыкших к его настойчивости сотрудников. Теллур — редкий элемент, еще более редкий, чем селен; его добыча ничтожна, а потребность промышленности в нем огромна. Вот почему так заманчивым казалось Смолину перейти от теории к практике, именно, на этом объекте.

Ольга внимательно рассматривала огромные формы теллурических растений с мясистыми, толстыми листьями и колючими стеблями, напоминавшие кактусы. Цвет их был пепельно-серый. Кисти созревших семян, опушенные длинными щетинками, свешивались над дорожкой.

Звуки приближающихся голосов вывели Ольгу из задумчивости. Опередив всю группу, стремительно шагали к теллурической делянке, споря между собой на ходу, Калашник и Смолин.

Глава 3 ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

— Да, да, я продолжаю утверждать! — Калашник говорил запальчиво, но лицо его было спокойным и даже несколько безразличным. — Ваши работы имеют совершенно очевидный теоретический интерес. Но для практики они абсолютно бесперспективны! И вы ничем меня не разубедите.

— Хорошо. Можете оставаться при вашем убеждении, — с легким раздражением отвечал Смолин. — Но что вы скажете об этих растениях?

Они остановились у теллурической делянки. Калашник мрачно, исподлобья посмотрел на Ольгу маленькими серыми глазами, неуклюже поклонился, тряхнув шапкой лохматых светлых волос, и отвернулся.

— Ну, что мне сказать? Я же ничего о них не знаю, — Калашник постучал по ближайшей к нему ветке. — Скажу, что и эти растения вы изменили так, что их родная мать не узнает. На это вы мастер. Но что их способность к накоплению каких-либо элементов может заинтересовать промышленность — извините меня — в это я не поверю.

— Постойте, уважаемый скептик! — Смолин положил руку на рукав Калашника, видимо борясь с нарастающим раздражением. — Скажите мне, знаете ли вы методы извлечения теллура из породы, если содержание этого элемента в минерале не больше тысячной процента, то есть десять граммов на тонну?

— Ну, допустим, не знаю. Но уверен, что методы найдутся, если только добыча таких ничтожных количеств экономически будет оправдана.

— Хорошо, — сказал торжествуя Смолин, — а я берусь с помощью этого растения, которое вы так пренебрежительно щелкаете, извлекать до пятидесяти килограммов теллура с гектара, если почва содержит его не более десяти граммов на тонну, и до центнера с гектара, если в почве хотя бы тридцать граммов на тонну.

— А вы сперва найдите такую почву! — свирепо огрызнулся Калашник. — Тогда, может быть, и без вас отыщут методы добычи.

Смолин стиснул зубы и замолчал. К ним подошли отставшие экскурсанты. Спор, очевидно, утомил Смолина, и он продолжал демонстрацию уже без воодушевления. Оживился он только, подходя к разборочной. На ступеньках крыльца сидел пригорюнясь скучающий Крушинский. Он медленно поднялся навстречу гостям.

— Позвольте представить вам моего сотрудника, гидрофитолога¹ доктора Крушинского, — сказал Смолин. — Показывайте, Николай Карлович.

— Здесь, в этом пруду, — начал Крушинский, — культивируется выведенная нами раса пресноводной водоросли кладофоры. Исходный материал — хорошо известный вид *Cladophora sauteri* — накопитель брома. Увеличивает концентрацию брома в восемьдесят тысяч раз. У выведенных нами растений эта способность усилена в миллион раз.

— Путем селекции? — спросил Симпсон.

— Да, путем скрещивания и воспитания в богатых бромом средах. Прошу вас убедиться.

Крушинский вытащил из большого кристаллизатора щепотку спутанных буро-зеленых нитей и растер между пальцами. В воздухе потянуло удушливым запахом брома.

— Словом, накапливает до пяти килограммов брома с гектара. Вас это не устраивает? — шутливо обратился Смолин к Калашнику.

— Промышленность получает бром в достаточных количествах и без ваших кладофор, — сердито проворчал Калашник.

— Хорошо, — коротко отозвался Смолин. — Идемте дальше. Прошу всех в помещение.

Крушинский распахнул дверь разборочной. Гости, вполголоса переговариваясь, довольные спором, оживившим экскурсию, заполнили просторную лабораторию. Из ее широких окон был виден пруд и бесконечные, уходящие к самому лесу опытные делянки.

— Мы в лаборатории, где подвергается первичной обработке наш опытный материал, пояснил Смолин. — Помещение это расположено, так сказать, на демаркационной линии, которая разделяет наши поля на две части. Мы с вами прошли сейчас по территории, где культивируются выведенные нами растения — накопители элементов с устойчивым ядром. По эту сторону, — Смолин указал рукой на окна, — посадки растений, концентрирующих элементы с неустойчивым ядром, — радиоактивные элементы.

В группе гостей возникло движение. Слова профессора Смолина, видимо, сразу повысили внимание утомленных экскурсантов. Смолин продолжал, словно не замечая впечатления, произведенного его словами:

— Факты накопления живыми существами радиоактивных веществ общеизвестны. За последние годы в этой области нашими учеными сделано немало. Доказано, что радий в определенных количествах необходим для нормальной жизнедеятельности растений. Правда, количества эти ничтожны. Но потребность растений в радии оказалась таким свойством, которым можно пользоваться для селекции организмов — концентраторов радия. Надо сказать, что в природных условиях накопление радия растениями едва уловимо. В почве и в воде морей и рек радия стотриллионные доли процента. В живом веществе растений можно обнаружить уже триллионные доли процента значит, концентрация радия увеличивается примерно в сто раз. Но обнаружены растения и с более высокой способностью к концентрации радия. К ним принадлежит, в частности, самая обыкновенная пресноводная ряска, засоряющая наши пруды. Она концентрирует радий в тысячу раз. С ней-то мы и начали работать, поставив целью усиление этого ее свойства. Ну, Николай Карлович, показывайте.

Крушинский подошел к столу, на котором стояли приборы.

— Селекция такого растения, как ряска, чрезвычайно трудна, — начал он. — Размножается ряска простым почкованием, цветение происходит очень редко... Но все же некоторых успехов мы добились. Вот в этом кристаллизаторе, — он поднял со стола стеклянный сосуд с множеством крошечных круглых пластинок ряски, — последняя выведенная нами раса, воспитанная в среде с содержанием радия до одной тысячной процента. Эти растения культивируются теперь в обычной среде, где радия не больше триллионных долей процента. И они концентрируют радий в своем живом веществе в сто тысяч раз. Наличие радия в этих растениях отчетливо регистрируется обычными счетчиками нейтронов.

Крушинский раскрыл свинцовую коробку прибора, пинцетом вытащил из кристаллизатора пластинку ряски и положил на предметное стекло. Гости наблюдали за его движениями с напряженным вниманием. Крушинский вставил стекло в камеру, закрыл коробку и включил ток. Мигнул и загорелся зеленый глазок. Ольга с замирающим сердцем ждала момента, когда заработает счетчик, хотя десятки раз до этого наблюдала действие прибора.

Крушинский покрутил рычаги... И стрелка на круглом, как часы, циферблате, подрагивая, пришла в движение. 5... 10... 15... 25... — с характерным пощелкиванием отмечал счетчик. Гости опять дружно зааплодировали.

— Это растение, — сказал невозмутимо Крушинский, — накапливает до пятидесяти миллиграммов радия на тонну живого веса.

— А в пруде площадью в один гектар, — добавил Смолин, посмотрев с усмешкой на хмурое лицо Калашника, — в течение лета обыкновенная ряска образует до ста тонн зеленой массы.

¹ Гидрофитология — наука о водных растениях.

— Значит, пять граммов радия на гектар? — подсчитал кто-то из гостей.

Смолин кивнул утвердительно головой.

— Что же вы скажете, Григорий Харитонович? — обратился он к Калашнику. — Ваш скептицизм и теперь не заколебался?

Калашник зарычал, прочищая горло.

— Что говорить. Конечно, нельзя не отдать должного вашему исследовательскому умению, — ответил он неохотно. — Может быть, в этой области... где добыча исчисляется не тоннами, а килограммами. Может быть, может быть... Но возражения своего пока снять не могу. Чтобы добывать радий по вашему способу при содержании его в породе в триллионных долях процента... нет, ничего не выйдет. А из пород, содержащих радий в высоких концентрациях, промышленность умеет добывать его и без живых организмов... если не считать самого человека, который занимается добычей.

Смолин пожал плечами.

— Ну, хорошо, — сказал он коротко, — перейдем к другим объектам. Прошу гостей к окнам.

Экскурсанты столпились у широких окон.

— Пруд под окнами, — пояснил Смолин, — отведен под культуру ряски, концентрирующей радий. Дальше, вы видите делянки с растениями, концентрирующими другое радиоактивное вещество — уран. Сейчас мы бегло посмотрим выведенный нами растения. Предупреждаю, что длительное пребывание на этой территории небезопасно. Почва там обогащена ураном, и наши растения накапливают его в таких количествах, что счетчики улавливают излучение даже на некотором расстоянии от делянок. Наши рабочие ухаживают за этими растениями в специальной одежде. Прошу перейти в соседнее помещение, чтобы надеть халаты. Выход на территорию — оттуда.

Гости хлынули за Смолиным. Ольга проводила глазами Радецкого и его дочь, опять мучительно вспоминая, где она могла видеть эту прекрасную женщину, но, так и не вспомнив, вздохнула и повернулась к Крушинскому.

— Ну, что вы скажете, Николай Карлович?

— Вы же видели и слышали сами, — неторопливо ответил Крушинский. — Надо готовиться к бою. Калашник рвет и мечет.

— Не нравится мне его поведение. К чему эти резкие возражения да еще в присутствии иностранных гостей?

Крушинский не отвечал.

— О чем вы думаете, Николай Карлович? — заинтересовалась Ольга.

— Так, пустяки, — Крушинский усмехнулся и махнул рукой. — Странное совпадение. Странное, но очень любопытное.

— Что случилось, Николай Карлович?

— Представьте, какая история... Вы помните разговор в лаборатории, перед самым отъездом сюда? Ну... в связи с письмом Евгению Николаевичу из биологического отделения? Вспоминаете справку из букинистического магазина, полученную Паниным? О книге Федора Радецкого "Дневник путешествий по островам Тихого океана"?

— Ну, помню...

— Из магазина сообщили, что книга куплена каким-то иностранцем. Знаете, кто этот иностранец?

— Откуда же мне знать? — пожала плечами Ольга.

— Наш гость Симпсон.

— Что вы говорите!

— Да, да, я уверен, что не ошибаюсь. Евгений Николаевич посадил меня в свою машину, так сказать, в качестве переводчика — нами поехал Симпсон. Разговор в дороге был мало интересный — не в нем дело. Подъезжаем к станции, въезжаем во двор, машина останавливается, мы начинаем вылезать из машины и, как всегда, с небольшим замешательством, сидели мы все трое на заднем сидении. Ну, в левую дверь, наконец, вышел я, Евгений Николаевич вышел в правую и сейчас же пошел к гостям. Я помог Симпсону выйти — у него в руках маленький портфель, знаете, кикой у них всех — плоский кожаный с застежкой молнией.

И надо же такому случиться — я, протягивая ему руку, задел рукавом застежку, портфель раскрылся, и все его содержимое — бумаги и книги — посыпались на дорогу. Оба мы быстро все подобрали. Я извинился, он поблагодарил — это заняло не более минуты. Но за эту минуту, нет, какую-то долю минуты, может быть, на секунду, одна из книг развернулась и перед моими глазами мелькнуло заглавие. И можете представить себе! — это была та книга, о которой мы сегодня говорили.

— Неужели?

— Да, “Дневник путешествия по островам Тихого океана Федора Радецкого”. И почему-то случай этот не выходит у меня из головы.

— Любопытно, — покачала головой Ольга. — Надо будет сказать Евгению Николаевичу!.. Вот он уже и возвращается. Недолго они там задержались!

— Да, проникающее излучение хоть у кого отобьет любопытство, — усмехнулся Крушинский.

Дверь в лабораторию распахнулась, и вошли Смолин и Калашник, оба уже без халатов. Смолин продолжал начатый еще на опытном поле разговор:

— Да, да, Григорий Харитонович! Надо, наконец, понять, что рассеяние элементов — неизбежное следствие деятельности человека в биосфере. Если мы не предпримем мер, чтобы обеспечить обратный процесс — накопление элементов, то рано или поздно человечество окажется перед катастрофой. Целый ряд жизненно необходимых элементов будет рассеян в результате использования в промышленности. В настоящее время, в век атомной энергии, это прежде всего касается радиоактивных элементов, рассеяние которых уже не только экономически невыгодно, но и создает огромную опасность для населения Земли. Вот о чем идет речь. Созданные нами растительные организмы-концентраторы предназначены для того, чтобы человечество могло избежать этой катастрофы. И наши растения-уранособираатели, как мне кажется, в свое время сыграют важную роль, концентрируя для человека важнейшее энергетическое вещество — уран, рассеянный и рассеиваемый нами в земной коре в эпоху атомной техники...

Он оборвал речь, видимо, уже недовольный тем, что снова вступил в спор, повернулся к гостям, собирающимся вокруг него, и вежливо сказал:

— Вот, собственно говоря, и все. Позвольте поблагодарить вас за внимание к нашим скромным опытам.

Глава 4 ПРОТИВНИК НА ТРИБУНЕ

— Слово предоставляется профессору Калашнику, — объявил председатель.

Огромный зал загудел, как встревоженный улей.

— Ой, как я боюсь! — шепнула Ольга Петрову.

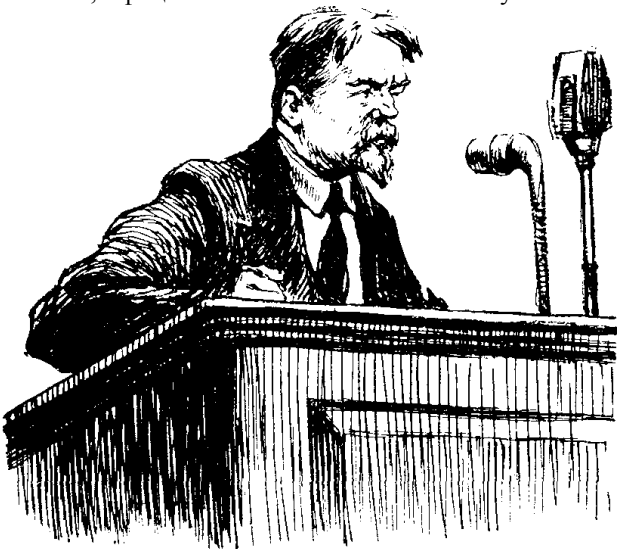
— Было бы хуже, если бы он не выступил, — ответил Петров. — По крайней мере, станет ясно, чего собственно он добивается.

— Я не собираюсь, товарищи, выступать с пространной речью, — начал Калашник, — в качестве, так сказать, официального оппонента нашего уважаемого докладчика. Но поскольку доклад профессора Смолина содержал программу исследований в крупной отрасли естествознания и претендовал на определение дальнейших путей развития науки, — я как ученый считаю долгом выразить свое отношение к этой программе.

В зале снова возник и тут же замер сдержанный гул голосов. Ольга испуганно посмотрела на Петрова. Его лицо нахмурилось, на щеках выступили пятна.

— Что предлагает нам профессор Смолин? — продолжал оратор. — Его программа — овладение и управление так называемыми биогеохимическими процессами. В этой программе поставлена задача ускорить в тысячи раз накопление редчайших элементов, рассеянных в земной коре. Такая задача, естественно, не вызывает возражений. Она поставлена своевременно. Она исключительно актуальна. В самом деле, научиться концентрировать в больших количествах такие редкие и, вместе с тем, такие необходимые нашей промышленности вещества, как

титан, теллур, ниобий, тантал, ванадий и другие, — это одна из важнейших проблем нашей науки. — Оратор на несколько секунд остановился, перевел дыхание и заговорил еще более резким тоном: — Однако, какие же средства предлагаются профессором Смолиным для разрешения этой задачи? Мы слышали о них в достаточно пространном и художественно изложенном докладе. Мы познакомились с ними на великолепной биологической станции Института биогеохимии. Эти средства — живые существа, накапливающие в своих тканях редкие элементы, организмы-концентраторы. Ни одному из присутствующих не придет в голову отрицать значение живых организмов в перемещениях элементов в земной коре. Это основа той отрасли науки, которая нашим великим соотечественником Вернадским названа биогеохимией. Исследованием роли живых организмов в геохимических процессах занимаются в десятках лабораторий как в нашей стране, так и за рубежом. Цель первого съезда биогеохимиков — подвести итоги этой интересной работы и наметить перспективы дальнейших исследований. — Калашник сделал паузу, видимо, собираясь с мыслями. — Мы — химики, физикохимики и биохимики — присутствуем на вашем съезде в качестве гостей. — Оратор метнул взгляд в президиум. — Но кое-что в этом деле и мы понимаем. И вот, когда нам указывают, как на одну из перспектив развития биогеохимии, —

на селекцию и разведение организмов-концентраторов, мы, ваши гости, не можем согласиться с этим. Прошу извинить меня за резкость, но я должен сказать, что программа профессора Смолина, даже с учетом достижений его лаборатории, так же современна, как, скажем, предложение вернуться к сохе в сельскохозяйственной технике.

В зале опять на мгновение возник и затих разноголосый шум. Петров покосился на Ольгу. Она сидела в напряженной неловкой позе, устремившись всем телом вперед. Лицо ее выражало страдание. Взгляд был устремлен через сотню голов партера в президиум, где за большим столом, рядом с председателем съезда, сидел профессор Смолин. Он смотрел прямо перед собой в затихшее пространство зала, чуть повернув голову в сторону оратора. На его лице застыло вежливое, внимательное, спокойное выражение. При упоминании о сохе его усы чуть дрогнули в насмешливой улыбке. Он приподнял брови, переглянулся с председателем и покачал головой. Оратор продолжал с еще большим увлечением:

— Было, время, когда проблемы накопления и использования энергии казались неразрешимыми без привлечения живого вещества. Это был период классических работ Тимирязева. Период, когда господствовали романтические представления о космической роли растения... о хлорофильном зерне, концентрирующем энергию солнечных лучей. Это была эпоха полной зависимости человека от живого вещества. И если профессор Смолин приглашает нас вернуться к масштабам и представлениям тех лет, я категорически возражаю против его предложений... — Оратор налил из графина воды, но не отпил, а только поднял стакан, возбужденно смотря на аудиторию. — И никому не советую увлекаться ими...

Ольга стремительно повернулась к Петрову. В ее глазах блеснули слезы злости и отчаяния.

— Что же это, Аркадий Петрович, — зашептала она, кусая губы. — Как можно так... Перед такой аудиторией... В присутствии иностранных гостей...

Петров успокоительно положил руку на дрожащие пальцы девушки.

— Ничего, ничего, успокойтесь. Евгений Николаевич ему не спустит...

— Но зачем же...

— Тс-сс! — остановил Петров Ольгу.

Но возбужденное сознание девушки уже плохо воспринимало смысл речи Калашника. Слова оратора доходили до нее, как звуки мало знакомого языка. Она откинулась на спинку кресла, с тоской дожидаясь, когда он кончит говорить.

До этого выступления она была в непрерывном восторженном возбуждении. Третий день длился праздник, — шел съезд ученых, на котором она впервые присутствовала как равноправный участник. Правда, ее участие в работе съезда было очень скромным: фамилия Дубровских фигурировала в числе пяти авторов маленькой работы, представленной в тезисах докладов десятью строчками текста. Но этой работой руководил сам профессор Смолин, которому была предоставлена честь выступить с программным докладом на первом пленарном заседании съезда.

Все было прекрасно: и содержание его выступления, насыщенное фактами, экскурсами в историю науки, волнующими обобщениями, и форма — острая, яркая, запоминающаяся. Председатель съезда, академик Герасимов, слушая Смолина, забыл о регламенте. Съезд устроил докладчику овацию... Ольга отчаянно хлопала, стоя, с пылающими щеками, не сводя с учителя влюбленного взгляда. Казалось, это была победа над недоверием, пренебрежением, над косностью старого, сопротивляющегося проникновению нового в науку. Экскурсия участников съезда на биологическую станцию оставила, однако, в душе Ольги маленькое зернышко сомнения — победа ли это?

И вот — наступление противника. Обидная, незаслуженно резкая критика того дела, ради которого профессор Смолин жил и работал. Не поправки, не указания на отдельные недочеты, а безоговорочное отрицание основных положений, разрушающее фундамент, на котором построена вся теория Смолина. У Ольги не было опыта в научной полемике, и ей казалось, что это наступление не оставляет камня на камне от того, что создавала вся лаборатория Смолина, — создавала упорно, сосредоточенно, вдохновенно...

Ольга с трудом переводила дыхание. Ей было душно, хотя в огромном зале поддерживалась ровная умеренная температура.

Незримые и неслышные вентиляторы беспрерывно подавали в зал очищенный, увлажненный, обогащенный кислородом, прохладный воздух. Ольга бросила рассеянный взгляд вокруг. Двадцать рядов партера — шестьсот делегатов съезда — внимательно слушали оратора, обратив к амфитеатру блестящие лысины и седые шевелюры. Далее, обнимая партер широким полукругом, поднимались десять рядов амфитеатра, заполненные молодежью, бурно реагирующей на все происходящее в зале. Ольга и Петров сидели в предпоследнем ряду. Амфитеатр опоясывало кольцо лож, из которых поблескивали бинокли и объективы фотоаппаратов. Здесь сидели почетные гости и корреспонденты газет и журналов. Временами вспыхивали ослепительные огни мощных прожекторов, освещая президиум и трибуну. Сейчас же по всему кольцу лож проносился шорох, жужжание и щелканье фото- и киноаппаратов.

Калашник заканчивал свою речь, сердито хмурясь на прожекторы, то и дело бросающие свет на его покрасневшее лицо с крупным носом и блестящим от выступающего пота выпуклым лбом и огромные руки, сжатые в кулаки на краю кафедры.

— Ныне наступила новая эра, — гремел его низкий голос. — Эра освобождения человека от власти живого вещества. Человеческий разум проник в недра атома, где нашел неисчерпаемые источники энергии, не стоящие ни в какой зависимости от энергии, аккумулируемой доселе растительными организмами из солнеч-

ных лучей. Зачем же нам привлекать живые организмы для осуществления процессов, неизмеримо более доступных, чем внутриатомные процессы, которыми овладел человек?..

Плеск аплодисментов прокатился по амфитеатру. Хлопали в партере и в ложах. Председатель тронул колокольчик. Калашник вытер платком лоб и красную шею, выпирающую из мягкого воротничка, и продолжал, потрясая тяжелым кулаком:

— Я напомним присутствующим предсмертную статью академика Вернадского, в которой он вводит понятие ноосферы — оболочки земли, преобразуемой творческой деятельностью человека. В ноосфере с космической ролью выступает не хлорофильное зерно, собирающее солнечную энергию, не организмы-концентраторы, накапливающие известь, кремнезем, азот и другие вещества, а сам человек, вмешивающийся в ход развития материи и управляющий им...

Снова плеснула волна аплодисментов. Но Калашник, уже не останавливаясь и сердито махая рукой, чтобы ему не мешали, заканчивал речь:

— Уже давно позади тысячелетняя зависимость человека от живых организмов в производстве сложнейших, так называемых органических веществ, проще говоря, углеродистозатотистых соединений. Зачем же нам для концентрации простейших тел — химических элементов, пусть даже это и редкие металлы, переходить от методов физической химии к организмам-концентраторам, да еще таким, какие не существуют в природе и должны быть выведены путем селекции? Нет, товарищи, уже это не биогеохимия, а алхимия XX столетия... В этой работе нам, физикохимикам, с вами не по пути...

Он кончил, ему захлопали в разных концах зала. Но сквозь шум аплодисментов Ольга расслышала негромко, но четко прозвучавшее слово: "Идиот!"

Она обернулась в направлении звука.... В полумраке ложи белела чья-то борода и светлым пятном выделялось платье женщины. Приглядевшись, Ольга узнала профессора Радецкого и его спутницу. Ольга пожала плечами и перевела взгляд на трибуну. Калашник медленно спустился с возвышения и пошел по проходу между креслами к своему месту. Ольга не сводила с него глаз. Навстречу Калашнику из второго ряда партера перегнулся высокий худой человек, протягивая ему руку.

— Это кто? — спросил Петров.

— Так это же Симпсон! — ответила Ольга, исподлобья наблюдая, как Калашник принял протянутую руку и выдержал ее демонстративное пожатие.

Председатель встал и объявил:

— В списке ораторов, желающих выступить по докладу профессора Смолина, восемь человек. Полагаю, что их лучше заслушать после перерыва. Нет возражений? Что же касается интересного выступления профессора Калашника, то, совершенно очевидно, что оно также будет предметом обсуждения в прениях. Объявляю перерыв до двух часов дня...

Глава 5 ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

— Не понимаю, почему так задерживается Евгений Николаевич, — оказал Петров, расхаживая взад и вперед по лаборатории.

— У него разговор с директором. Сергей Иванович задержал его после заседания, — объяснил Крушинский.

— Сергей Иванович поздравляет его с блестящим заключительным словом? — спросил Лапин, Крушинский подумал и неторопливо ответил:

— Сомневаюсь... Он был чем-то очень озабочен.

— Послушайте, Аркадий Петрович, — сказала с возмущением Ольга, — а вы хорошо поняли, что вам сказал Евгений Николаевич?

— В пределах моих умственных способностей. — Петров пожал плечами. — Я же вам говорил: он просил меня собрать в лаборатории после заседания всех научных сотрудников. — Для чего?

— Об этом он ничего не сказал, добавил только, что очень спешит.

— Не похоже, — буркнула Ольга, посмотрев на часы. — Двадцать минут девятого.

— Что же делать, надо ждать, — с философским спокойствием ответил Крушинский. — Сегодня суббота. Очевидно, дело, из-за которого нас задерживает профессор, не терпит отлагательства до понедельника.

— А, вот и он! — Ольга просияла в улыбке, не вязавшейся с только что высказанным ею недовольством.

Петров повернул голову, прислушиваясь. В коридоре прозвучали твердые, четкие шаги. Петров кивнул головой и облегченно вздохнул.

— Он!..

Дверь распахнулась. Профессор Смолин быстро прошел через комнату и сел спиной к окну. Все молча ждали, что он скажет. Смолин побарабанил по забытому кем-то на столе стакану, тонко зазвеневшему под его пальцами.

— Как дела? — спросил он отрывисто.

— В порядке, — ответил Петров, улыбаясь. — Мы в восторге от вашей речи. Калашник потерпел полное поражение.

— Зажгите свет! — коротко попросил Смолин.

Петров повернул выключатель. Под потолком вспыхнула лампа. Сумерки за окном сразу же сгустились.

— Больше в лаборатории никого нет? — спросил Смолин нахмурившись.

— Здесь все, — ответил Петров, — кого я успел предупредить. Ведь вы...

— Хорошо, — прервал его Евгений Николаевич. — Нам предстоит довольно серьезный разговор. Николай Карлович, — обратился он к Крушинскому, — вы хорошо знаете Черное море?

Крушинский снял очки и начал неторопливо протирать их платком.

— Как вам сказать, Евгений Николаевич... Конечно, как специалист по водорослям, я знаю его главным образом с этой стороны. Но, поскольку я работал там много лет, общее представление о нем у меня есть.

— Карта Черного моря у вас найдется? — перебил его Смолин.

— Да, конечно.

— Масштаб?

— Пять километров.

— Пока достаточно. Принесите.

Крушинский вышел.

— Предполагаются работы на море? — спросил Петров. — Но ведь до сих пор мы работали с пресноводными...

— Сейчас все узнаете. Вам, — обратился Смолин к Ольге, — предстоит обучиться новой методике.

— Какой методике? — сразу заинтересовалась Ольга.

Смолин усмехнулся.

— Вы спросите лучше, у кого... Вам никогда не придет в голову...

— Вот, что вы просили, — сказал Крушинский, входя в комнату.

Он развернул на столе большую карту Черного моря, старую, пожелтевшую и истертую на сгибах.

— Ну-с, — интригующим тоном обратился Смолин к сотрудникам. — Начнем, как говорится, *ab ovo*¹!. Расскажите нам, Николай Карлович, о растительности Черного моря. Где, что и как произрастает?

Крушинский нагнулся над картой, близоруко щурясь на мелкие надписи.

— Основные черты распределения растительности в Черном море, — начал Крушинский своим обычным неторопливым скучным голосом, — были выяснены еще пятьдесят лет назад академиком Зерновым. С тех пор наши знания значительно углубились, но в основном не вышли за пределы предложенной им схемы.

Растительный мир Черного моря, как вы знаете, распространяется на 200 метров в глубину. Ниже начинается зона сероводорода, убивающего все живое.

— Вы только покороче, — прервал его Смолин. — В самых общих чертах.

— Хорошо, — невозмутимо отозвался Крушинский. — Растительность Черного моря — это в основном прибрежные водоросли. Глубоководных растений в Черном море нет, потому что на дне этого бассейна зловонный ил, населенный бактериями, производящими сероводород, и абсолютно непригодный для другой органической жизни...

— Какие именно водоросли и где произрастают? — снова прервал его нетерпеливо Смолин. — Особенно меня интересуют багрянки².

— Что ж, можно и о багрянках, — без оттенка раздражения согласился Крушинский. — На прибрежных скалах в зоне прибойных волн встречаются розовая известковая водоросль кораллина и мелкая слизистая водоросль немалион. На глубине до шестидесяти метров встречается мягкая багряная водоросль филлофора. В северо-западной части моря академик Зернов обнаружил заросли этой филлофоры на огромной площади и даже предложил назвать эту часть бассейна «Филлофорным морем». — Крушинский обвел рукой на карте большой круг к западу от Каркинидского залива. — Итак, основные виды багрянок в Черном море, это —

¹ *А b o v o* (латынь) — с самого начала. Буквально: с яйца. У древних римлян обед начинался с яиц.

² Багрянки, багряные водоросли — низшие растения, отличающиеся красной окраской, распространены главным образом в воде морей и океанов.

кораллина, немалион и филлофора. Они в Черном море имеют широкое распространение. Глубже филлофоры найдены антитамнион и полисифония наиболее густо окрашенные багрянки Черного моря. Вообще, надо сказать, чем глубже развиваются красные водоросли, тем ярче и гуще их окраска. Описано еще несколько видов, но они имеют очень ограниченное распространение.

Смолин пристально посмотрел на Крушинского.

— И это все? — разочарованно спросил он.

— Все, — подтвердил Крушинский.

— Небогато, — покачал головой Смолин.

Он выдержал небольшую паузу, переводя испытующий взгляд с одного лица на другое.

— Нам предстоит, — сказал он медленно, — дело государственной важности. Мы получили задание разработать биологический метод извлечения золота из морской воды.

Четыре пары глаз смотрели на него с напряженным интересом.

— Золота? — переспросил изумленно Петров.

— Да, золота. Вас это удивляет?

— Собственно, я никогда не думал об этом, — недоумевающе ответил Петров.

— Напрасно. Золото — элемент, который по своей распространенности в живой и мертвой природе не имеет себе равных. Все организмы содержат в составе протоплазмы следы золота...

— Но ни один из них не концентрирует его в заметных количествах, — возразил Петров.

— Да. До сих пор считалось так, — подтвердил Смолин.

— Что значит до сих пор? — удивился Петров. — А теперь разве что-нибудь изменилось?

Смолин усмехнулся, встал и с высоты своего огромного роста оглядел, прищурясь, сотрудников. Потом вытащил из кармана небольшую картонную коробочку и раскрыл ее.

Четыре головы наклонились над странным предметом. Он был похож на сухую, корявую ветку какого-то растения. Тонкие, жесткие, колючие стебли плотно переплелись между собой.

— Ну, что скажете, Николай Карлович? спросил Смолин.

Крушинский протянул руку к коробке.

— Разрешите.

— Пожалуйста.

Николай Карлович поднес ветку к самым глазам, затем положил на ладонь и встряхнул, пытаясь определить вес ветки.

— Ну, что скажете? — повторил вопрос Смолин.

— Да что ж тут сказать... — Крушинский пожал плечами. — Непонятно...

— Не узнаете?

— Очень тяжелая... Удивительно тяжелая. Именно поэтому я не решаюсь отнести ее к какому-либо из знакомых видов.

— Но вы догадываетесь, что это такое?

— Насколько я понимаю, это багряная водоросль... К сожалению, я слабо знаком с этой группой. Как и любому биогеохимику, мне известны только багрянки, накапливающие известь, — литотамниевые багрянки. Но этот вид я вижу впервые. И не могу понять, что в нем Накапливается. Судя по весу этого экземпляра, он содержит, по меньшей мере, свинец.

— Вы очень близки к истине, Николай Карлович. Посмотрите-ка поближе к лампе.

Крушинский шагнул к столу, не сводя глаз с водоросли. Яркий свет настольной лампы скользнул по рукаву его пиджака и задрожал на ладони. Растение засветилось густофиолетовым цветом. Крушинский медленно повернул руку, поочередно обращая к свету все ответвления. Внезапно лицо его озарилось догадкой.

— Евгений Николаевич... — негромко сказал он, не решаясь высказать пришедшую в голову мысль.

Смолин широко улыбнулся.

— Итак, Николай Карлович?

— Это же... золото.

— Да, Николай Карлович, золото... Настоящее золото. И водоросль, которую вы держите в руках, содержит восемьдесят процентов этого металла.

— Золотая ветвь! — мечтательно прошептала Ольга.

Смолин кивнул головой.

— Вижу, всем вам хочется прежде всего узнать, что это за растение, — сказал он, улыбаясь.

— Еще бы!.. — вырвалось у Петрова.

— Этого я сказать вам не могу... Да и никто пока не может. Дело в том, что эта водоросль — неизвестный в науке вид. Ее подняли случайно со дна Черного моря, нашли в пробе грунта...

— В Черном море? Быть не может, — удивился Крушинский. — Оно так хорошо обследовано...

— И вот, тем не менее... Она была обнаружена при драгировании в Карадагской котловине на глубине пятисот метров и отправлена для определения в Ботанический институт...

Там в физиологической лаборатории сделали анализ и нашли золото. Находкой заинтересовались в высших инстанциях. Вчера академика Герасимова вызвал президент Академии и предложил немедленно начать работу с этой водорослью. Работа поручена нашей лаборатории.

— Но ведь найден только один экземпляр водоросли... — Крушинский недоумевающе поднял брови и продолжал рассматривать золотую ветвь.

— Ну, не только с этим экземпляром, конечно. Там, где нашли один, найдут и другой, и третий. Я думаю, товарищи, вам понятно, почему привлекают именно нашу лабораторию.

— Догадываюсь. Новый организм-концентратор. Кому же еще им заниматься, как не нам.

— Да, это растение — концентратор золота. И нам всем предстоит, оставив другие темы, немедленно взяться за эту проблему.

Евгений Николаевич положил водоросль в коробку.

— И вы считаете, — спросил нерешительно Петров, — что эта веточка стоит того, чтобы из-за нее в нашей лаборатории было заброшено все остальное?

— Не заброшено, — мягко ответил Смолин, положив руку на его рукав, — а приостановлено на тот срок, пока мы не сумеем разрешить поставленную перед нами задачу. Сейчас накопление золота — важная государственная проблема для каждой великой державы. Сотни ученых всего мира работают над изысканием новых источников золота. Эти источники существуют... И недалек час, когда будут открыты способы их эксплуатации. Вы понимаете теперь, о чем идет речь?..

— Золото, растворенное в воде... — тихо сказал Петров.

— Да, золото рек, морей и океанов. Великий Менделеев сто лет назад указывал, что золото, растворенное в воде океанов, это несметное богатство, исчисляемое миллиардами рублей. Над задачей извлечения золота из морской воды работали десятки химиков и металлургов.

— Но разве у нас ничего не делается в этом направлении?.. — спросила Ольга.

— Делается, конечно. И знаете, кто эту работу возглавляет?

Ольга пожала плечами.

— Откуда же нам знать?

— Наш яростный оппонент — профессор Калашник.

— Любопытно... — сказал Петров. — И он добился каких-нибудь результатов?

— Он разработал метод извлечения золота из морской воды. Этот метод исключительно точен. Но абсолютно не рентабелен. Стоимость извлеченного золота оказывается значительно выше мирового паритета¹... Вот почему находка этой водоросли привлекла внимание руководящих инстанций. Природа предоставляет нам крупнейший шанс. Необходимо приложить все силы, чтобы его использовать. На нас будет работать живое вещество, протоплазма водоросли, приспособленная к накоплению золота из окружающей среды. Президент Академии предложил профессору Калашнику, вопреки его желанию, оказывать нам всяческое содействие... и, очевидно, вам, Ольга Федоровна, — с улыбкой обратился Смолин к девушке, — придется осваивать новые методы. Вы знакомы с химией золота?

— Очень слабо, — ответила она тихо, опустив голову. — В пределах университетского курса.

— Ну, все равно. Готовьтесь к срочному путешествию. Вы поедете в Ленинград. Вам нужно овладеть методами определения золота в низких концентрациях. Единственная лаборатория, где эти методы применяются, находится под Ленинградом.

— Что же это за лаборатория?

— Профессора Калашника.

— Калашника? — прошептала Ольга растерянно.

— Да. Наш уважаемый оппонент окажет вам обещанное им содействие.

Щеки Ольги стали совсем пунцовыми. Смолин улыбнулся.

— Где моя машина? — спросил он Петрова.

— У подъезда, Евгений Николаевич.

Смолин подал ему руку.

— Не горюйте, Петров, это дело в тысячу раз важнее вашей темы.

— Да я ничего, Евгений Николаевич. Мне только культур жалко.

— Культуры подождут. Чем быстрее вы закончите эту срочную работу, тем скорее вернетесь к вашим культурам.

Смолин простился с сотрудниками и вышел.

— Вот так история! — сказал Петров, обеими руками яростно взъерошивая волосы на круглой, как шар, голове.

Глава 6 ПРОФЕССОР КАЛАШНИК

Ольга прибыла в Ленинград в десять часов утра. На вокзале она долго выясняла по телефону, где находится профессор Калашник. Дома его не оказалось, номера служебного телефона она не знала и отправилась прямо в институт. Там ей сообщили, что профессор, вернувшись со съезда, сразу же отправился в свою морскую лабораторию и будет там, очевидно, до конца лета. Она едва успела на поезд, отходящий в полдень.

¹ П а р и т е т — соотношение между валютами различных стран. Здесь употреблено в значении цены золота как мерила стоимости.

Приехав в маленький приморский городок, она долго ходила в поисках морской лаборатории и только к концу дня вошла в подъезд приземистого двухэтажного здания, обратившего к морю огромные окна.

В сумрачном вестибюле швейцар молча показал ей, куда идти. Едва вступив в коридор, она с волнением ощутила знакомые запахи и звуки химического института. Из дверей доносилось жужжание центрифуг, приглушенный вой моторов, потрескивание газовых горелок.

В коридоре стоял сложный запах всевозможных химических препаратов.

Коридор был пуст. Она остановилась перед последней дверью, на которой криво висел квадрат белого картона с неразборчивой надписью: “Если нужно, входите без стука, не отвлекайте от работы”.

Ольга была решительной девушкой и, если природная застенчивость ей не мешала, действовала быстро и энергично. Дверь подалась от легкого толчка и неслышно отворилась. Ольга, озираясь по сторонам, медленно закрыла ее за собой.

Это была обширная, слабо освещенная комната, заставленная всевозможными аппаратами. Слева вдоль всей стены громоздились стеклянные и металлические цилиндры, связанные блестящими трубами, сверкала бронза каких-то колес и поршней, темнела паутина приводных ремней. Колоссальная центрифуга, как огромный серый гриб, придавила мощной ногой тяжелый бетонный пьедестал.

Ольга обводила взглядом комнату, отыскивая хозяина среди хаотического нагромождения аппаратов. Лаборатория была наполнена легким жужжанием, но откуда идут эти звуки, понять было трудно. Ольга нерешительно шагнула вперед, продолжая оглядываться по сторонам, и вздрогнула, едва не столкнувшись с человеком.

От двери она не могла его видеть: он был скрыт высоким, в рост человека, стеклянным цилиндром, наполненным прозрачной жидкостью. Темный халат скрывал его фигуру в тени сложной аппаратуры.

Это был невысокий, плотный мужчина.

Он склонил косматую голову над мраморным пультом управления, на котором темнела его широкая рука, медленно поворачивавшая какой-то рычаг. Жужжание усилилось, сверху раздавалось легкое потрескивание. Человек поднял голову и впился взглядом в стеклянный цилиндр. Внезапно жидкость в цилиндре засветилась. В сумраке комнаты возник странный дрожащий розовый свет. Рука человека продолжала передвигать рычаг на пульте. Жужжание неожиданно прекратилось. В наступившей тишине слышно было лишь его напряженное дыхание. Свет в комнате стал слабеть, приобретая густой рубиновый оттенок, и почти совсем погас. Только жидкость в цилиндре багровела исчезающим пурпурно-фиолетовым пламенем.

— Черт! — выругался сквозь зубы человек.

Он стукнул кулаком по мрамору, яростно, с треском, двинул рычаг в обратном направлении и стремительно отошел от пульта.

Ольга в испуге отшатнулась и задела локтем какую-то свободно висящую трубочку. Раздался мелодичный звон.

— Кто?.. Что такое?.. — раздался гневный нетерпеливый голос.

— Я к профессору Калашнику, — тонким голосом сказала Ольга.

— Я! В чем дело? — рявкнул он, наступая на нее.

Ольга испуганно попятилась, смотря на него широко раскрытыми глазами. Он остановился и неожиданно рассмеялся отрывистым грохочущим басом.

— Извините, я вас, кажется, испугал, — сказал Калашник, успокаивающе беря ее за руку. — Вы застали меня, так сказать, в разгаре творческого процесса. Прошу вас, проходите. Чем могу быть полезен?

Он сделал неуклюжий жест рукой, приглашая вглубь комнаты. Щелкнул выключатель, и комната осветилась.

— Туман, — сказал Калашник, мельком взглянув в окно. — Рано стемнело.

— Да, туман, — кивнула Ольга, садясь в кресло у стола.

— Ну, я вас слушаю, — Калашник уселся напротив нее. — Разрешите узнать ваше имя и отчество.

— Дубровских, Ольга Федоровна.

— Очень приятно. Вас не побеспокоит? — Калашник вытащил из кармана трубку и начал набивать ее табаком.

— Ничего. Разрешите мне прямо к цели моего посещения.

Калашник кивнул головой. Ольга быстро, боясь, что он будет перебивать вопросами, объяснила, что ей от него нужно. Калашник слушал, хмурился и медленно выпускал клубы синего дыма сквозь рыжеватые усы.

— Так, так... — сказал он, теребя короткую бородку толстыми пальцами. — Методика определения золота? В низких концентрациях? Так... А-а... зачем вам? — спросил он быстро, смотря ей в лицо маленькими свинцового цвета глазами.

— Мой руководитель профессор Смолин собирается работать с организмами, концентрирующими золото, — объяснила Ольга.

— С организмами... концентрирующими золото? — усмехнулся Калашник. — Как же, слышал. Так... так... Очень интересно.

В голосе его прозвучала насмешка. Ольга вопросительно подняла брови.

— Отлично. Показать можно, — Калашник поднялся с места.

Ольга тоже встала. Калашник сделал несколько шагов по комнате и вдруг повернулся к ней.

— Извините меня. Не понимаю я смысла этой возни с живым веществом. Кому это нужно возвращаться вспять к младенческим годам науки, когда человек был бессилён воспроизвести в пробирке то, что совершается в протоплазме?

Ольга молчала, опустив голову. Она не находила слов для возражений.

— Вы химик? — спросил Калашник.

— Да, я окончила химический факультет университета, — ответила Ольга виновато.

— То-то... университета. Поэтому у вас и фантазии в голове. Если бы вы обучались в каком-нибудь химико-технологическом институте, вас интересовали бы промышленно-технические проблемы, а не воздушные замки.

Калашник бросил трубку на стол и снова зашагал взад-вперед по кабинету. Затем резко остановился и уставился на Ольгу недобрый насмешливым взглядом.

— Вы подумайте только, что было бы, например, с нашей автопромышленностью, если бы мы ограничились воспроизводством каучуконосов, корни которых синтезируют основу каучука — изопреновые группы? Мы отстали бы на добрых десять лет, если бы не научились заменять работу протоплазмы химическими реакциями в автоклавах, где мы полимеризуем изопрены в каучук. А витамины и гормоны?

Было время, когда человек, предохраняя себя от цинги, бери-бери, диабета, кретинизма, адисоновой болезни, полностью зависел от животного и растительного мира. А теперь: аскорбиновая кислота и всевозможные другие витамины, тироксин, тестостерон, кортизон и другие гормоны — тоннами производятся на фабриках витаминов и эндокринных препаратов.

Он схватил со стола трубку и снова торопливо начал набивать ее, продолжая засыпать Ольгу доказательствами:

— А пенициллин? А стрептомицин? Когда-то мы добывали эти чудодейственные препараты из плесневых грибков. А теперь пенициллин, стрептомицин и другие антибиотики — химически чистые препараты — производятся из неорганического сырья в сотнях килограммов без всякого содействия микроорганизмов. Он остановился перед Ольгой, сверля ее злыми глазами. — Впрочем... что говорить, дело ваше, хозяйское. Профессор Смолин хочет, чтобы вы овладели техникой определения золота в морской воде? Отлично. Мы вас обучим и не будем спрашивать, для чего вам это нужно. Можете привлекать на помощь себе любые организмы.

Пока он говорил, Ольгой овладевало возмущение, она несколько раз порывалась возразить, но его быстрая запальчивая речь не давала ей возможности вставить хоть слово. Наконец он замолчал, и Ольга смогла задать вопрос, вложив в него всю обиду за свое дело:

— А скажите, Григорий Харитонович, вы считаете безупречным разработанный вами метод извлечения золота из воды? Достаточно совершенным, чтобы так пренебрежительно отзываться о методах профессора Смолина?

— К сожалению, нет, — мрачно ответил Калашник. — Золото, добытое моим способом, стоит в три раза дороже платины.

— Почему же? Вы употребляете слишком дорогие реактивы?

— Не в этом дело. Реактивы дешевые. Но их идет при осаждении золота такое количество, что золото не оправдывает их стоимости. А главное, — на осуществление реакции требуются чудовищные затраты энергии.

— Что же делать?

— Значит, нужно искать иные способы. И самый верный путь — укрупнение коллоидных частиц золота. Вы, конечно, знаете сущность коллоидного состояния?

— Знаю, — нахмурясь и краснея, ответила Ольга.

— Так вот, если знаете, то представляете себе, что частица, взвешенная в коллоидном веществе, — мицелла — несет электрический заряд и притягивает к себе частицы окружающей среды, заряженные электричеством противоположного знака и составляющие ее оболочку. Эта оболочка так прочна, что для ее разрушения нужны огромные количества реактивов, образующих в растворе тоже заряженные частицы — ионы.

Он показал рукой на цилиндр с жидкостью, которая только что на глазах Ольги претерпевала удивительные превращения, и спросил:

— Вы видели?

— Видела, — ответила Ольга тихо. — Извините, я не решалась вас прервать, и потому...

— Пустое, — отмахнулся он. — Не в этом дело. Реакция, вызывающая разрушение оболочек мицелл и приводящая к выпадению золота в осадок, производится посредством ультразвука. Несколько миллионов колебаний в секунду разрушают оболочки мицелл золота.

Они начинают слипаться, укрупняться, и в силу своей тяжести оседают на дно. В лабораторной обстановке — это простейшая операция. А в промышленных масштабах такой способ нерентабелен. Вибрация среды поглощает огромное количество энергии.

— Но я не понимаю, — сказала Ольга, — свечение этой жидкости... Ведь это вода?

— Да, профильтрованная морская вода...

— ...Свечение воды... вызывалось вибрациями?

— Нет. Это так, мелочь: лучи большой жесткости — с малой длиной волны. Под их действием мицеллы золота начинают светиться. Чем крупнее частицы, тем гуще фиолетовый оттенок. Вот и все. Очень просто. Сейчас золото — на дне этого цилиндра. В лабораторных условиях оседание частиц можно ускорить цен-

трифугированием. Затем — пропустить ток, и на одном из электродов будет получена пластинка золота. Вот, пожалуйста.

Он нагнулся к пульту и повернул рычаг. Ольга молча следила за его движениями.

— Постоянный ток сейчас проходит через среду, в которой золото медленно оседает. Угольный электрод притягивает все соответственно заряженные частицы. Но для более подвижных частиц натрия, кальция, магния и других ионов, которые находятся в морской воде, я применяю особые уловители. Таким образом, на угле осаждается чистое золото.

Калашник двинул рычаг обратно, нагнулся к подножью цилиндра, быстро закрутил какой-то кран, что-то толкнул вперед и назад, сунул руку в образовавшееся отверстие и выпрямился, держа черную плоскую коробку.

— Смотрите.

Он стряхнул воду и протянул коробку Ольге. В центре крышки блеснул ровный желтый квадрат.

— Это... золото?

— Да.

— Так много?

Калашник усмехнулся. Осторожно раздвинув крышку коробки, он освободил желтый квадрат и подал ею Ольге. Она взяла квадрат, взвесила на руке, перевернула.

— Так это же... уголь! — сказала она разочарованно.

— Конечно, — подтвердил Калашник. — А слой золота здесь в несколько микронов. Прокалив пластинку, можно взвесить золотой слой.

— А много его здесь?

— Очень мало. Ведь электролиз не закончен. Здесь не больше пяти миллиграммов. Но полностью завершённый процесс извлечения приносит до сорока миллиграммов золота на тонну воды. В этом цилиндре — ровно кубический метр, то есть, как раз тонна.

Ольга вернула пластинку Калашнику.

— И этот способ пригоден... для наших определений? — спросила она.

Калашник опять нахмурился.

— Я не знаю намерений профессора Смолина, — сказал он холодно. — Но более простых и точных методов я показать не смогу.

Он замолчал. Ольга стала прощаться.

— Когда я смогу начать? — спросила она робко.

— Завтра с утра, если хотите, — ответил Калашник.

Рука Ольги утонула в его широкой ладони. Когда Ольга вышла на набережную, уже совсем смеркалось. С моря тянул прохладный, сырой ветер. Туман еще больше сгустился. Днем, разыскивая станцию, Ольга заметила на главной улице около вокзала вывеску “Дом туристов” и сейчас решила направиться туда. Зябко поведя плечами, она застегнула на все пуговицы шелковое прорезиненное пальто и быстро пошла по набережной, обгоняя редких прохожих.

Разговор с Калашником произвел на нее тягостное впечатление. Ольга вспомнила, что так ничего и не возразила Калашнику на его критику биогеохимического направления в науке. Щеки ее вспыхнули, точно она уличила себя в неблагоприятном поступке.

— Завтра же... скажу ему, — прошептала она, замедляя шаги.

“Но что?” — мелькнуло в ее голове.

— Да. Ничего не скажешь, — ответила она себе. — Потому что, может быть, он более прав, чем Евгений Николаевич.

Глава 7 ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Воздух был влажным и душным. Тучи на западе разошлись. Показалось солнце, и море, бледное и тусклое, нежное к горизонту, матово поблескивало отсветами уходящих облаков.

Барaban лебедки крутился, наматывая проволоочный трос.

— Идет! — закричала Ольга, увидев поднимающееся из глубины темное пятно, окруженное облаком муть и мелких пузырьков.

— Стоп! — отозвался капитан.

Лебедка остановилась.

— Давай тихо! — крикнул капитан.

Облепленная грязью драга закачалась за кормой и повисла над палубой, роняя стремительные струйки мутной воды.

— Открывай! — скомандовал капитан.

Драга с лязгом открыла пасть. На деревянный щит с грохотом вывалились — ил, камни и песок.

— Все то же! — сказал Петров, ковыряя пинцетом в песке.

Он встал и скомандовал:

— Воду!

Мощная струя обрушилась из шланга на пробу донного грунта. Грязные потоки закружились в желобах и стекли в море. Крушинский наклонился над промытой пробой и быстрыми движениями рук принялся переворачивать камни и собирать приставшие к ним незаметные веточки, обрывки водорослей и все, что хоть отдаленно напоминало растительные остатки.

— Ничего интересного, — сказал он наконец.

— Ничего? — переспросил Смолин.

— Да, Евгений Николаевич. Опять ничего. — Крушинский взял полотенце и стал тщательно вытирать руки.

— Ну, что ж, — сказал Смолин. — На этом заканчиваем. Так что ли, Николай Карлович?

— Как вам будет угодно, Евгений Николаевич. Сегодня взяли пять проб. Если хотите, можно еще подрагивать. Но я уверен, в этом квадрате опять ничего не найдем.

Смолин нахмурился. Петров и Крушинский выжидающе смотрели на него.

— Давайте, кончать, — решил Смолин. — Да! Кончаем, товарищи... Собирайте ваши банки и ступайте вниз переодеваться. — Он обернулся к Ольге, принимающей с троса лебедки тяжелый металлический цилиндр. — Ольга Федоровна, как ваши дела?

— Двадцатая проба! — ответила она, покраснев от напряжения и встряхивая головой, чтобы отвести от глаз растрепанную ветром прядь светлых волос.

— Кончайте!

— Есть кончать! — весело отозвалась Ольга, передавая цилиндр рабочему. — Все, Евгений Николаевич?

— Все. Ведите судно обратно, — обратился Смолин к капитану.

Корпус “Ковалевского” задрожал. Судно стало медленно отходить от громады Карадага. За кормой забурлила вода.

— Полный вперед! — крикнул капитан в трубку.

Судно плавно описало полукруг и понеслось вдоль обрывистых берегов на восток. Смолин, Крушинский, Петров и Ольга стояли у борта, рассеянно разглядывая живописные нагромождения скал.

— И так каждый день, уже третью неделю! — с горечью сказал Смолин. — Как дела с анализами, Ольга Федоровна?

Ольга посмотрела на него виноватым взглядом.

— Должно быть, реактивы не очень чисты... Я просто не пойму, в чем дело. В Севастополе я все наладила, любой анализ, без осечки, показывал 25–30 миллиграммов на тонну, а здесь никак не поднимается выше восьми миллиграммов.

Смолин нахмурился.

— Досадно! Впрочем, — он махнул рукой, — пока это не имеет никакого значения. Ну, что вы скажете, Николай Карлович? — обратился он к Крушинскому. — Правдоподобно ли, что в этой впадине вырос единственный экземпляр золотоносного растения?

— Я сам ничего не понимаю, — ответил он вяло. — Вы же видите: взяли больше семидесяти проб и ничего не смогли обнаружить.

— Что же делать дальше?

— Перенести поиски. Может быть, найденный здесь экземпляр принесло течением с востока. В Черном море течение циркулярное вдоль берегов против часовой стрелки. Мне кажется, стоит пройти вдоль берега, хотя бы до Батуми.

Смолин задумался, устремив неподвижный взгляд на медленно проплывающий берег.

— Смотрите, смотрите! — неожиданно закричала Ольга.

— Что такое? — заинтересовался Петров.

— Да не туда смотрите. Вон там, в лодке... Узнаете?

Она возбужденно теребила Петрова за плечо, показывая рукой направление. На темном фоне скал отчетливо виднелся силуэт моторной лодки, которая медленно шла вдоль берега. Рулевой, приставив руку козырьком ко лбу, разглядывал “Ковалевского”. Ветер трепал его длинные седые волосы и белую бороду, рассыпанную по груди.

— Так это же... Радецкий! — удивился Петров. — Верно, Евгений Николаевич?

Смолин поднял к глазам бинокль.

— Да, это он. Оказывается, он совсем не домосед, если решается на такие экскурсии.

Старик наклонился над мотором. Лодка ускорила ход. Из-под винта вырвался фонтан белой пены и вскоре суденышко скрылось за скалами, выдающимися в море.

— В Феодосии он редко показывается, — сказал Смолин. — Я встретил его там всего два-три раза. Нельзя сказать, чтобы он был очень любезен.

“Ковалевский” шел мимо Коктебельского пляжа, усеянного разноцветными пятнами купальных костюмов и зонтиков. Но этот яркий пестрый пейзаж только раздражал Смолина.

Подавленное настроение профессора передавалось его ученикам. Ольга стояла, опершись на фальшборт¹, смотрела в волны, разбегающиеся под острым углом от форштевня², и думала.

¹ Ф а л ь ш б о р т — легкая обшивка борта судна выше верхней палубы.

² Ф о р ш т е в е н ь — носовая оконечность судна, продолжающая киль.

Все складывалось не так, как ей хотелось.

Она приехала в Севастополь две недели назад, полная планов и надежд. Работа в лаборатории Калашника научила ее многому. Она быстро освоила его метод и разработала способ определения золота в малых количествах воды. Все казалось ей простым и ясным. В сущности, для промышленного использования в методе Калашника не хватало только одного условия — дешевых источников энергии. А в лабораторных условиях он казался исключительно простым и удобным. Ольга с увлечением приступила к исследованию. Но однообразная процедура определения золота в воде, взятой на различных горизонтах Карадагской впадины, уже начинала ее тяготить.

Конец этой работе не предвиделось. Смолин продолжал поиски. Изо дня в день, экспедиционное судно “Александр Ковалевский” выходило из Феодосийской гавани на запад. Метр за метром было обшарено все дно Карадагской котловины. Сегодня драгированию подверглись последние квадраты. Необходимо было принять какое-то решение. Но Смолин медлил. Это было так несвойственно его характеру, что привело бы Ольгу в недоумение, если бы она не догадывалась о причине такой медлительности. И именно эта причина мучила Ольгу.

Теперь ей казалось, что у нее недаром защемило сердце, когда она впервые увидела спутницу старика Радецкого. Она сердито отгоняла мысль, что это щемящее, тревожное чувство имело иную причину: просто она увидела человека, который ей почему-то казался знакомым и остался неузнанным.

Вечером, когда кончилось заседание съезда, у выхода опять, совсем близко, она увидела старика Радецкого и его изумительную спутницу.

— Это же киноактриса Валерия Радецкая, — сказал ей на ухо Ланин. — Помните картину “Александр Пушкин”? Ну, так вот, она играла там Натали — жену Пушкина.

На следующий день, во время утреннего заседания съезда, Ольга не сводила с этой женщины глаз, любуясь ее прекрасным лицом и вспоминая ее игру в картине.

Первую встречу с Валерией Радецкой в Феодосии она пережила с тем же восторженным возбуждением. Но через несколько дней, вечером, на набережной, она встретила Радецкую в обществе Смолина. Он весело раскланялся с Ольгой, продолжая оживленно беседовать со своей спутницей. Сердце Ольги замерло от неопределенного чувства обиды. Она сказала чужим голосом: “Добрый вечер!” и прошла мимо. То, что профессор так близко познакомился с Радецкой, было для нее неожиданностью. Через день она увидела их еще раз на том же месте, и больше с ними не встречалась. Но Смолин продолжал исчезать по вечерам из маленького коллектива своих сотрудников. Все было ясно. И эта ясность вызывала у Ольги гнетущее чувство тоски и одиночества. “Нет, так долго продолжаться не может...” — с горечью подумала Ольга. Из раздумья ее вывел голос Смолина:

— Да! Необходимо принять решение.

Она покосилась на него с испугом.

— Какое же решение? — спросил Петров.

— А такое, что вместо кустарных поисков готового золотиносного растения, надо приступать к его созданию, — спокойно ответил Смолин.

— А поиски прекратить?

— Нет, зачем же, — пожал плечами Смолин. — Одна группа будет продолжать обследование всей литорали¹ черноморского побережья — до Батуми. А другая примется за работу в Севастополе. Ланин пишет, что для опытов с растениями все готово: аквариумы, источники освещения, снабжение водой и так далее. Шанс, предоставленный нам

природой, использовать не удалось. Начнем применять наши обычные методы.

— Вы уже наметили объект для работы? — спросила Ольга, не глядя на Смолина.

Профессор сделал неопределенный жест рукой.

— Что ж. Я полагаю, объектом может стать любой вид багрянок Черного моря...

— Только багрянок?

— Да, объект будет выбран из этой группы. Не забывайте, что загадочная водоросль относится к багрянкам. И нет никаких оснований думать, что

¹ Литораль — прибрежная полоса моря с глубинами до 200 метров.

природа в руках человека откажется сделать вторично то, что она однажды осуществила самостоятельно. — И, словно разговаривая сам с собой, он негромко продолжал: — В сущности, все организмы в какой-то степени обладают способностью накапливать золото. Задача заключается в том, чтобы усилить эту способность... ну, скажем, в миллион раз.

— У вас уже есть план? — не унималась Ольга.

— Да. План обычный: во-первых, подобрать форму, с которой мы будем работать, во-вторых, заставить ее измениться в интересующем нас направлении, в-третьих, из наиболее отвечающих нашим требованиям экзотических вывести стойкую расу золотоносного растения, и, в-четвертых, — поставить массовое воспроизводство этой расы. Понятно?

— Понятно, — ответила Ольга, улыбнувшись.

— Первая задача — выбор объекта — будет решена с учетом следующих обстоятельств, продолжал Смолин. — Это должна быть форма широко распространенная. Крупных размеров. Быстро растущая. Иначе никакого практического значения ее способность к накоплению золота иметь не будет. Словом, я не возлагаю надежд на такие маленькие кустики и наросты на прибрежных скалах, как немалион... кораллина... грациллари... коллитамнион... — Смолин махнул рукой, — и им подобные, хорошо известные вам, Николай Карлович. Хотя, — он сделал многозначительную паузу, — некоторые из них содержат довольно много золота... Но все же это не то, что нам нужно. — Он задумчиво посмотрел на показавшиеся вдаль очертания Феодосии. — Это должна быть форма с продукцией биомассы, измеряемой тысячами тонн. Растение должно быть неприхотливым, доступным для добычи и распространенным на огромной площади... Словом... о каком растении я говорю? — обратился он к Петрову.

— Филлофора...

Смолин утвердительно кивнул головой и обвел внимательным взглядом своих сотрудников.

— Вы знаете, для чего используется филлофора? — спросил он Ольгу.

— Источник иода, — ответила она коротко.

— Совершенно верно. В России производство иода из этой водоросли было начато во время первой мировой войны, когда импорт иода был затруднен, а потребность в нем стала огромной. — Смолин опять посмотрел на своих слушателей, переводя взгляд с одного на другого. — У Менделеева, в его “Основах химии”, я нашел указание, что присутствие иода в морской воде способствует растворению в ней золота, а выделению золота благоприятствуют органические вещества. Вот почему мне всегда казалось, что накопление иода морскими растениями должно сопровождаться соответственной концентрацией золота. И мы начнем работу с анализа живого вещества филлофоры. Я уверен, что мы обнаружим золото в количествах, конечно, пока непригодных для промышленного использования, но перспективных для наших исследований.

— Когда же мы начнем? — спросил Петров.

— Здесь нам больше делать нечего, — ответил Смолин, как бы не заметив вопроса. — Если Николай Карлович считает это целесообразным, он может продолжать обследовать побережье и обосноваться для лабораторных работ в Батуми. Но вы, Аркадий Петрович, и вы, Ольга Федоровна, завтра утром выедете в Севастополь.

— Так скоро? — удивился Петров.

— Да, и немедленно приступите к работе. Не теряя ни одного дня. Для такой спешки имеются особые основания. — Он достал из кармана сложенный вчетверо листок и развернул его. — Сегодня утром мне принесли информацию ТАСС. Заметка из “Нью-Йорк Таймс”. Вот, слушайте: “На биологическую станцию Вудс-Холл прибыл известный генетик-ботаник профессор Симпсон с сотрудниками. В беседе с нашим корреспондентом профессор Симпсон сообщил, что намерен заниматься генетикой¹, селекцией и разведением морских водорослей, концентрирующих из воды элементы, имеющие большое экономическое значение. Профессор Симпсон рассчитывает вывести гигантские полиплоидные² расы морских водорослей с помощью методов, применяемых в генетике и селекции сельскохозяйственных растений”.

— Здорово! — сказал возбужденно Петров. — Значит он не зря так интересовался нашими работами.

— Да, очевидно, он использовал свое пребывание здесь не только для удовольствия. Но не в этом дело. Интересно бы узнать, какие элементы подразумеваются в заметке. Но даже если сейчас речь идет не о нашем объекте, он сумеет разработать методы и применить их для добычи золота. И в этом соревновании должны мы не дать опередить себя. Сегодня утром я вызвал Ланина к телефону. Экспедиционное судно Севастопольской биологической станции “Мечников” предоставлено в наше распоряжение. Завтра уже начнут поступать партии растений из различных районов “филлофорного моря”. Вы, Ольга Федоровна, наладите анализы на содержание золота. А вы, Аркадий Петрович, начнете выяснять возможности разведения культур филлофоры в аквариумах станции.

— Есть, Евгений Николаевич! — весело ответил Петров. — Только...

— Только что?

¹ Генетика — наука о наследственности и изменчивости организмов. Селекция — наука о выведении новых пород животных и видов растений.

² Полиплоиды — организмы с гигантскими клетками, получаемые искусственно с помощью сильно действующих средств, в частности — яда колхицина, который добывается из растения “безвременник”.

— Вот насчет методики... Конечно, основное — скрещивание различающихся друг от друга форм... Если мы их обнаружим...

— Да, скрещивание, в первую очередь.

— И воспитание гибридов в среде, обогащенной золотом?

— Ну, конечно.

— А ростовые вещества вы разрешите применить?

— Конечно, пожалуйста. Если вы с их помощью ускорите развитие, решение задачи облегчится.

— А лучистую энергию?

— Ультрафиолетовое излучение? Очень хорошо. Пробуйте.

Петров замялся, не решаясь продолжать.

— Ну, что еще? — улыбнулся Смолин.

— А может быть попытаться вывести полиплоидные формы?

— С помощью колхицина?

— Да... ну и других веществ, обычно применяемых для этого.

Смолин помедлил с ответом. Петров выжидающе смотрел на него.

— Ну что ж. Может быть, придется испытать и эти средства, — сказал, наконец, профессор, — как бы мы к ним ни относились.

— Но ведь в других лабораториях продолжают ставить опыты с полиплоидами? — заметил Петров.

— Ну, конечно, теоретический интерес эти опыты представляют. Но мы с вами добиваемся практических результатов... А практика показала, что полиплоиды не отличаются жизненной стойкостью — либо гибнут, либо превращаются в исходные формы.

— Это, конечно, верно. Но существуют же естественные полиплоиды, — возразил Крушинский.

— Да, да. Но полиплодия, приобретенная растением в естественных условиях почти никогда и не сопровождается гигантизмом. А нас лишь это и может интересовать. Уясните себе, наконец, сущность искусственной полиплоидии! Колхицин — это яд. Отравляя клетку, он задерживает ее размножение. Клетка не делится, как ей полагается, на двое, а удваивает свою массу не разделяясь, становится гигантской. Так неужели свойство, вызванное действием яда, можно считать нормальным? Конечно, нет. Потому-то искусственные полиплоиды и неустойчивы.

— Евгений Николаевич! Но возьмите, например, лекарства, — большинство из них яды. Однако человек научился извлекать из них пользу...

— Я понимаю, понимаю, — вяло, без оттенка увлечения согласился Смолин. — До сих пор не удалось... Может быть удастся вам... Пробуйте... если ничего другого не придет вам в голову.

“Ковалевский” мягко коснулся бортом стенки пристани.

— Вот мы и дома, — сказал Смолин. — Ступайте отдыхать,

— А вы разве не с нами? — спросил Петров.

— Нет, у меня... одно неотложное дело, — ответил Смолин, посмотрев на часы.

“Все то же” — подумала Ольга.

Глава 8 ИТОГИ ПЕРВОЙ РАЗВЕДКИ

Ноябрьское утро сыпало в окно мокрый снег. Сквозь запорошенное стекло виднелись тусклые очертания зданий.

Директор института, академик Герасимов, был простужен и зябко кутал шею в толстое шерстяное кашне.

— Итак, Евгений Николаевич? — спросил он, покашливая.

— Пока, Сергей Иванович, ничем обрадовать вас не могу, — ответил Смолин с улыбкой, которая, против его воли, получилась виноватой.

— Я абсолютно уверен, что если вы считаете достаточной тщательность проведенных поисков, то, значит, колоний золотиноносной водоросли в Черном море нет. Но я не могу понять, каким же образом единственный экземпляр этого растения попал в почти замкнутый бассейн.

Смолин пожал плечами.

— Это остается загадкой. Можно строить различные предположения. Ну, скажем, зародыш растения был занесен течением или морским животным. Но наверняка — ничего нельзя сказать.

Академик задумчиво постукивал пальцами по столу.

— А между тем, — сказал он внезапно, — задача, которую нам предложено разрешить, встала сейчас с еще большей, чем два месяца назад, остротой!..

Смолин поднял на него вопросительный взгляд.

— Да, дорогой Евгений Николаевич, дело обстоит именно так, — продолжал академик, зябко потирая маленькие, худые руки с тонкими пальцами. — Над этой темой лихорадочно работают за рубежом. Вопрос о том, кто скорее получит золото из морской воды, приобретает для великих держав значение крупнейшей экономической проблемы и на ее разрешение брошены огромные средства. Имейте в виду, капиталистические кру-

ги для достижения цели не остановятся ни перед какими приемами. Использовано будет все, чтобы не дать нам опередить их. Вы просматривали последние иностранные газеты и журналы?

— Нет еще... Я, ведь, прямо с поезда к вам, Сергей Иванович.

Академик открыл ящик стола, порылся в нем и протянул Смолину несколько тонких журналов.

— Ознакомьтесь на досуге. А сейчас прочитайте в этой вот газете отчеркнутое карандашом.

Смолин развернул газету.

— “Открытие метода извлечения золота из морской воды”, — прочитал он с изумлением и поднял глаза на Сергея Ивановича.

— Читайте, читайте! — Герасимов махнул рукой.

— “Институт по исследованию тяжелых металлов разработал метод извлечения золота из морской воды, — читал Смолин. — Принимая во внимание неисчерпаемые сырьевые ресурсы, этот метод даже при исключительно низком содержании золота в морской воде может оказаться рентабельным. Работы производятся на морской научно-исследовательской станции в Вудс-Холле”.

— Прочитали? — спросил Герасимов. — Ну, что вы на это скажете?

Смолин молча покачал головой.

— Теперь вам понятны причины, которые побуждают форсировать исследования и поиски? — спросил Герасимов.

Смолин поднялся со стула. Директор тоже встал и подошел к нему. Его сухое, бледное лицо с седой бородой покрылось слабым румянцем.

— Вы подумайте только, Евгений Николаевич, — в нашей стране четыреста пятьдесят тысяч, почти полмиллиона ученых. И армия эта, созданная для величайших дел, с каждым годом растет. Неужели в этой армии не найдется отряда, способного разрешить проблему освоения рассеянного золота?

— Конечно, найдется, Сергей Иванович! — воскликнул Смолин.

— Я ответил теми же словами, когда спросили об этом меня... Ну, что ж, давайте подытожим. Мы сделали первую разведку, так?

Смолин кивнул головой.

— Она не принесла успеха, — продолжал Герасимов. — Но перед нашими соперниками у нас есть преимущество: мы имеем фактическое подтверждение способности живой протоплазмы накапливать золото! И если в Черном море мы не нашли месторождений золотой водоросли, то найдем в другом месте другие организмы, способные концентрировать золото. Если же их нет в природе, — мы создадим из тех, что обитают в четырнадцати морях нашей страны! — Он сел в кресло у стола и продолжал обычным, спокойным и мягким тоном: — Мы получили указания не жалеть средств на эту работу, Евгений Николаевич. Я прошу вас продумать еще раз план исследований. Составляйте задания и посылайте людей на Дальний Восток, на Мурман, на Каспий, куда сочтете нужным. Пусть ищут. Я глубоко верю в ваши методы. Если удастся найти мирской организм, повышающий концентрацию золота хотя бы в десять раз, я убежден, что вы сумеете повысить у него эту способность в тысячу раз.

— Мне это очень лестно, Сергей Иванович, — ответил Смолин, — хотя первые неудачи меня сильно обескуражили...

— Ничего, ничего... Вы еще и не начали работать по-настоящему... Я вас вызвал сюда не только, чтобы выслушать отчет. Мне хотелось обсудить с вами, что делать дальше. Работа предстоит грандиозная... Имейте в виду, Евгений Николаевич, — Герасимов чуть заметно улыбнулся, — что и внутри нашей страны не исключается научное соревнование...

— Что вы хотите этим сказать? — насторожился Смолин.

— Знаете, кого я встретил сегодня там, где получил указания о вашей работе? Там был и ваш старый знакомый — Калашник. Он тоже получил задание: форсировать разработку физико-химического метода извлечения золота из морской воды.

— Как же он реагировал?

— Да что ж, вы его не знаете? Ответил, что считает только свои методы перспективными для решения этой проблемы, — Сергей Иванович усмехнулся. — А потом покосился на меня и сказал: “Путь решения проблемы укажет физическая химия, а вовсе не алхимия”.

— Да?

— Именно, так... Он изъявил готовность немедленно выехать со всем своим коллективом на Черное море и там продолжать исследования.

— Почему на Черное море?

— Не знаю... Очевидно, чтобы не выпускать из виду “оппонента”... То есть вас, Евгений Николаевич...

— А вы думаете, что и моей лаборатории следует работать там, Сергей Иванович?

— Конечно, не надо забывать, что единственный экземпляр золотоносного организма найден все-таки в Черном море. Поэкспериментируйте на родственных организмах.

— Хорошо. Эту работу мы уже начали. Разрешите идти?

И Смолин крепко пожал руку академику.

Часть вторая ЦЕПЬ НЕУДАЧ

Глава 9 ПЕРВЫЕ УСПЕХИ

Короткая севастопольская зима прошла в напряженной работе. В январе были полностью подготовлены лабораторные помещения и аквариумы для экспериментальных исследований. Ежедневно, если драгированию не мешали штормы, “Мечников” привозил для анализа груды водорослей, собранных в различных участках филлофорного моря. Смолин с группой помощников, специалистов по водорослям — альгологов, отбирал растения, различающиеся содержанием золота. Число золотоносных рас, установленных среди бесчисленных вариаций филлофоры, уже достигало двенадцати. Точное исследование строения водорослей позволило различать эти расы не только по интенсивности накопления золота, но и по многим признакам анатомического строения, характеру ветвления, форме слоевища и способу образования органов размножения. Приступить к выращиванию филлофоры в аквариумах решено было, как только наступит сезон наиболее бурного развития водорослей.

Петров принялся за работу со всем пылом нерастрченных сил и юношеского энтузиазма. С раннего утра он забирался в аквариальную, где на длинных стеллажах были расставлены сотни кристаллизаторов с морской водой, предназначенных для проращивания спор и зародышевых клеток — так называемых карпоспор.

В холодные месяцы морские водоросли развиваются очень слабо. С наступлением теплых дней началась горячая пора. Нужно было сначала изменить наследственность филлофоры путем скрещивания различных рас, а затем воспитать гибриды в среде, содержащей растворенное золото. Для ускорения развития применялись различные вещества, вызывающие усиленный рост, — так называемые ростовые вещества. По плану Петрова была введена обработка проростков водорослей ультрафиолетовыми лучами и колхицином. Задача была нелегкая. Надо было точно определять дозировку лучей, безвредную для клеток, но в то же время достаточную, чтобы вызвать ускорение их размножения. Еще большей точности требовало применение колхицина. Это вещество — экстракт из лекарственного растения безвременника — широко использовалось учеными капиталистических стран для получения растений с удвоенными и учетверенными размерами клеток. В советской науке прочно утвердилось отрицательное отношение к использованию этого яда для селекции растений, и опыт его применения был невелик. Не меньшие трудности возникали с введением в среду золота. Золото употреблялось растворенным в воде, где развивались растения. Необходимая концентрация его определялась путем многочисленных опытов. Все это требовало многих часов ежедневного, упорного, кропотливого труда.

Результаты начали определяться только в конце февраля.

Было около четырех часов дня, когда Ольга спустилась в аквариальную, чтобы оторвать Петрова от работы и вести его обедать. Она знала, что если ему не помешать, он просидит до поздней ночи и не вспомнит об обеде.

Новое помещение для аквариумов находилось ниже уровня моря. Лестница была освещена лучами вечернего солнца, проходившими через окна в потолке. Ольга быстро пробежала по ступенькам и вошла в коридор. Здесь было сумрачно и прохладно. Всклипывала труба водопровода, жужжали моторы, нагнетающие в аквариумы воздух, чуть потрескивало что-то в радиаторах отопления, подогревающих воду для аквариумов.

Ольга распахнула дверь лаборатории и остановилась на пороге, ничего не различая в темном пространстве, кроме синеватого света, мерцающего вдали. Она знала, что Петров сидит у источника этого света, и осторожно направилась туда, протянув вперед руки, чтобы не задеть стоящие посреди комнаты стеллажи.

— Вы скоро кончите, синьор? — спросила она на ходу.

Петров не ответил.

— Послушайте, сэр, девушка обращается к вам с вопросом, — Ольга остановилась, наконец, позади его стула. — Когда вы соблаговолите ей ответить?

— Что такое? — Петров поднял голову и повернул к ней голубое лицо с темными стеклами очков на глазах. — А, Оленька! Приветствую вас.

— Во-первых, не смейте называть меня Оленькой, — сердито ответила она. — А во-вторых, прошу вас кончить ваши эксперименты в темноте. Пора обедать.

— Одну минутку, — заговорил Петров умоляющим тоном.

— Тут еще... десятка два объектов... и я закончу эту серию... Несите, Полина! — обратился он к лаборантке.

В освещенном голубым светом пространстве появились руки, взяли со стола перед Петровым подносик с дюжиной кристаллизаторов и пропали в темноте. Петров протянул руку и втянул под голубой свет новую партию сосудов. Он нагнулся к ним, напряженно всматриваясь через темные очки в каждую чашку.

— Так... хорошо... — бормотал он сквозь зубы.

Глаза Ольги уже приспособились к освещению и различили над столом большой осветитель конической формы, обращенный растробом вниз; из него и шел слабый, мерцающий, голубой свет. Рука Петрова придвинула справа из темноты стержень с укрепленной на нем темной коробкой. Ольга знала, что это новейшая конструкция ультрафиолетовой лампы. Левой рукой Петров включил метроном. В тишине подвала резко защелкали секунды, отбиваемые маятником.

— Так, — сказал Петров, — внимание! — Он повернул кремальеру¹, спустил аппарат ниже и подвел под его вытянутый хобот один из кристаллизаторов. — Раз!

Голубой свет погас. Сквозь резкие удары метронома слышалось ровное гудение аппарата.

— ...Пять, шесть, семь, восемь! — отсчитал Петров.

Снова вспыхнул голубой свет. Руки Петрова повторили те же движения. Опять Ольга увидела мерцающий мрак. Метроном продолжал отбивать секунды... Петров облучил второй, третий, четвертый объект... Наконец, все кристаллизаторы были переставлены налево.

— Несите, Полина! — сказал Петров, и потянулся за следующей партией.

Но Ольга властно положила руку ему на плечо.

— Довольно!

— Еще немножко, — попытался сопротивляться Петров.

— Я вам говорю, довольно! — повторила Ольга, тряся его за плечо. — Поднимайтесь, и идите! Вы тут совсем изведетесь.

Петров покорно вздохнул и встал.

— Как дела? — спросил он, словно очнувшись от сна.

— Мои дела в полном порядке, а вот вы, я вижу, работаете без учета возможностей своего организма. Поймите вы, наконец, несчастный ученый червяк, что так нельзя! В Москве вы хоть в теннис играли!.. А тут?.. Пошли!..

Петров снял очки, положил их на стол и медленно начал расстегивать пуговицы халата. Его губы, под голубыми лучами совсем черные, растянулись в смущенной улыбке.

— Итак, Ольга Федоровна, — сказал он мечтательно, — мы на пороге успеха.

— Что такое? — заинтересовалась Ольга.

— О результатах нашей работы здесь вы знаете. А сегодня от Николая Карловича получено известие о новом открытии.

— Да что вы! Что же он пишет?

— Сами услышите от Евгения Николаевича.

Он кинул халат на спинку стула и повел Ольгу к двери.

— Вы, ведь, тоже еще не пообедали, Полина? — обратился он к лаборантке. — Ступайте домой.

— Вечером приходить? — спросила девушка.

Петров колебался, что ответить.

¹ К р е м а л ь е р а — винтовое, приспособление для передвижения части какого-либо аппарата.

— Нет, не нужно, — резко сказала Ольга. Сегодня он будет отдыхать. Надо же, наконец, посмотреть на свет, Аркадий Петрович. Вы в вашем подземелье обратитесь, в конце концов, в протей и отвыкнете от солнечного...

Она оборвала на полуслове и прислушалась. В коридоре раздавались голоса и шаги.

Дверь приоткрылась. Из коридора гулко прозвучал громкий голос Смолина:

— Аркадий Петрович, вы здесь? Можно вас попросить для демонстрации ваших успехов?

Смолин сделал шаг назад, пропуская из дверей Ольгу и Аркадия.

— Вот, Григорий Харитонович, позвольте вам представить моих учеников, — сказал Смолин.

Из-за его спины показалась знакомая коренастая фигура с лохматой гривой на большой голове. Грива приветственно затряслась.

— Как же, как же, — услышала Ольга знакомый грохочущий бас. — С девицей мы немного знакомы. Разрешите напомнить себя — Григорий Калашник. Ну, как дела с применением моего метода?

— Хорошо, — ответила Ольга, краснея и сдвинув брови.

— Нет, видно не очень хорошо, — возразил Калашник, удерживая ее руку в своей широкой ладони. — Иначе бы вы не обращались за помощью к протоплазме.

— Вы смущаете девушку, Григорий Харитонович, — мягко остановил его Смолин. — Сейчас вы сами увидите эту помощь. Ну, Аркадий Петрович, показывайте.

Петров пошел впереди по гулкому коридору. Калашник следовал за ним, ведя Ольгу под локоть.

В большой аквариальной было светло. Лучи солнца падали в огромные аквариумы сверху через застекленный потолок. Пройдя сквозь воду, свет неясными расплывающимися зеленовато-голубыми и красными пятнами падал на кафельный пол и на стены аквариальной. Воздух был горяч и влажен. Жаром тянуло от калориферов, уходящих в глубину воды через бетонные основания аквариумов.

Калашник резко остановился у зеркального стекла и устремил внимательный взгляд в прозрачную голубую воду. Только здесь он отпустил руку Ольги.

Куда ни проникал взгляд — всюду тянулись длинными, ветвящимися лентами причудливо и густо переплетенные ветви. Их основания тонкие короткие стволы — упирались на дне аквариума в плотную, уложенную на камне, площадку грунта. Узкие листовые пластинки светились всеми оттенками красного цвета — от темно-багрового и до нежнорозового, — смягченного нежной голубизной воды.

— Это и есть ваша... филлофора? — неопределенно хмыкнув, спросил Калашник.

— Да, это выведенная Петровым новая форма филлофоры, — ответил Смолин.

— Ну, и что же в ней замечательного?

— В ней все необычно, — объяснил Смолин. — Размеры. Форма. Скорость роста. А главное — повышение интенсивности тех процессов, которые для нас более всего интересны.

— А именно?

— Процессы, ведущие к накоплению золота в протоплазме.

Калашник встряхнул лохматой головой и опять устремил взгляд в глубину аквариума.

— Ну, и... какова же эта повышенная вами способность к накоплению золота? — спросил он саркастически.

— Вам известно, в каких количествах встречается золото в растительных организмах?

— Ну... более или менее... Словом, известно, что обнаружены следы...

— “Следы” — это термин науки прошлого столетия. Разработанные вами методы позволяют точно учесть количество золота не только в растворе, но и в протоплазме животных и растений. Правда, золото относят к ультрамикрорезультатам: его содержание в объекте не превышает сотых долей процента. Но в морской воде золото измеряется не сотыми долями, а десятиллионными долями процента. Так что даже то, что вы называете “следами” в протоплазме, это результат повышения концентрации в сто раз. Такая способность есть почти у всех морских растений. Филлофора не составляет исключения.

— Сколько же золота содержит зола филлофоры? — пренебрежительно спросил Калашник.

— Около грамма на три тонны золы.

Калашник расхохотался.

— Извините меня, Евгений Николаевич... Ха-ха!.. Но любой металлург... посмеется, над вами, если узнает, каких трудов стоит получить эти три тонны золы!.. Ведь это же добрая сотня тонн сырой водоросли!

— Именно, поэтому мы и приступили к опытам с разными воздействиями на зародышевые клетки филлофоры, чтобы заставить ее работать интенсивнее. Ну, скажите этому скептику, Аркадий Петрович, чего мы добились?

— Эта раса, — кивнул Петров на аквариум, — накапливает уже втрое больше грамм на одну тонну золы. Здесь золото на границе перехода из ультрамикрорезультатов в группу микрорезультатов.

— То-есть ее содержание в протоплазме измеряется уже десятичными долями процента, — пояснил Смолин.

— Ну, это еще далеко за пределами практического использования, — Калашник пожал плечами.

— Подождите, — сказал Смолин, — это не все. Если принять во внимание интенсивность роста нашей расы, то ваш интерес к ней, я полагаю, возрастет... Аркадий Петрович, когда вы пустили зародыши филлофоры в этот бассейн?

— Девять дней назад, Евгений Николаевич, 15 февраля, — ответил Петров.

— Ну-с, что вы на это скажете? — торжествующе обратился Смолин к Калашнику. — В этом бассейне не меньше пяти килограммов водоросли, то есть граммов сто золы. Значит, протоплазма филофоры в аквариуме объемом десять тысяч литров за девять дней роста сконцентрировала из морской воды одну десятую миллиграмма золота... Это — немного, но все же вполне измеримое количество. Я полагаю, что в этой сборной группе водорослей, измененных действием ультрафиолетовых лучей и колхицина, можно будет найти более энергично работающие экземпляры. И с ними мы будем экспериментировать дальше.

Наступило молчание. Ольга вопросительно взглянула на Петрова. Он подмигнул ей и спросил:

— Вы обедали, Евгений Николаевич?

— Сейчас, пойдем вместе... — рассеянно отозвался Смолин. — Что же вы молчите, Григорий Харитонович? Как ваше мнение?..

Калашник засопел, поскреб рукой подбородок, пропуская сквозь пальцы жесткую бороду, передернул плечами, словно ему стал неловок пиджак.

— Что ж... могу только пожелать успеха, — сказал он, наконец, сверкнув из-под бровей колючим взглядом. — Я не биолог, я — химик. И, как вы знаете, больше верю в химию. А такие штучки, — он тряхнул головой в сторону аквариума, — были больше к лицу Парацельсу¹... Алхимия. — Он помрачнел еще больше и стал прощаться. — Хотя, может быть, я и ошибаюсь, — пробормотал он, пожимая руку Смолину. — Сообщают, что даже Симпсон соблазнился вашими методами.

— А как ваши дела, Григорий Харитонович? — спросил Смолин, удерживая его руку.

— Приезжайте ко мне в лабораторию, посмотрите. Пока особыми успехами похвастаться мы не можем. Нам протоплазма не, помогает...

— А где ваша лаборатория? — робко спросила Ольга.

— В Феодосии... То самое помещение, которое занимали в прошлом году вы. Условия пока еще неважные. Работать можно только в дневные часы. Вечером, когда зажигают свет, энергии не хватает. Включаем наши вибраторы — и во всем городе лампы меркнут. Ну, желаю успеха.

Он нахлобучил шляпу, отворил дверь и вышел. Смолин с улыбкой смотрел ему вслед.

— Ну, Ольга Федоровна, — сказал он весело. — Наш Николай Карлович тоже, наконец, рапортует о достижениях!

Ольга вопросительно смотрела на Смолина.

Она давно не видела его таким бодрым и довольным.

— Имеем известия о каких-то неслыханных успехах, — сообщил Смолин. — Прошу вас взглянуть!

Ольга взяла в руки листок бумаги. “Батуми, 5 марта”, — разобрала она первую строчку телеграммы. Взглянула на подпись — “Крушинский”. С удивлением прочитала текст: “Ошеломляющее открытие. Жду вашего приезда”.

Смолин не сводил с нее глаз, наслаждаясь произведенным впечатлением.

— Каков! — воскликнул он. — Вот не ожидал, что Николай Карлович сможет нас чем-то удивить! — Усы его зашевелились в усмешке. — Но, признаюсь, не могу даже себе представить, какое открытие мог он сделать. Да еще ошеломляющее! — Смолин покачал головой, перечитывая телеграмму. — Что же, надо ехать!..

— Завтра поедете? — спросила Ольга.

— Да нет, сегодня же и отправлюсь. Эта телеграмма меня заинтриговала... Аркадий Петрович, закажите пожалуйста билет на ближайший экспресс.

— Есть заказать билет! — весело отозвался Петров.

Он отворил дверь и посторонился, чтобы пропустить Ольгу, но Смолин жестом предложил девушке остаться в комнате. Когда Петров вышел, профессор спросил Ольгу своим обычным небрежно-ласковым тоном:

— Как дела?

— Все в порядке. Ничего нового нет... Ведь вы там не задержитесь?

— Как знать, как знать. Здесь работа идет нормально, а там — “открытие” Николая Карловича. Может быть, оно задержит надолго.

Он посмотрел на нее в упор, чувствуя во взгляде Ольги какой-то вопрос. Она отвела глаза. Наступило неловкое молчание.

— Евгений Николаевич! — вдруг прогудел сверху отчаянный крик Петрова.

У Ольги екнуло сердце. Петров с грохотом ворвался в аквариальную.

— Что случилось, Аркадий? — спросил Смолин.

— Несчастье, Евгений Николаевич, несчастье! — Петров задыхался от возбуждения. — Несчастье с Крушинским!

— Что такое?

— Телефонограмма из Батуми... Крушинский утонул. Просят вас немедленно приехать...

Лицо Смолина окаменело. Он смотрел на Петрова, словно не понимая смысла его слов.

— Сейчас же — на пристань! — сказал он, наконец. — Если глиссер-экспресс не ушел, задержите отход, объясните капитану, в чем дело. Я буду через минуту.

Петров снова бросился вверх по лестнице.

— Какое несчастье! — вырвалось у Ольги. — Бедный Николай Карлович!

¹ П а р а ц е л ь с — немецкий врач и естествоиспытатель, живший в XV веке.

— Несчастье? — переспросил Смолин машинально. — Да, да это большое несчастье... если только это действительно — несчастье.

— А что же?

Смолин ничего не ответил.

Глава 10 НАСЛЕДСТВО КРУШИНСКОГО

— Извините за раннее вторжение. Но мы приняли меры, чтобы прибыть как можно скорее... Разрешите представиться — Смолин.

— Директор морского техникума — Иванов. С Аркадием Петровичем мы знакомы. Проходите, пожалуйста. Какое несчастье! Я и не ложился сегодня, все поджидал вас. Я попрошу принести кофе, это нас подкрепит.

Директор вышел. Петров молча сел в глубокое кожаное кресло напротив профессора, оперся локтями о колени и опустил подбородок на ладони. В голове его еще продолжал шуметь оглушительный рев мотора, с головокружительной быстротой пронесшего глассер от Севастополя до Батуми. После стука яростных брызг в окно рубки и сотрясения мчащегося с сумасшедшей скоростью судна тишина и покой кабинета действовали угнетающе. Он посмотрел на Смолина. Профессор сидел, облокотившись на ручку кресла, мрачный, сосредоточенный и медленно разминал папиросу пальцами. Постучав мундштуком о крышку портсигара, Смолин спросил:

— Ну, Аркадий Петрович, с чего мы начнем?

— Сейчас выясним, Евгений Николаевич... До разговора с директором, мне кажется, ничего нельзя сказать.

Опять наступило молчание. Сизый дым клубился кольцами в ярком конусе света, расходящемся от абажура настольной лампы.

— Сейчас будет кофе, — сказал директор, входя в кабинет.

На его смуглом лице отражалась крайняя усталость. Он сел, провел рукой по лбу и седым волосам.

— Замучился. Пришлось, видите ли, поволноваться. — Он смущенно улыбнулся.

— Нельзя ли все-таки узнать, как это произошло?.. — обратился к нему Смолин.

— Конечно, конечно, профессор... Какая нелепая гибель! Умереть в таком возрасте!.. Ужасно...

— Расскажите, как же это случилось?

Директор опять провел рукой по лбу, разглаживая углубившиеся складки.

— Вчера был обычный рабочий день. Я провел его у себя в кабинете. Разгар занятий, знаете...

— А Николай Карлович?

— Николай Карлович весь день пробыл у себя в верхней лаборатории. Утром я встретил его в коридоре. Он был в прекрасном настроении.

— Сказал он вам что-нибудь о своем открытии?

— Об открытии?.. Нет... ничего. Я его спросил, как дела. Он ответил: “Блестяще!” и прошел к себе на второй этаж... Кажется, до вечера я его больше и не видел.

В дверь тихо постучали. Вошла пожилая женщина с подносом в руках. В воздухе возник пряный, возбуждающий запах кофе.

— Попрошу вас, выпейте, — обратился директор к своим посетителям.

Он принял поднос и поставил на стол. Блеснул серебристый металл подстаканников. Горя, чая струя, окутываясь паром, дрожа полилась из кофейника в стаканы.

Женщина ушла. Смолин выжидающе смотрел на директора, помешивая ложкой в стакане.

— Да... Около четырех он зашел ко мне, — продолжал директор, отхлебнув кофе, — и попросил разрешения выехать на моторной лодке в очередную экскурсию. Ну, я, конечно, разрешил. Он поехал без помощников, один. И больше я его не видел...

— Когда это случилось?

— Около шести часов. В шесть ко мне прибежали двое моих ребят, студентов, и сообщили об этом трагическом случае. Когда лодка Николая Карловича вышла на внешний рейд, они были на берегу... Он работал с планктонной¹ сетью. И вдруг, совершенно неожиданно лодка стала погружаться в воду. Да, да, совершенно неожиданно начала тонуть... Николай Карлович что-то кричал... Выслали спасательный бот. Но уже было поздно. Николай Карлович сейчас же пошел ко дну.

— Да, плавать он, кажется, не умел, — заметил Петров.

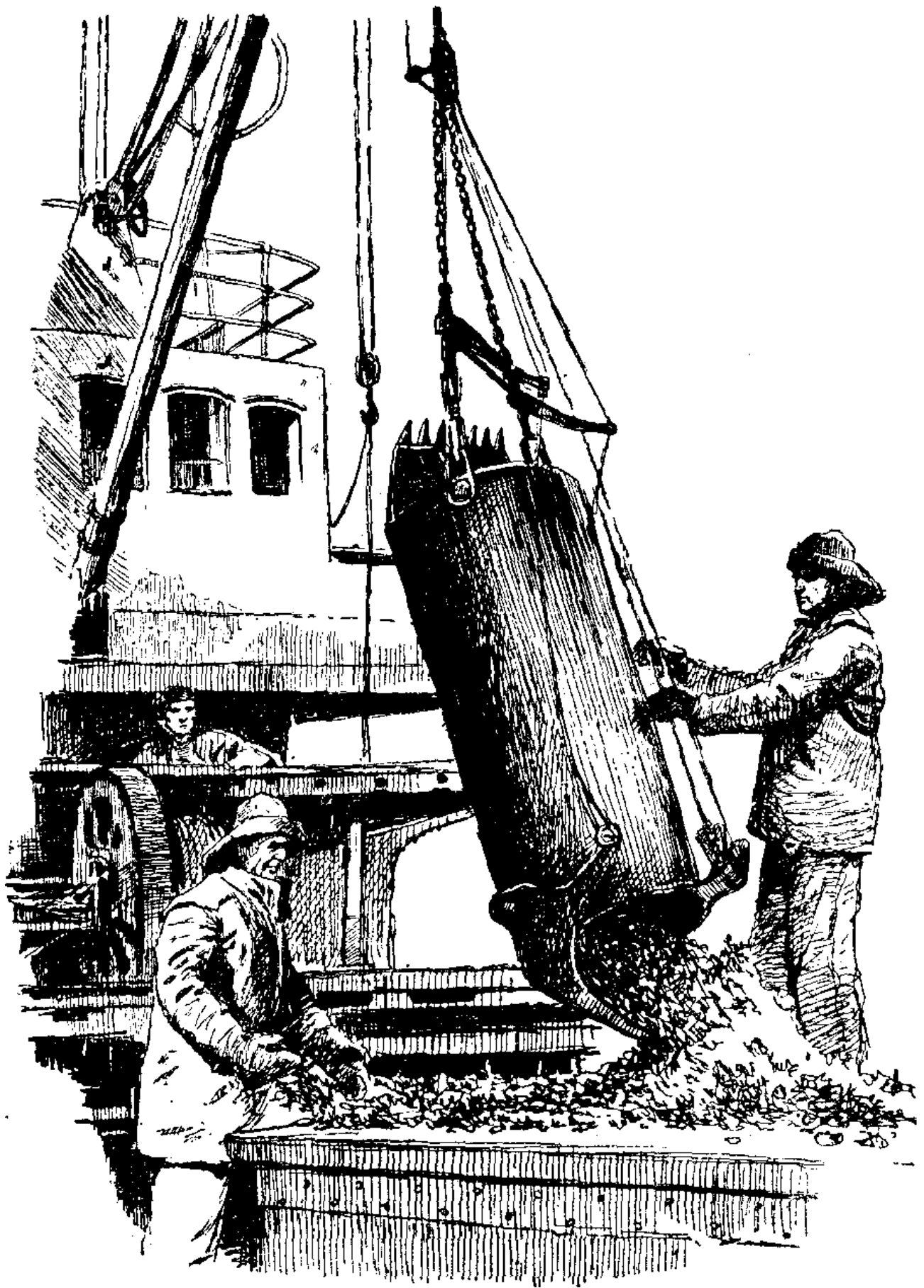
— Вот, собственно и все. Я позвонил в милицию и направился на место происшествия. Но ничего выяснить не удалось.

— Ну, а лодка... почему она затонула?

— Лодка была исправной. Только накануне мы провели проверку состояния наших, пловучих средств и неисправные лодки были сданы в ремонт. Эта была исправной.

— Как же она могла затонуть?

¹ П л а н к т о н — мельчайшие животные и растения, живущие в воде.

Директор развел руками. Смолин встал и прошелся взад и вперед по кабинету.

— В управление МВД сообщено об этом случае? — спросил он, остановившись в полумраке у дверей кабинета.

— Как же... Начальник управления лично звонил ко мне, спрашивал о принятых мерах, потребовал, чтобы я немедленно вызвал вас.

Смолин в раздумье переплел и сжал пальцы.

— Черт возьми! — вырвалось у него. — Какое фатальное совпадение! Погиб в такой момент, когда... В чем же заключалось его открытие? Что он — нашел места, где растет водоросль?

Директор поднял на Смолина недоумевающий взгляд.

— Простите, я ведь совсем не в курсе работ Николая Карловича. Вы уже второй раз говорите о каком-то открытии.

Смолин посмотрел на него с досадой.

— Ну, конечно, вы не можете этого знать, — сказал он сквозь зубы.

— Не знаю, — согласился директор виноватым тоном. — Разве Николай Карлович сообщал вам, что он сделал какое-то открытие?

— Ошеломляющее открытие! — воскликнул Смолин. — Вы понимаете? Он об этом сообщил мне телеграммой...

— Ничего не могу вам сказать, — опять развел руками директор.

— Что же будем делать? — мрачно спросил Петров, вставая со своего места.

— Осмотрим лабораторию, — сказал Смолин. — Не может быть, чтобы там не нашлось никаких следов его открытия.

...Смолин закрыл за собой дверь. В лаборатории было душно, неуютно, пыльно.

— С чего мы начнем? — спросил Петров, раскрывая окно.

Прохладный утренний воздух ворвался в комнату, разгоняя застоявшийся запах химических реактивов.

— В первую очередь осмотрим рабочее место, — ответил Смолин, подходя к длинному столу, протянутому вдоль широкого окна. Профессор окинул быстрым взглядом многочисленные предметы лабораторного обихода, аккуратно разложенные и расставленные на столе. В деревянных подставках выстроились рядами пузырьки с разноцветными растворами красок. Под желтым стеклянным колпаком застыл большой микроскоп. Смолин нагнулся над столом, рассматривая стекла микроскопических препаратов, ровными прямоугольниками блестящие в картонных папках, поднял одно из стекол и рассмотрел его на свет.

— Невидимому, срезы через слоевище водоросли, — сказал он. — Да, конечно, так. Хотя сохранность объекта отвратительная. Все раскрошилось. Да и трудно было что-нибудь сделать при такой твердости тканей.

— Может быть он обнаружил что-либо новое в строении водоросли? — предположил Петров.

— Не думаю. Какие новые перспективы может дать открытие в этой области? Нет, дело, невидимому, не в этом... Посмотрим, что в химической лаборатории. — Смолин открыл дверь направо.

— Здесь он, очевидно, бывал редко, — заметил Петров.

— Да, конечно, он не химик... Но элементарные химические анализы он по ходу работы, вероятно, делал?

— Что-то не похоже, Евгений Николаевич, Никаких следов химических экспериментов...

Петров обошел комнату, внимательно рассматривая приборы, раскрывая дверцы шкафов с реактивами и посудой, заглядывая в стаканы и пробирки, стоящие на столе.

— Нет, — заключил он, проводя пальцем по блестящей крышке центрифуги. — Тут пыль месячной давности... Что-либо существенное без центрифуги он сделать не мог.

— Что же, остается посмотреть аквариальную, — предложил Смолин.

Они вернулись в лабораторию. Петров раскрыл дверь налево. Здесь было душно и сумрачно. Темные шторы плотно закрывали окно. Смолин щелкнул выключателем. Под ярким светом, рассыпавшимся широким снопом из-под потолка, заблестел ряд огромных аквариумов, наполненных водой. Петров всмотрелся в глубину одного из аквариумов.

— Взгляните-ка... — в голосе его прозвучало волнение.

Смолин нагнулся к стеклу. Несколько минут, не отрываясь, он смотрел на дно аквариума, напрягая зрение.

— Да, пожалуй, это она... — подтвердил он, выпрямляясь и обхватив, по своей привычке, подбородок и щеки длинными пальцами.... Куски раздробленного слоевища, это несомненно... — проговорил он в раздумье. — Но с какой целью? Неужели он рассчитывал получить рост из мертвой водоросли?... Непонятно...

— Пойдите, Евгений Николаевич! — возбужденно воскликнул Петров. — Бывают у багрянок стойкие формы зародышевых клеток? Такие, которые способны переносить высыхание? Может быть, такие наблюдения уже были?

— Не припоминаю... Вообще это сомнительно. Как только спора образуется, она немедленно начинает развиваться... Вот бесполое размножение с помощью спор, пожалуй, не исключает этой возможности...

— Может быть, Николай Карлович нашел такие споры у золотой водоросли? — Петров вопросительно посмотрел на Смолина.

Профессор задумался и не ответил. Петров потихоньку вышел в лабораторию. Подойдя к столу, он взял папку и медленно, один за другим, стал просматривать на свет микроскопические препараты. Он старался разо-

брать неразборчивые пометки тушью, сделанные на стекле. Вскоре он вернулся в лабораторию и осторожно тронул Смолина за плечо.

— Евгений Николаевич! — сказал он тихо. — Посмотрите...

Смолин взял из его рук препарат. Поднес к глазам. Посмотрел на свет.

— Написано: “культ.” и цифры, — подсказал Петров. — По-моему, это может означать только одно: номера культур.

— Каких культур? — Смолин нахмурился. — Мертвой водоросли?

— Значит, не мертвой, если Крушинский написал слово “культура”... И обратите внимание на масштабы! Цифры-то — трехзначные!

— А ну, давайте-ка посмотрим в микроскоп, — Смолин прошел в лабораторию. Включите осветитель.

Узкий луч света упал из линзы осветителя на зеркало микроскопа. Петров молча смотрел, как пальцы профессора двигались на винтах кремальеры, конденсора¹ и предметного столика. Тишину нарушали только неясные восклицания Смолина. Наконец профессор встал.

— Посмотрите, — предложил он.

Петров сел к микроскопу. Несколько секунд он молча передвигал стекло. Потом пожал плечами.

— Ничего не видно, — сказал он с досадой. — Решительно ничего. Обычная бактериальная пленка, очевидно, образовавшаяся на поверхности аквариума.

— Но вы заметьте — сотни препаратов. Значит, в этой пленке, в которой ничего, кроме бактерий, нет, он что-то искал? И нашел, в конце концов! Ведь послал же телеграмму.

Смолин наклонился над папками, напряженно разглядывая надписи на препаратах.

— Культуры, культуры, культуры, — читал он с раздражением. — Но культуры чего? Что он мог получить и культивировать из мертвой водоросли?.. Позвольте, позвольте, а здесь что-то иное. Смотрите-ка на это сочетание букв: спнг?

— Спорангии²! — воскликнул Петров. — Конечно спорангии.

— Да, похоже, — ответил Смолин, снова усаживаясь за микроскоп.

Он долго смотрел в окуляр, не отрываясь, подкручивая винты и передвигая столик микроскопа. Наконец, оторвался от стола, встал и уступил место Петрову. Еще несколько минут прошло в молчании.

— Очень повреждены ткани! — с досадой воскликнул, наконец, Петров.

— Вы смотрите, смотрите, — уверенно сказал Смолин.

— Вижу! — вдруг во весь голос крикнул Аркадий. — Да... да... Несомненно, спорангии. — Он отстранился, чтобы дать возможность Смолину посмотреть в микроскоп через его плечо. — Вот, вам и разгадка, — Петров вздохнул с облегчением.

— Вы уверены в этом?

— Что же можно предположить другое?

— Проверим, — сказал Смолин.

Он снова прошел в аквариальную и наклонился к стеклу. Петров присел рядом на корточки, разглядывая темные крошки на дне аквариума.

— На поверхности — обычная бактериальная пленка. Стекло покрыто темным налетом, констатировал Смолин. — На дне тоже какой-то осадок... Но никаких следов прорастания спор. Какой вид имеют развивающиеся багрянки, Аркадий Петрович?

— Ничего похожего я здесь не вижу. Проросток филофоры имеет вид крошечного кустика. Здесь же, кроме каких-то обломков, ничего не заметно... Но почему у воды такой темный оттенок?.. Хотя это, возможно, от налета на стеклах...

— Возьмите кусочек со дна и — под микроскоп, — предложил Смолин.

— Раздавить?

— Да, раздавите между предметными стеклами.

Они снова перешли в лабораторию. Смолин взял из рук Петрова препарат, посмотрел на свет, покачал скептически головой и положил под объектив.

Петров слипающимися глазами следил за его движениями. Утомление после бессонной ночи свинцом разливалось по его телу. Возбуждение, вызванное осмотром лаборатории и поисками следов открытия Крушинского, постепенно стихало. Перед глазами плыли лиловые круги. В висках ломило.

— Ерунда! — сказал Смолин коротко, снова поднимаясь со стула. — Никаких следов развития.

Петров встряхнул головой, отгоняя дремоту. Усталость подавляла разочарование. Он машинально посмотрел в окуляр.

— Да, совершенно мертвые крошки, — подтвердил он машинально. — Что же будем делать дальше, Евгений Николаевич?

Смолин в раздумье зашагал по комнате.

— Надо будет выяснить, — сказал он, наконец, — какую часть водоросли он израсходовал на эти свои опыты. Какой кусок он взял с собой, Аркадий Петрович?

¹ Конденсор — система оптических стекол, направляющая лучи на освещаемый предмет.

² Спорангии — органы низших растений, в которых образуются споры — зародышевые клетки, служащие для бесполого размножения.

— Ровно половину — сто восемьдесят граммов.

— Ну, не может быть, чтобы такое количество сухой ткани он успел истратить на свои культуры. В каждом аквариуме не больше трех-четырёх граммов вещества. Посмотрим, что у него осталось. Где несгораемый шкаф?

— В химической. Ключ у вас есть?

Смолин вытащил из кармана тяжелую связку.

— Вот. Это — вторые ключи от всех наших несгораемых шкафов. Этот — от вашего в Севастополе, эти два — от ланинских, на Мурмане, а этот — от здешнего. Да, он. Номер 023.

Они опять вошли в химическую. Смолин вставил ключ в скважину. Звякнул замок.

— Тут, очевидно, и его записи... — Смолин распахнул дверцу, и сейчас же умолк, в недоумении.

Петров молча смотрел через его плечо внутрь шкафа.

— Абсолютно ничего, — сказал он растерянно. — Неужели он хранил все дома? Смолин нахмурился и покачал головой.

— Ну, на Николая Карловича это не похоже...

— Вот так штука! — воскликнул Петров и взъерошил в возбуждении свои короткие волосы. — Может быть... похищение?

— Возможно... Во всяком случае, такое предположение правдоподобно.

Они подошли к окну. Петров отдернул штору. За окном виднелась глухая стена соседнего дома, чугунная решетка, густо оплетенная вьющимися растениями, за ней узкий переулок, выходящий на набережную.

— Место глухое, — определил Петров, пробуя открыть окно.

Оно поддалось без сопротивления. Свежий утренний воздух хлынул в комнату.

— Не заперто, — взволнованно сказал Петров.

Смолин в раздумье постучал пальцами по подоконнику.

— Да, не заперто, — подтвердил он. — Вот уж это непростительная небрежность со стороны Николая Карловича!

Петров заглянул через подоконник вниз.

— Следов никаких нет, — сказал он.

— Какие же следы на таком твердом грунте? Закрывайте окно, Аркадий. Дело, очевидно, потребует более квалифицированного следствия. Что же касается результатов работ бедняги Крушинского... — Он сжал рукой подбородок, устремив в пространство рассеянный взгляд, и закончил хрипловатым утомленным голосом. — То мы не оправдаем ни на волос оказанного нам доверия, если не найдем, в чем заключалось его “ошеломляющее открытие”

Глава 11

ХИМИЯ ТЕРПИТ НЕУДАЧУ

Калашник вздохмаченный, вспотевший, злой, ходил по своей лаборатории, яростно топая по линолеуму.

Еще одна неудача... Это прямо, черт знает, что такое!.. Опыт готовился так, что была полная уверенность в успехе. Удалось завершить длинный ряд подготовительных работ на искусственных моделях. Он сумел разработать методы приготовления искусственных растворов золота в любой концентрации, хотя бы даже за пределами миллионных долей процента. Коллоидное золото в этих растворах было в тонко раздробленном — ультрадисперсном состоянии. Среда для растворов готовилась в полном соответствии с химическим составом морской воды. Словом, все делалось так, чтобы при переходе от искусственной модели к воде Черного моря осечки не получилось. И вот — на тебе!

Новый способ осаждения был его гордостью, его будущей славой. Славой! Ха-ха! Но кто бы мог подумать, что блестяще завершённый эксперимент на практике окажется мыльным пузырем? Калашник, продолжая стремительно шагать из угла в угол, в сотый раз мысленно проследил до деталей весь ход реакции.

Он набрел на свой новый метод, просматривая старые работы по химии золота. Впервые мысль об этом методе мелькнула у него при чтении Менделеева. Калашник любил в часы ночной бессонницы успокаивать расхолившееся воображение торжественными, полными аромата молодости науки, классическими страницами “Основ химии”¹.

Органические вещества и иод — это неизменные спутники золота, сопровождающие как накопление, так и рассеяние его в морской воде. Правда, у Менделеева было место, заставлявшее Калашника всякий раз морщиться — упоминание о морских организмах, причастных к извлечению золота из раствора.

Но, — черт возьми! — не всякое лыко в строку. Мог ли старик предвидеть, до какого уровня дойдут через сто лет методы физико-химических исследований! Для осаждения золота из растворов нужен энергичный катализатор, действующий безотказно и избирательно только на золото. В состав катализатора должны войти: иод, органические вещества, содержащие серу, и некоторые металлы. Словом, — нечто сходное с пиритами, издавна применяющимися в металлургии золота.

Катализатор был создан. В искусственных растворах он творил чудеса. Осечек не было.

¹ “О с н о в ы х и м и и” — классический труд Д.И.Менделеева, изданный впервые в 1869–1871 годах.

А впрочем... Нет! У Калашника не возникало никаких сомнений, когда он в сотый раз воспроизводил в своей голове ход процесса.

Короткая обработка раствора током высокой частоты. Погружение в раствор пластины с катализатором. Бешеное вращение мешалки. Пауза. Золото, потерявшее заряд, крупными частицами осаждается на дно цилиндра. Калашнику даже чудится, что он простым глазом видит эти частицы.

Новая порция раствора. Снова бурлит и пенит воду блестящая мешалка. Опять пауза.

Как ненавистны были эти паузы Калашнику! Тридцать минут нелепого, ничемного, смертельно тоскливого ожидания, парализующего воображение и память.

Наконец на дне сосуда ясно виден темный осадок. Калашник помнит, с каким биением сердца он в первый раз направил на этот осадок пучок коротковолновых лучей. Сомнений не оставалось: осадок засветился густым пурпурно-фиолетовым светом. Это было золото!

Да, опыт подтвердил правильность расчета Калашника. Его способ действовал избирательно и безотказно. Катализ направлял ход всех химических и коллоидно-химических процессов к тому результату, которого Калашник добивался. Из тонны раствора за час работы накоплялось до 30 миллиграммов золота. Такое соотношение решало бы проблему извлечения дьявольского металла из океана.

Но катализатор¹ действовал на золото только в том состоянии, которое создавал экспериментатор в искусственных растворах. При перенесении опыта с искусственного раствора на воду феодосийской гавани, — профильтрованную, очищенную от грязи и взвешенных в ней микроорганизмов, — ничего не вышло! Десять раз яростно крутилась мешалка в столитровом цилиндре. Десять раз Калашник мерил лабораторию тяжелыми шагами, с возрастающим возбуждением переживая каждую новую паузу.

И — ничего! Калашник подбегает к одному цилиндру, к другому, к третьему, садится на корточки перед четвертым, прилипает влажным лбом, изборожденным гневными морщинами, к стеклу, напряженно всматривается... Ничего!

Пуста и равнодушно прозрачна вода, еще сохраняющая медленное вращательное движение. Чиста и стеклянная поверхность дна, словно ее только что вымыли. Осадка нет!

Ну, что же — дело ясное. Значит, золото океана имеет иное состояние и в нем нет ничего общего с изготовленной Калашником моделью. Но какое состояние? Какое, черт возьми?

И столько времени убить зря! Подумать только — два месяца погубить на работу, а результаты не стоят и выеденного яйца! Тяжелый кулак грохнул по столу, вызвав разноголосый звон химических стаканов, цилиндров и колб.

Испуганная физиономия ассистента заглядывает в дверь и скрывается. Калашник нетерпеливо пинает осколки ногой. Да, только этим... парацельсам безразлично, в каком состоянии взвешено золото в воде океана. Протоплазма накапливает его, не нуждаясь в решении этого вопроса. Раствор, или коллоидное состояние, или соединение с хлором — ей безразлично. И совершенно безразлично этому счастливцу — Смолину!

...Дверь бухнула по косякам, осыпав Калашника мелкими брызгами штукатурки. Он вытер платком лоб и шею, медленно расстегнул пиджак и глубоко вздохнул, приходя в себя.

Спускался весенний вечер. Тянуло свежим запахом моря. Калашник посмотрел на косые лучи нежаркого солнца, цепляющиеся за окна верхних этажей, и медленно спустился по ступенькам.

Глава 12 МЕТОД ОЛЬГИ ДУБРОВСКИХ

Прошло уже две недели, как Смолин и Петров выехали в Батуми.

Ольга тяжело переживала известие о гибели Крушинского. Он никогда не был ей особенно близок. Но она так привыкла видеть в коллективе лаборатории этого смешного, медлительного чудака, что мысль о его опустевшем рабочем месте вызвала у Ольги болезненное ощущение тяжелой утраты. Она вспомнила, как мало интересовалась Крушинским. Это был одинокий холостяк, не увлекавшийся ничем, кроме своих водорослей. Ни у Ольги, ни у многих других сотрудников института никогда не возникала мысль, что этому немолодому ученому, как и любому другому человеку, свойственны личные переживания, тревоги, сомнения словом, сложная внутренняя жизнь. И вот человека нет, — полезного, нужного работника, мягкого, внимательного, предупредительного товарища. И нечего вспомнить о нем, кроме того, что он был хорошим знатоком водорослей. Ужасно!

Известия из Батуми ограничились коротким письмом Петрова. Он сообщил, при каких обстоятельствах погиб Крушинский и что дало следствие по поводу его смерти. Выяснить, что случилось с лодкой, так и не удалось. Она затонула на глубине более двухсот метров, и поднять ее оказалось невозможным. Труп Крушинского также не был обнаружен. Море в этот день было спокойным и оставалось сделать единственное правдоподобное заключение, что лодку захлестнуло водой из-за неловкого движения Крушинского. Не удалось понять и того, в чем же заключалось “открытие” Николая Карловича. Можно было догадаться, что он пытался вырастить

¹ Катализ — замедление или ускорение химической реакции с помощью особых веществ, не входящих в конечный продукт реакции — катализаторов.

культуры из обломков водоросли, рассчитывая, что в высохших спорангиях сохранились стойкие споры. Но не удалось найти никаких намеков, что эти его попытки увенчались успехом.

“В общем, история загадочная, — писал Петров. — Евгений Николаевич очень расстроен, мрачен, зол. Жалко Николая Карловича. Теперь только я понял, какой это был простой, бесхитростный и преданный науке человек. И, конечно, жаль, что из строя выпал такой первоклассный специалист. Когда вернемся, неизвестно. Евгения Николаевича даже спросить об этом страшно. А я здесь уже тоскую”.

Ольга невольно улыбнулась. Последняя фраза могла относиться и к ней, но не исключалось, что речь шла о драгоценных водорослях. Это, пожалуй, было более вероятным, так как вслед за подписью следовала приписка: “Берегите культуры”.

Оставалось работать и ждать. За культуры Петров мог не беспокоиться — они были в прекрасном состоянии. Бассейны, где росли водоросли, были заполнены неудержимо нарастающей массой растений. С утра, приняв от сторожа ключи, Ольга начинала рабочий день обходом аквариальной. Она тщательно обследовала один за другим все бассейны и только после этого принималась за свою работу. Работы было много. Смолин поручил Ольге обучить методике определения золота пятерых лаборантов. Пять комнат второго этажа были заняты сложной аппаратурой — установками для извлечения золота из морской воды. Под ее наблюдением ежедневно делались десятки точнейших анализов, улавливающих ничтожные следы драгоценного металла. А сама она, наряду с повседневной работой, тайком, не говоря никому ни слова, вела исследование — первое самостоятельное исследование Ольги Дубровских.

Оно возникло совершенно случайно. В обязанности Ольги входило обследование проб воды из бассейнов с культурами филофоры. Воду из бассейна брали черпаком и наполняли ею стеклянный цилиндр определенной емкости. Однажды утром ее оторвали от работы, и три цилиндра с пробами простояли целый день в лаборатории. Вечером Ольга спохватилась, что не закончила анализ. Вернувшись к пробам, она обнаружила, что в одном из цилиндров плавает порванная, размноженная водоросль. Досадую на небрежность ассистента, она профильтровала воду из загрязненной пробы, ввела во все три цилиндра осаждающие реактивы и тотчас же начала определение.

Щелкнул рубильник. Содрогаясь загудели вибраторы. Она включила привычным движением “черный свет” — лучи большой жесткости. Жидкость сейчас же засветилась густым пурпурно-фиолетовым цветом — осаждение золота было закончено. Ольга была изумлена. Она направила “черный свет” на другой цилиндр. Пурпурно-фиолетовый цвет не появлялся. В чем дело? Она облучила третий цилиндр — цвет жидкости не изменился. Снова поставила под “черный свет” первый цилиндр вода опять заблестела пурпурно-фиолетовым цветом. Ольга в растерянности села на стул и, ничего не понимая, смотрела на светящийся цилиндр. Потом спохватилась, надо было кончать анализы, — обработала положенное время второй и третий цилиндры и проверила “черным светом”, окончено ли осаждение.

В обоих цилиндрах появился характерный пурпурно-фиолетовый цвет. Затем она прокалила осадок и взвесила. Все три цилиндра дали одинаковое количество золота.

Она долго сидела в лаборатории, обдумывая этот непонятный случай. Осаждение золота во втором и третьем

цилиндрах прошло нормально. Первый цилиндр подвергался действию вибратора не пятнадцать минут, а меньше минуты. Но, может быть, осаждение золота в нем произошло и до ультразвуковой обработки? Нет, это было бы совсем невероятно.

Все три пробы были взяты из одного бассейна. Осаждающие реактивы вводила сама Ольга — здесь ошибка исключалась. Правда, на этот раз одна из проб была загрязнена... Но какое это могло иметь значение?

В конце концов Ольга решила, что, очевидно, утром перед уходом из лаборатории она успела подвергнуть первый цилиндр действию вибратора и забыла об этом. Но в глубине души затаилась неудовлетворенность этим решением.

У Ольги был настойчивый, упорный характер. Если что-нибудь западало ей в голову, она не успокаивалась, пока не добивалась своего.

Она считала себя химиком. И вера Калашника в эту науку производила на Ольгу сильное впечатление. В глубинах сознания у нее теплилось крошечное, тайное, никогда не высказываемое сомнение: а прав ли ее учитель в споре с Калашником? Она была глубоко убеждена, что Смолин рано или поздно сумеет заставить живое

вещество морских организмов концентрировать золото так, как он хочет. Но она не могла отказаться от мысли, что физикохимический метод извлечения золота из морской воды может конкурировать с организмами-концентраторами.

“Ведь речь идет не о сложных веществах, пока еще не поддающихся синтезу, — думала Ольга. — Золото — всего-навсего элемент, простейшее тело. Вся трудность извлечения золота в том, что концентрация его в морской воде чрезвычайно низка. И все же, взять, например, гелий. Хотя он и содержится в воздухе в несколько больших количествах, чем золото в морской воде, но ведь было время, когда не только не думали о добыче гелия из воздуха, но и даже о наличии его в воздухе не догадывались. И нашли же способы концентрации гелия, не прибегая к помощи живых организмов!”

Она мечтала о том, что ей самой удастся так изменить метод Калашника, что не нужно будет этих непомерных затрат энергии. Тогда задача оказалась бы решенной. Но легко сказать — понизить затрату энергии. Как с меньшими затратами вызывать эти чудовищные вибрации среды, разрушающие золотые мицеллы? Вот, если бы удалось разрушать их другими средствами...

А как действуют организмы на эти мицеллы, когда золото переходит в состав живой ткани? Познания в биологии у Ольги были довольно слабы. Но все же она знала, что химические процессы в живых организмах регулируются особыми веществами ускоряющего и замедляющего действия — ферментами¹. Очевидно, и накопление золота водорослями совершалось под влиянием особого фермента. “Вот если бы удалось выделить этот фермент!” — мечтала Ольга.

Ольге навсегда запомнилась минута, когда неожиданно для нее самой в ее сознании вспыхнул яркий свет догадки. Она поняла, что ускорение процесса, которое ей привелось наблюдать, было вызвано именно ферментом, выделяемым разрушенными тканями водоросли.

Никому ни слова не сказала она о своей догадке, не говорила и о наблюдении, породившем эту гипотезу. Но с тех пор почти каждый день, закончив очередные анализы, она оставалась в лаборатории. Груды водорослей, привозимых ежедневно для анализа, лежали на столах. Она выбирала наиболее богатые золотом формы. Из них готовила эмульсии, настои, экстракты. Добавляла к воде и проводила анализ за анализом. Это была увлекательная, волнующая работа. Временами ей казалось, что она на пороге решения проблемы. Золото выходило в осадок при минимальной интенсивности вибраций... Но при повторении опыта ничего не получалось... Ольга изменяла условия опыта: температуру, силу вибрации, концентрацию эмульсий, — все было безуспешным. И вдруг, неожиданно какой-нибудь новый вариант приводил к прекрасному результату. Задача заключалась в том, чтобы заставить вещество, извлекаемое из тканей водорослей, действовать безотказно. А это было так трудно, что порою у нее опускались руки. — “Неужели я просто что-нибудь путаю? — думала она иногда. — А если рассказать Евгению Николаевичу? Ну, нет! Чтобы надо мной посмеялся Аркадий? Ни за что!”

Последняя неделя неожиданно принесла ободряющие результаты. Закономерность определилась. Факторы, ускоряющие осаждение золота, стали действовать безотказно, если были соблюдены определенные условия. И самым главным условием было сохранение в сосуде, наряду с размноженными, тонко измельченными тканями, целых кусков растения.

Она работала теперь, как одержимая. С раннего утра она готовила сосуды, помещая в них различные части водорослей, нарезанные кусками разной величины. Весь день, пока шла очередная лабораторная работа, длился этот таинственный незримый процесс накопления в воде удивительного вещества, вызывающего укрупнение мицелл растворенного золота. А вечером, запершись в лаборатории, охваченная нетерпением, она приступала к анализам.

Работа принимала отчетливые очертания. Догадка Ольги оказалась, повидимому, правильной. Можно было, не стыдясь первых наивных самостоятельных попыток, доложить профессору о результатах работы. Вода, насыщенная ферментами из обрывков водорослей, отдавала золото во много раз быстрее. Уже не минутами, а секундами измерялся срок действия вибраторов, необходимый для завершения процесса.

Да, результаты совершенно очевидны. Ольга стояла у стола. Перед ней матовым блеском светились цилиндры с пробами. Она закончила анализы. Все было ясно. Щеки ее пылали от возбуждения. Она смотрела на листки, с только что сделанными расчетами, ничего не видя, кроме последних цифр. В той постановке, которая была разработана Ольгой, метод Калашника давал возможность полностью извлекать золото из воды при минимальных затратах энергии.

Она не могла справиться с волнением. Внутри у нее все пело, все ликовало от радости.

Глава 13 СТОЛКНОВЕНИЕ

Ольга распахнула окно, высунулась навстречу свежему ветру, дувшему с моря. Заходящее солнце окрашивало синеву Севастопольской бухты в лиловый цвет. Небо сияло нежным золотистым светом...

И вдруг она вздрогнула от мощного окрика, загудевшего внизу:

— Дома хозяин?!

¹ Ферменты — сложные органические вещества, образующиеся в органах животных и растений, способные сильно ускорять протекающие в живых телах химические реакции.

Ольга взглянула вниз. У подъезда, широко расставив ноги и закинув голову назад, стоял Калашник.

— Есть кто-нибудь? — опять крикнул он. — Что у вас там случилось?

— Проходите, Григорий Харитонович! — крикнула в ответ Ольга с радостным возбуждением. — Прямо на второй этаж!

Калашник пинком ноги распахнул дверь и скрылся внутри здания. Ольга отошла от окна. Неожиданный визит Калашника всколыхнул старые мысли, которые столько раз возникали у нее в разговорах с ним. Итак — биология или химия? Ей не терпелось рассказать этому скептику, как живое вещество может содействовать физико-химическим процессам.

Тяжелые шаги Калашника послышались на площадке лестницы и застучали по коридору. Ольга раскрыла дверь лаборатории.

— Сюда, Григорий Харитонович!

Калашник протянул руку.

— Где же ваш... хозяин? — спросил он, заходя в лабораторию. — Куда он так неожиданно скрылся?

— В Батуми, — ответила Ольга. — У нас ведь несчастье. Погиб один из наших сотрудников — Крушинский. Утонул.

— Да, я слыхал об этом... И Смолин все еще там? — удивился Калашник. — Да уж две недели с тех пор прошло...

Ольга промолчала.

— Ну, а у вас как дела? — захохотал Григорий Харитонович, расхаживая по лаборатории. — Вижу, вижу, аппаратура знакомая. Это вы хорошо приспособили. Для параллельного анализа? Правильно. Молодец!

Ольга вдруг заколебалась, говорить ли Калашнику о своем открытии или воздержаться. Она не знала, как к этому отнесется Смолин. Но соблазн был очень велик. Ведь это, в сущности, будет сражением — в защиту ее учителя против его самого активного противника... И она решилась;

— А, знаете, Григорий Харитонович... — начала она, и собственный голос показался ей чужим. Она вспомнила сокрушающее выступление Калашника на съезде биогеохимиков, и вдруг увидела себя глазами этого маслянистого, сурового ученого маленькой-маленькой, совсем крошечной.

— Что знаю? — спросил Калашник, продолжая ходить по лаборатории...

Отступать уже было нельзя. Да и никогда не простила бы себе Ольга такого позорного малодушия.

— С некоторыми поправками... — она почувствовала, что у нее пересыхает горло, ваш метод извлечения золота из морской воды может оказаться рентабельным...

— Что такое? — повернулся к ней Калашник. — С какими поправками?

Теперь было уже легче. Ольга взяла со стола свои листки, раскрыла тетради контрольных анализов и рассказала быстро и сбивчиво, как добилась она сокращения затрат энергии при осаждении золота. Калашник слушал ее, нахмуясь, шумно дыша, теребя и пропуская сквозь пальцы свою маленькую бородку. Изредка он прерывал ее рассказ неопределенными восклицаниями:

— Так... так... Ну и что же? Правильно... Так... Так... Да что вы? Ах, ты, черт!.. Ну, ну?.. Так...

Ольга кончила, отчаянно краснея, и только тогда решилась поднять взгляд на Калашника. Он тоже был красен, то и дело лохматил свои волосы рукой и вытирал пот на лбу большим синим платком.

— Ну, девушка! Задали вы мне задачу. Что же вам сказать... С одной стороны — возразить нечего... Все, что дает результат, — следует использовать... С другой... впрочем, это уж мое... об этом не стоит. — Он нахмурился и снова зашагал по лаборатории. — Конечно, лабораторный опыт одно, а опыт в производственном масштабе — совсем другое. Здесь, дистанция огромного размера. Но попробовать, может быть, и стоит. Я, со своей стороны, готов предоставить вам свою аппаратуру в Феодосии. Десять цилиндров по сто литров. Пожалуйста...

Он неожиданно остановился и посмотрел на Ольгу через плечо.

— Если, конечно, позволит ваш Парацельс, — закончил он язвительно.

— Не знаю, — прошептала Ольга, опять густо краснея.

Калашник в раздумье поскреб подбородок.

— А скажите, Ольга Федоровна, — лицо его вдруг просветлело, — не приходило ли вам в голову использовать для предварительной обработки воды не размноженные ткани водорослей, а живые растения?

Ольга широко открыла глаза.

— Как? Я вас не понимаю...

— Эх, вы, а еще биолог, — покрутил головой Калашник. — Ну, представьте себе, что в ваших сосудах не сорванные и разрезанные куски растений, а нормально растущие водоросли. Понимаете?

— Понимаю, — просияла Ольга. — До этого почему-то я не додумалась. — Она остановилась соображая. — Дело в том, что в наших аквариумах вода для этого не подходит. В одних — проточная вода. Мы ежедневно берем ее для анализа, и я не замечала, чтобы энергии требовалось меньше. А в других — искусственно повышенные концентрации золота.

— Так, позвольте, — загудел Калашник. — Это же в ваших руках устроить такой бассейн!

— Я не знаю, как будут жить водоросли в стоячей воде.

— А, ну, идемте, посмотрим.

Он тяжело загрохотал по ступенькам вслед за быстро спускающейся вниз Ольгой.

Комнату заливал тревожный пурпурный свет, льющийся из огромных, саженных стекол аквариумов. Они были густо заполнены разросшимися и переплетающимися ветвями филлофор. Ветви светились таким ослепительным, раскаленно-красным цветом, что глазам было больно смотреть.

— Необычайное развитие красного пигмента фикоэритрина, — объяснила Ольга. — Днем мы затеняем аквариумы, ведь филлофора растение глубоководное, тенелюбивое — и открываем вечером, когда свет уже неяркий.

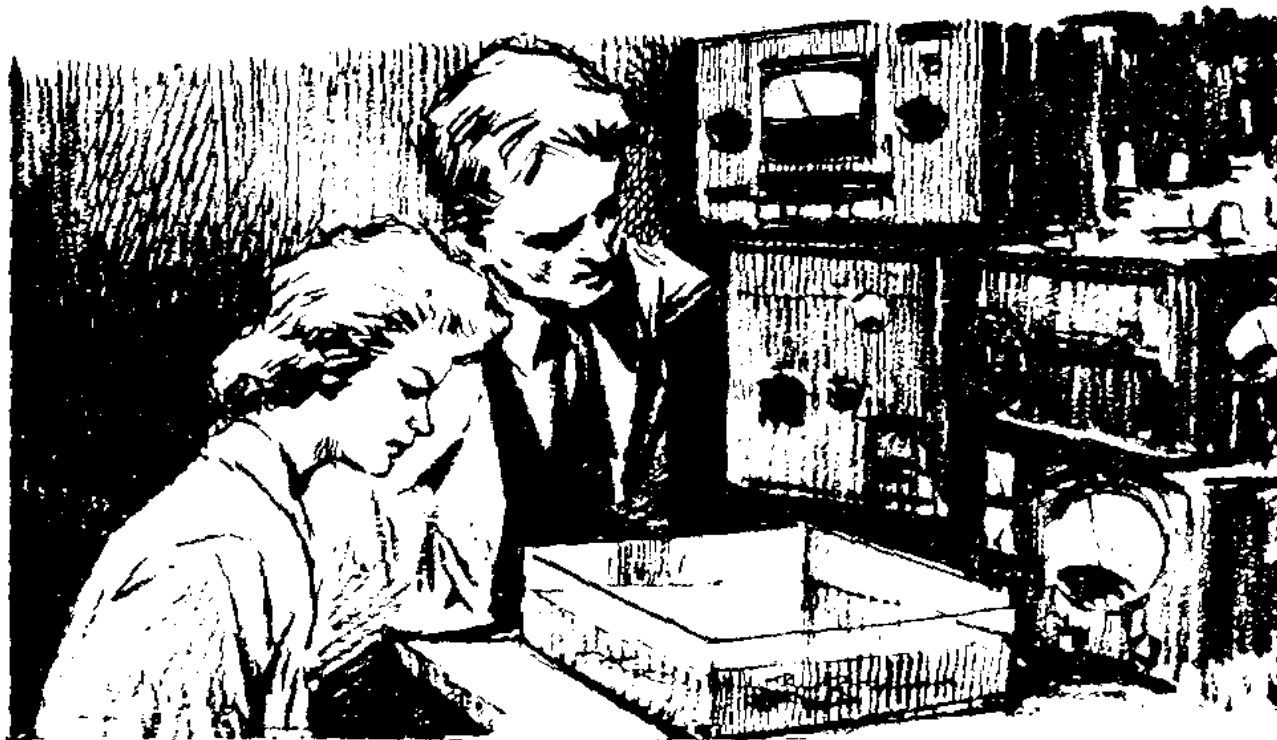
— Как же без света? — спросил Калашник.

— Глубоководные растения обходятся голубыми коротковолновыми лучами. Эти лучи проникают сквозь толщу моря... Красный цвет Помогает поглощать эти лучи. Вот, смотрите.

Ольга тронула рычаг на мраморной доске. Послышалось гудение. И сейчас же красный свет померк и сменился густым пурпурно-фиолетовым сиянием. Калашник увидел сеть тонких и прозрачных трубок, тесными рядами пронизывающих воду аквариума. От них исходили едва видимые трепетные, фиолетовые лучи.

— По длине волны эти лучи близки к ультрафиолетовым, — объяснила Ольга. — В малых дозах они способствуют росту растения. Большие дозы смертельны. Поэтому мы не даем большой интенсивности, чтобы не погубить культуру.

— А как вы регулируете интенсивность света? — с неожиданной живостью заинтересовался Калашник.

Ольга кивнула на мраморную доску, не спуская руки с рычага. Чуть заметно она продвинула рычаг вперед. Свет в трубках сгустился. Растения приняли пурпурно-черную окраску.

На доске вспыхнула красная лампа. Сейчас же Ольга сдвинула рычаг назад.

— Десять минут при такой интенсивности света, — сказала она, — и эти лучи убьют все живое.

— Однако, — Калашник усмехнулся, — вы рискуете...

Ольга подняла брови, но не ответила. Ей послышались какие-то звуки из коридора. Она приоткрыла дверь, просунула в нее голову, прислушалась. Было тихо. Она вышла в коридор, подбежала к лестнице, постояла, напряженно слушая, несколько минут, и снова вернулась к Калашнику, застывшему у стекла аквариума.

— Ну, а... как с накоплением золота? — спросил Калашник.

— Думаю, что рано или поздно Евгений Николаевич добьется того, что нам нужно. Пока еще накопление идет недостаточно интенсивно, но оно уже в двести раз превышает свойства исходной формы.

— Алхимия!.. — пробормотал Калашник, отходя от стекла и оглядываясь по сторонам. Ну, так вот. Я полагаю, что любой из аквариумов можно приспособить для ваших опытов. В каждом концентрация живого вещества такая, что вода, очевидно, будет быстро насыщаться этим вашим... ферментом.

— Да, да, — ответила Ольга машинально. Сердце ее забилося. Ей почудилось, что она слышит голос Смолина. Она уже не понимала, что говорил Калашник. Да, это его голос... Звуки шагов на лестнице. Дверь распахнулась.

На пороге появился профессор Смолин. Он бросил быстрый взгляд на Ольгу, перевел глаза на Калашника. Лицо его стало каменным.

— В чем дело, Ольга Федоровна? — спросил он резко. — Почему здесь посторонние?

Ольга вспыхнула. Смолин никогда не говорил с ней таким тоном. Она посмотрела на него умоляющим взглядом. Но Калашник предупредил ее.

— Ольга Федоровна показывала мне культуры по моей просьбе, — сказал он угрюмо. — Я не подозревал, что вы можете иметь что-либо против этого. Впрочем... это ваше дело.

Он стремительно пошел к двери, так что Смолин невольно посторонился.

— Это, конечно, мое дело, — с яростью повторил он слова Калашника. — Но я не понимаю смысла таких посещений при вашем... отношении к моей работе. И имею право трактовать его определенным образом.

Калашник остановился в дверях. Повернул посеревшее, искаженное лицо к Смолину.

— Полагаю, что это посещение будет последним, — сказал он хрипло. — Можете трактовать его, как хотите!

Он оттолкнул стоящего на дороге Петрова и вышел, хлопнув дверью.

Глава 14 ГИБЕЛЬ ГИГАНТОВ

Рабочий день Петрова неизменно начинался с посещения аквариальной. Он обходил все аквариумы, осматривал растения, брал несколько экземпляров из каждого бассейна, чтобы сделать анализы и измерения скорости роста, и фиксировал в дневниках все изменения, происшедшие за ночь. Драгоценные культуры гигантской водоросли Аркадий обычно рассматривал последними. Они были в четвертом самом крайнем помещении аквариальной.

В то утро Аркадий также обошел все аквариумы и ему осталось обследовать только бассейн с гигантской филлофорой.

В свете раннего утреннего солнца филлофора испускала нежно-розовое сияние. Уже первое впечатление от ее цвета слегка удивило Петрова. Это был не тот чистый тон, сохраняющий цветовую ясность при любой яркости — от густопурпурного до нежнорозового оттенка. К нему совершенно отчетливо примешивалась буроватая подцветка, какую можно заметить осенью на увядающем листе.

Петров подошел к стеклу несколько озадаченный. До сих пор развитие пигмента у этой формы шло в сторону сгущения красного цвета, — побурение было новостью. Он поднялся по лесенке, заглянул в аквариум сверху и сразу заметил что-то неладное. Аркадий обладал исключительной зрительной памятью, натренированной в наблюдениях над изменчивостью живых организмов. Утренние впечатления у него накладывались на впечатления прошедшего дня, и глаз фиксировал мельчайшие отклонения. По утрам Петров без всяких измерений, сразу улавливал, насколько за ночь разрослось его детище, — гигантская форма филлофоры. В это утро он не заметил изменений в росте растений.

Он спустил в бассейн огромные щипцы, сконструированные им для извлечения растений, отщипнул большую ветвь, поднял... Развернул на ладони мокрое, слизистое слоевище, расправил пластинки... По краю красной ткани шла бурая кайма омертвения.

Всем существом Петров ощутил, что произошло непоправимое несчастье. Во рту у него пересохло. Он бросил извлеченную ветвь. Вытащил другую, посмотрел. Не спускаясь с лесенки, бросил, достал третью. Картина была все та же. Край, где шел рост водоросли, где делились гигантские клетки, где растительная ткань обычно сияла свежестью окраски, теперь был поражен смертью, уже переходившей в разложение.

Петров растерянно оглянулся. Рванул воротник рубашки — влажная теплота комнаты вызвала у него обильную испарину — и судорожно вздохнул.

— Культура погибла! — сказал он громко, и яростным, отчаянным шепотом выругался.

Медленно спустился он с лестницы и остановился у стекла, тупо, без мыслей уставившись на погибающую филлофору. Им овладела странная вялость и даже безразличие. Он знал по опыту, что умирающее растение ничем нельзя вернуть к жизни.

Как автомат, не чувствуя под собою ног, Петров поднялся наверх. Час был ранний, в лабораториях никого не было. Он свалился на стул у телефона, набрал номер. Смолин долго не отзывался. Наконец в трубке раздался хрипловатый после сна, преодолевающий зевоту голос:

— Слушаю.

— Евгений Николаевич, — торопливо сказал Петров, — культура погибла!
Короткая пауза. Петров дрогнувшим сердцем почувствовал, как ошеломлен Смолин.
— В большом аквариуме? — услышал Петров тревожный взволнованный вопрос.

— Да, — ответил Аркадий.

Опять напряженная тишина, прерываемая только шорохом в микрофоне.

— Сейчас буду, — негромко произнес Смолин.

Звук опустившегося рычага. Петров не отнимал трубки от уха, пока в ней не зазвучал равнодушный сигнал отказа. Тогда он поднялся, коротко вздохнул, повесил трубку и пошел вниз.

...Смолин резко распахнул дверь и стремительно вошел в комнату. Верхние шторы под потолком были уже задернуты, в аквариуме мерцал дрожащий, холодный синеватый свет, пронизывавший воду сквозь густой переплет тонких, черных плетей филофоры.

— Аркадий Петрович! — позвал Смолин, ничего не различая в голубом полумраке.

Темная фигура отделилась от стены. Призрачно бледное, голубое лицо Петрова повернулось к Смолину.

— Зажгите свет, — коротко приказал профессор и подошел к стеклу.

Под потолком вспыхнули белые конусы ламп. Петров молча смотрел, как Смолин внимательно изучал через стекло пораженные смертью растения.

— Так, — сказал Смолин сквозь усы, закончив осмотр. — Покажите, как они выглядят на воздухе.

Он расправил пальцем на ладони несколько пластинок. Поднес к свету, посмотрел, прищурив глаза, сжал губы, бросил растение на пол и медленно вытер руки платком.

— Все ясно... Это смерть.

Сдвинув брови, наклонив голову, Смолин прошелся несколько раз из угла в угол.

— И все же... — он остановился. — Как это могло случиться?

Петров развел руками.

— Ума не приложу. Евгений Николаевич. — Все делалось так, как мы с вами запланировали. Вчера еще растение было в порядке. Правда, рост несколько замедлился, но они вообще развиваются энергично только в первые дни, так что я не придавал этому значения.

— Формы с гигантскими клетками... — сказал с горечью Смолин. — Вот вам, Аркадий, результат воздействия колхицина и лучистой энергии. Недостаточная жизнеспособность. Если бы эти гиганты не погибли сейчас, они все равно не вынесли бы переход в естественные условия. Но почему эта филофора погибла в аквариуме? Она не проявляла никаких признаков угнетения. Она казалась очень стойкой. В чем же дело, Аркадий Петрович?

— Мне кажется, Евгений Николаевич, что здесь какие-то непредвиденные факторы...

— Для нас это, конечно, значило бы, какую-то надежду на успех в следующей серии опытов. Ну, что ж, будем надеяться, что тут были случайные факторы. Но какие?!

— Я думаю, Евгений Николаевич...

— Ну?

— И у меня сомнения...

— Да?

— Заметьте — поражены растущие части: края, где происходят деления клеток. Значит, действие этого губительного внешнего фактора было избирательным, — оно было направлено на размножающиеся клетки. Это могла быть только лучистая энергия... И я думаю, — не слишком ли интенсивно естественное освещение? Ведь утром и вечером мы снимаем затемнение, а день сейчас стал значительно длиннее, чем в мае, когда мы ставили первые опыты...

Смолин сжал в раздумье подбородок и не отводил глаз от пораженного признаками смерти растения.

— Надо проверить, — сказал он. — А как обстояло дело с температурой?

— Ни разу не опускалась ниже двадцати...

Смолин резко повернулся на каблуках.

— Во всяком случае, — сказал он с горькой усмешкой, — мы констатировали факт несомненной гибели самой перспективной из выведенных нами форм. Предстоит новый, тяжелый, кропотливый труд... Идемте наверх, обсудим, что делать дальше.

Смолин вышел из комнаты. Но когда Петров повернул выключатель и комната погрузилась в глубокий полумрак, профессор неожиданно вернулся и прикрыл за собой дверь.

— Скажите, Петров, вы уверены, что в аквариальную никто, кроме вас, не заходил?

— Кто же кроме меня?... Я и Ольга Федоровна, — больше никто сюда не заходит...

Не договорив, он замолчал, пораженный пришедшей в голову мыслью. Молчал и Смолин, остановив на нем неподвижный взгляд. Мерцал голубоватый свет, окрашивая их лица в мертвенные, неестественные тона.

— Неужели... Калашник? — нарушил, наконец, молчание Петров.

Лицо Смолина продолжало оставаться неподвижным. Он все смотрел на Петрова, уже не видя его, распеваемый вспыхнувшим чувством досады. Кулаки его сжались.

— Ну, если... — начал было он, раздувая ноздри, но сейчас же спохватился. — Да нет, легче всего свалить вину на противника, благо к этому есть какие-то основания.

Он нахмурил брови и опять погрузился в раздумье.

— Черт его знает! — сказал он, наконец, с досадой. — Принесла его нелегкая в такой момент!

— А по-моему — это он! — убежденно заявил Петров.
Смолин невесело засмеялся и покачал головой.
— Не могу поверить этому. Нет не могу. — И закончил уже обычным своим тоном: — Ну, Петров, начнем все сначала!

Глава 15 ПРИЧИНЫ НЕУДАЧ

Катастрофа с культурой гигантской филлофоры была каплей, переполнившей чашу. Тягостное ощущение упорной неудачи овладело Смолиным. Мрачный, подавленный, он заперся в своем кабинете. Да, положение стало совершенно ясным. Решение поставленной перед ним задачи снова отодвинулось в туманную, неопределенную даль. И, если его спросят, что делать дальше, — ему сказать нечего.

“Во мне или вне меня причины этих неудач?” — спрашивал он себя, устремив неподвижный взгляд в бархатную черноту ночи за раскрытым окном.

Перед ним одна за другой проходили эти неудачи. Бесплодные поиски золотой водоросли у берегов Крыма и Кавказа. Нелепая смерть сотрудника в момент, когда тому удалось, повидимому, сделать какое-то важное открытие. Необъяснимая гибель выведенной с таким огромным трудом золотоносной расы филлофоры.

Да, причина каждой из неудач, отдельно взятая, была вне Смолина. Но все они вместе имели одно общее основание, и это основание он ощущал в себе самом. Это было увлечение Валерией Радецкой.

Смолин знал, что ее отец, Павел Федорович Радецкий, был уроженцем Крыма, покинул родные края еще до первой мировой войны и почти всю творческую жизнь провел в Румынии. Репатриировался он после Великой Отечественной войны, когда Валерии было уже шестнадцать лет. Зарубежное воспитание наложило отпечаток на ее характер, вкусы и симпатии. В них было много странного, необъяснимого, раздражающего.

Она с большим интересом относилась к его исследованиям. Повидимому, любила его слушать. И вместе с тем иногда совершенно неожиданным вопросом показывала, что в науке ее интересует совсем не то, что волнует самого Смолина.

— Скажите, — спросила она его однажды, прерывая на полупhrase, — как вы относитесь к славе?

— К славе?.. — переспросил недоуменно Смолин. — Очевидно, так же, как каждый советский ученый. Слава, то есть почет и уважение народа, конечно, приятная вещь...

— Нет, я не об этом. — Она покачала головой и улыбнулась не то мечтательно, не то с сожалением о его недогадливости. — Я говорю не о такой славе... Представьте себе, что вас знают и любят все люди. Ваше появление приводит в возбуждение миллионы. Люди отталкивают друг друга, чтобы посмотреть на вас, побыть около вас, слышать ваш голос. Вы воплощаете в себе самое лучшее, самое дорогое для каждого из этих миллионов.

— Ну, слава в нашей профессии в такой форме никогда не проявляется, — ответил Смолин.

— Такую славу приносит работа в кино, — сказала задумчиво Валерия.

— Скажите, — спросила она его в другой раз. — Если бы вам предложили провести исследование в какой-нибудь другой стране, причем это исследование имело бы огромное значение для мировой науки и... и могло бы быть осуществимо только в той стране... вы не отказались бы?

Смолин развел руками.

— Не представляю себе исследования, которое нельзя было бы провести в нашей стране, но если бы и было такое, согласиться на работу за границей, в капиталистической стране, — для советского ученого равносильно измене родине.

— Ну, а если бы была перспектива какого-то открытия, благотворного для всего человечества?

— В одних руках оно может быть благотворным, в других окажется источником наживы и злоупотребления. В капиталистических государствах понятие о благе человечества имеет весьма условное значение.

Валерия не возражала. Она думала о чем-то своем. Ее тонкие брови сдвинулись.

— А если бы это касалось искусства? — спросила она тоном, в котором Смолину почудилось легкое возбуждение.

— Вы говорите о показе достижений советского искусства за рубежом? Для этого, насколько я знаю, советским артистам препятствий нет, но если бы речь шла, например, о привлечении советских артистов к буржуазному искусству, то...

— Это тоже измена родине? — иронически спросила Валерия.

— Да, — твердо ответил Смолин.

Но больше всего Смолина раздражало отношение Валерии к ее неизменному спутнику — Васильеву. Этот высокий, плечистый, светловолосый молодой человек с первой встречи не понравился Смолину.

— Знакомьтесь, Васильев, — представила Валерия Смолину своего спутника. — Мой товарищ по профессии.

— Всего лишь скромный сценарист, — улыбнулся Васильев, показывая белые, ровные зубы.

Он почтительно пожал руку Смолину, сказал что-то о своем интересе к биологии, о каких-то задуманных им научно-популярных фильмах, посвященных биогеохимии. Смолин слушал рассеянно, ответил что-то невпопад, волнуемый мыслью об отношении Валерии к этому человеку. Чутье говорило Смолину, что Васильева свя-

зывают с Валерией не только профессиональные интересы. И Смолина бесило, что это вызывает в нем ничем не оправданную неприязнь к незнакомому человеку.

При последующих встречах он пытался переломить в себе это чувство, сам вступал с Васильевым в разговоры, вежливо слушал его беседы с Валерией, но неприязнь росла, превращалась в отвращение, сдерживать которое стоило Смолину больших усилий.

Что за человек был Васильев? Из разговоров при встречах выяснилось, что он “выполняет поручения” какой-то кинофабрики хроникально-документальных фильмов. В Крыму Васильев “собирал материалы” для киносценария на тему “Новый Крым” или что-то в этом роде.

Смолин долго пытался и не мог понять, что привлекало Валерию в этом человеке. Красота? Статная фигура? Приятное лицо? Он не верил, что такую женщину, как Радецкая, могли пленить только внешние данные, которыми, впрочем, Васильев от природы был наделен довольно щедро. Ум? Ясность мысли? Талант? Ну, уж этих качеств Смолин никак не мог признать за своим соперником. Суждения Васильева отличались поразительной банальностью, граничащей даже с пошлостью. Все явления жизни он рассматривал только с точки зрения успеха. Он вспоминал о новой книге, — и она оказывалась блестящим произведением, если книгу читали, если о ней много говорили, если она, по его мнению, имела успех. Он называл новый фильм, — и как бы его не расценивали знатоки киноискусства, фильм становился, по оценке Васильева, неудачным, если он не собирал зрителей, если о нем не было восторженных отзывов, если он, по мнению Васильева, не имел успеха. Нет, эти суждения не обнаруживали глубокого ума у Васильева. Тогда что же, что привлекало в нем Валерию Радецкую?!

Много позднее, размышляя о судьбе киноактрисы и о той роли, которую сыграл в ее жизни Васильев, Смолин понял, что сила влияния этого человека на Валерию заключалась в искусной игре на главной и неисправимой слабости этой женщины — на ее болезненной жажде славы.

Искусство его игры не отличалось ни тонкостью, ни глубиной, хотя она отнюдь не была грубой или чересчур откровенной. Главным в этой игре было спокойное и как бы безгранично убежденное восхищение прекрасной артисткой, отражающее в себе ту любовь, о которой Валерия спрашивала Смолина, — любовь миллионов, их страстную благодарность артистке за наслаждение, доставляемое ее талантом. Какая бы тема ни обсуждалась Радецкой и Васильевым, Смолин не мог не видеть, что даже в самых обычных словах Васильева Валерия воспринимает одной ей понятный смысл, и этот смысл пьянит и дурманит ее, как яд, как хмельной напиток.

— Ваш фильм дублирован на испанский язык, — говорил Васильев, — вас увидит теперь вся Латинская Америка.

— В “Парижском кинообзрении” пишут, что ваш портрет разошелся тиражом в миллион экземпляров, — сообщал он в другой раз.

— Говорят, что московские школьники в сочинениях о Пушкине стали теперь уделять больше внимания Наталии Пушкиной, чем самому Александру Сергеевичу, — услышал однажды Смолин.

— Ваш романс “За пяльцами” знают теперь даже в Африке, — сказал как-то Васильев, развертывая газету.

Оказалось, действительно, в газете “Трансвааль-Пост” помещены были текст и ноты романса, спетого Радецкой в кинофильме “Александр Пушкин”.

Поведение этого беззаботного, улыбающегося человека вызывало у Смолина тяжелую, неприятную для него самого, ничем неоправданную злость.

— Как вы можете выносить этого субъекта? — не выдержал однажды Смолин, когда Васильев, только что сказав очередную банальность, вышел из комнаты.

— А почему я должна его не выносить? — удивилась Валерия.

— Неглубокий человек. Когда он говорит, мне кажется, что у него нет ни одной собственной мысли.

— Неверное впечатление, — возразила спокойно Валерия. — Он много думает о новых формах в киноискусстве. И в этой области он очень оригинален.

— Если то, что он говорит об искусстве, оригинальность, то что же тогда пошлость? — сердито спросил Смолин.

У Валерии задрожали губы. Но голос ее прозвучал так же спокойно, как и раньше:

— Вот уж никогда не думала, Евгений Николаевич, что вы, пользуясь моим отношением к вам, можете так отзываться о моих друзьях.

Смолин поднялся.

— Я слишком ценю свое отношение к вам, — сказал он глухо, — чтобы подвергать его дальнейшим испытаниям.

— Я не понимаю вас, — нахмурилась она.

— Если вы этого не понимаете, — с трудом заставил себя выговорить Смолин, — то нам с вами не о чем больше разговаривать.

Он встал и вышел из комнаты, не прощаясь.

На другой день Смолин получил от Валерии записку. Артистка приглашала его к себе вечером, как будто ничего не случилось. Но Смолину уже нельзя было задерживаться в Феодосии. Петров ежедневно звонил из Севастополя, информируя о ходе работ, и деликатно намекал, что присутствие руководителя необходимо. Смолин ответил Валерии коротким письмом, в котором просил извинить его за горячность и выражал надежду, что их дружеские отношения не изменятся.

Но ссора повторилась... и неоднократно.

Для самолюбия Смолина выезды в Феодосию были мучительны. Прошедшей осенью, когда основные работы проводились в районе Карадага, его встречи с Радецкой совершались как бы сами собой, и их сближение казалось вполне естественным. Это было постепенное развитие дружеских отношений двух заинтересовавшихся друг друга людей, живущих в маленьком городе. Но теперь работа лаборатории сосредоточилась в Севастополе, и в Феодосии ему, собственно, нечего было и делать.

Да и встречи с Радецкой стали теперь случайными, так как в Ялте шла съемка нового кинофильма, и киноактриса появлялась в Феодосии редко, приезжая туда отдохнуть два-три раза в месяц.

У Смолина было два повода для выездов в Феодосию. Во-первых, там работал профессор Калашник — официальный консультант группы Смолина по вопросам физикохимии рассеянного золота. Во-вторых, в Феодосии жил Павел Федорович Радецкий — выдающийся минералог и геохимик и, следовательно, близкий Смолину по профессиональным интересам человек. Валерия жила в Феодосии на даче своего отца. Дача эта принадлежала Радецкому еще до революции и была возвращена ему после репатриации. Павел Федорович вел замкнутую, уединенную жизнь, протекавшую либо в кабинете, либо в одиноких прогулках на моторной лодке у берегов Карадага. При встречах он величественно приветствовал Смолина, приглашал заходить, но продолжительных разговоров избегал, старомодно раскланивался, приподнимал черную широкополую шляпу высоко над головой и продолжал свой путь — все время оставаясь спокойным, по-стариковски важным, углубленным в себя. И дома он только выходил навстречу гостю, чтобы приветствовать его, и через минуту-другую удалялся к себе, сославшись на усталость и нездоровье. И так как-то само собой получалось, что профессор Смолин, ответив на приглашение профессора Радецкого, оказывался гостем киноактрисы Валерии Радецкой в числе ее шумных поклонников. Он сидел, угрюмый, злой, слушал без улыбки веселую болтовню, прерываемую взрывами сдержанного хохота — боялись потревожить старика, — и с непонятной для себя сдержанной яростью выделял из шума голосов ставший ему ненавистным мягкий баритон Васильева. Уже после первого такого вечера Смолин понял, что почва для дальнейшего развития отношений с Радецкой уходит у него из-под ног. Он поднялся после очередной реплики Васильева, и, не прощаясь, вышел. Валерия нагнала его в передней.

— Куда вы, Смолин? — окликнула она его негромко, когда он уже яростно надавил на ручку двери. Смолин, сдерживая себя, медленно повернулся.

— Извините, Валерия Павловна, — сказал он примирительно, — не хотел прощанием помешать вам веселиться. Встретимся как-нибудь в другой раз, в другой обстановке.

Валерия, опустив длинные ресницы, теребила пальцами кружевной платочек.

— Вам не нравится наша компания? — спросила она, не поднимая глаз.

— Нет, почему же? — ответил Смолин с усилием. — Мне кажется, скорее — я мало подхожу для этого веселого общества.

Валерия отрицательно покачала головой.

— Нет, нет, Евгений Николаевич. Я же видела, как вы уходили. Слова Васильева о власти таланта над людьми вызвали у вас прямо-таки содрогание... Я внимательно наблюдала за вами. И мне это очень грустно.

Смолин пристально посмотрел ей в глаза, пытаясь понять скрытый смысл ее слов.

— А почему именно вам грустно?

— Потому что... Ну, потому что Васильев мой хороший друг. И вы мой хороший друг. И мне, Евгений Николаевич, грустно, что вы не хотите понять: мои друзья это и ваши друзья.

Смолин отвел глаза в сторону, не желая показывать своего раздражения.

— Разрешите, Валерия Павловна, не ставить мое отношение к вам в связь с вашими отношениями к вашим друзьям. Если вы условием своего расположения ко мне ставите мое отношение к... этому человеку, то предупреждаю вас, что из этого ровно ничего не выйдет. До свидания.

Он затворил за собой дверь с таким напряжением, словно это была тысячепудовая тяжесть — так хотелось ему хлопнуть дверью, чтобы стряхнуть с себя наваждение — мучительную и непонятную для него власть женщины... неповторимой, изумительной, единственной.

Эти поездки мешали ему работать. Он выслушивал отчеты сотрудников, машинально принимал или отвергал их предложения о дальнейшей работе, автоматически, без напряжения, без волнения обсуждал пути решения новых задач. И чувствовал, с досадой и злостью на себя, что по-настоящему, он и его группа даже не приступили к разработке поставленной перед ними проблемы.

Переход от поисков уже существующего в природе золотоносного растения к его созданию был оправдан всем предшествующим опытом работ Смолина. Кому же, как не ему, была по плечу эта задача — заставить живое вещество работать в нужном направлении? Все зависело от методов выведения такого растения.

Смолин отлично понимал, что на пути, выбранном Петровым, шансы на удачу ничтожны. Колхицин и другие яды, задерживающие деление клеток и вызывающие гигантизм растений, были хорошо известны Смолину и ученым его поколения. Когда-то на эти яды возлагали большие надежды, как на могучие средства преобразования растительных форм. И сколько планов, сколько замыслов погибло в бесчисленных попытках создать устойчивые гигантские расы культурных растений — зерновых, технических, декоративных, растений-богатырей, с огромными клетками, увеличенными вдвое, вчетверо, вдесятеро против нормы. Сколько таких попыток видел Смолин: огромные колосья ржи, гигантские метелки гречихи и проса, непомерной величины ягоды малины и земляники. Действие яда на возникающие в недрах цветка зародышевые клетки, действительно, приводило к волшебному их превращению. Но это было только действие яда, не больше! Отравление начи-

нало сказываться иногда в первом, чаще всего во втором, реже в последующих поколениях растений-гигантов. В результате действия яда появлялось все возрастающее бесплодие и постепенная дегенерация. Вот почему, практика решительно отвергла метод воздействия на растения колхицином для выведения новых форм.

Никогда, ни при каких других обстоятельствах, не согласился бы Смолин ограничить поиски средств создания золотиносных растений опытами с колхицином, даже при дополнительном воздействии лучистой энергией. И вот — согласился. Принял случайно возникший проект. Впрочем, не совсем случайный: Смолин отлично помнил, что возник он у Петрова после того, как тот услышал о планах Симпсона — вывести полиплоидные расы морских водорослей. Ну, допустим, не случайный — это дела не меняет. Смолин принял план Петрова — и на этом успокоился. Он, по существу, устранился от руководства и занялся, флиртом с киноактрисой. Ужасно!

Ужасным было и то, что в глубине души Смолин чувствовал безнадежность своего увлечения, но не находил в себе силы разом с ним покончить. Поездки в Феодосию продолжались. Предлоги находились: побеседовать с профессором Радецким, проконсультировать некоторые вопросы с профессором Калашником. И беседы, и консультации заканчивались очередной, тягостной и мучительной для Смолина встречей с Валерией.

Самой тягостной и самой мучительной для самолюбия Смолина оказалась встреча в присутствии Григория Харитоновича Калашника.

Смолин зашел в лабораторию Калашника поздно вечером, зная, что тот долго засиживается за приборами. Григория Харитоновича в лаборатории не оказалось. С чувством облегчения, вызвавшим усмешку у него самого, Смолин направился на дачу Радецкой. Уже в передней он с удивлением услышал хриловатый, грохочущий бас Калашника и опять усмехнулся возникшей у него мысли — повернуться и уйти. Но отступить было поздно. Белое платье Валерии вспыхнуло в раме двери, отворившейся в ярко освещенную гостиную.

— Рада вас видеть, — сказала она, протягивая ему обе руки. — Проходите, у меня приятный для вас гость.

Калашник неуклюже поднялся из глубокого кресла, по-медвежьки протянул широкую руку, пробормотал что-то вроде приветствия и добавил:

— Собираюсь побывать у вас, посмотреть ваши достижения.

— Очень буду рад, — машинально ответил Смолин.

Неловкость рассеял Васильев, который завладел беседой, принявшись рассказывать очередные новости мира искусств.

Смолин вышел на веранду, курил, смотрел сквозь стеклянную дверь на лицо Калашника, обращенное к Валерии, разливавшей чай, и думал: “Неужели и у меня такое же потерянное лицо, когда я смотрю на эту женщину?”

Больше он с ней не встречался. Он не мог себе простить мысли, которая мелькнула у него, когда была получена телеграмма от Крушинского: “Вот повод для остановки в Феодосии по дороге в Батуми”. И подумать только! Он действительно мог задержаться там, если бы не пришло известие о смерти Крушинского.

Смолину начинало казаться, что он действительно мог выехать раньше, и, — кто знает? — сумел бы предотвратить трагическое происшествие. Но это была уже чистейшая фантазия.

Смолин судорожно вздохнул, растирая рукой раскрытую грудь. Ему было душно. Итак, с этим — конечно. Предаваться бесплодному самобичеванию бессмысленно. Выкинуть из головы этот нелепый роман и сосредоточить внимание на деле — вот все, что ему нужно. Даром растрачиваемое, бесплодное чувство не может быть и не должно быть сильнее воли...

Задача остается прежней — искать средства изменения свойств живых организмов, заставляя их накапливать золото. Первая попытка оказалась неудачной. Будем продолжать поиски. И какой бы могучей ни представлялась нам косность природы, в чем бы эта, косность ни проявлялась, рано или поздно материя будет вынуждена уступить высшей форме своего развития — всемогущей мысли и воле человека.

Глава 16 ОТКРЫТИЕ

Смолин плохо спал в эту ночь и проснулся с тревожным чувством: он не подготовлен к дальнейшей работе. В мрачной сосредоточенности обошел он лабораторные помещения, коротко, отрывистыми вопросами выясняя, что делает каждый из сотрудников. Долго стоял в комнате Петрова, наблюдая за его работой.

Петров был одержим стремлением воспроизвести загадочное открытие Крушинского. В сотнях кристаллизаторов, в различных условиях температуры и освещения, он пытался вызвать прорастание спор из крошечных кусочков золотой водоросли.

— Ну, как? — спросил Смолин.

— Пока ничего нет, — угрюмо ответил Петров, не отрываясь от микроскопа. — Никаких следов жизни.

Смолин прошел мимо вереницы массивных аквариумов, стоящих на длинных стеллажах вдоль комнаты. Заглянул в каждый из них, внимательно просматривая зеленоватую воду — с поверхности до дна.

— Уже выросла порядочная бактериальная пленка. Вы смотрели ее, Аркадий Петрович?

— Смотрел. И каждый день смотрю! — со вздохом ответил Петров.

— И ничего нет?

— Ну, а что же там может быть? Наивно думать, что проростки водорослей вдруг начнут жить в бактериальной пленке на поверхности водной среды. Им полагается прорасти на твердом веществе.

— Да, конечно, — согласился Смолин. — И все-таки, я не могу понять, что же искал и, очевидно, нашел в бактериальной пленке Николай Карлович!

— Кто его знает! Я ишу и абсолютно ничего не нахожу. Мертвая, абсолютно мертвая ткань. Что может из нее вырасти?

Смолин замолчал. Петров посмотрел на него выжидающе и снова уткнулся в микроскоп. Смолин тронул его за плечо, мягко отстранил и сам прильнул к окуляру.

— Да, разрушенные мертвые ткани, и ничего больше, — сказал он, наконец, выпрямляясь. — Но не таков человек был Крушинский, чтобы сообщать об открытии, ничего не имея. Не может быть, чтобы у него ничего не было!

— Будем продолжать опыты, — ответил Петров угрюмо, — пока не израсходуем все оставшиеся у нас сто восемьдесят граммов водоросли.

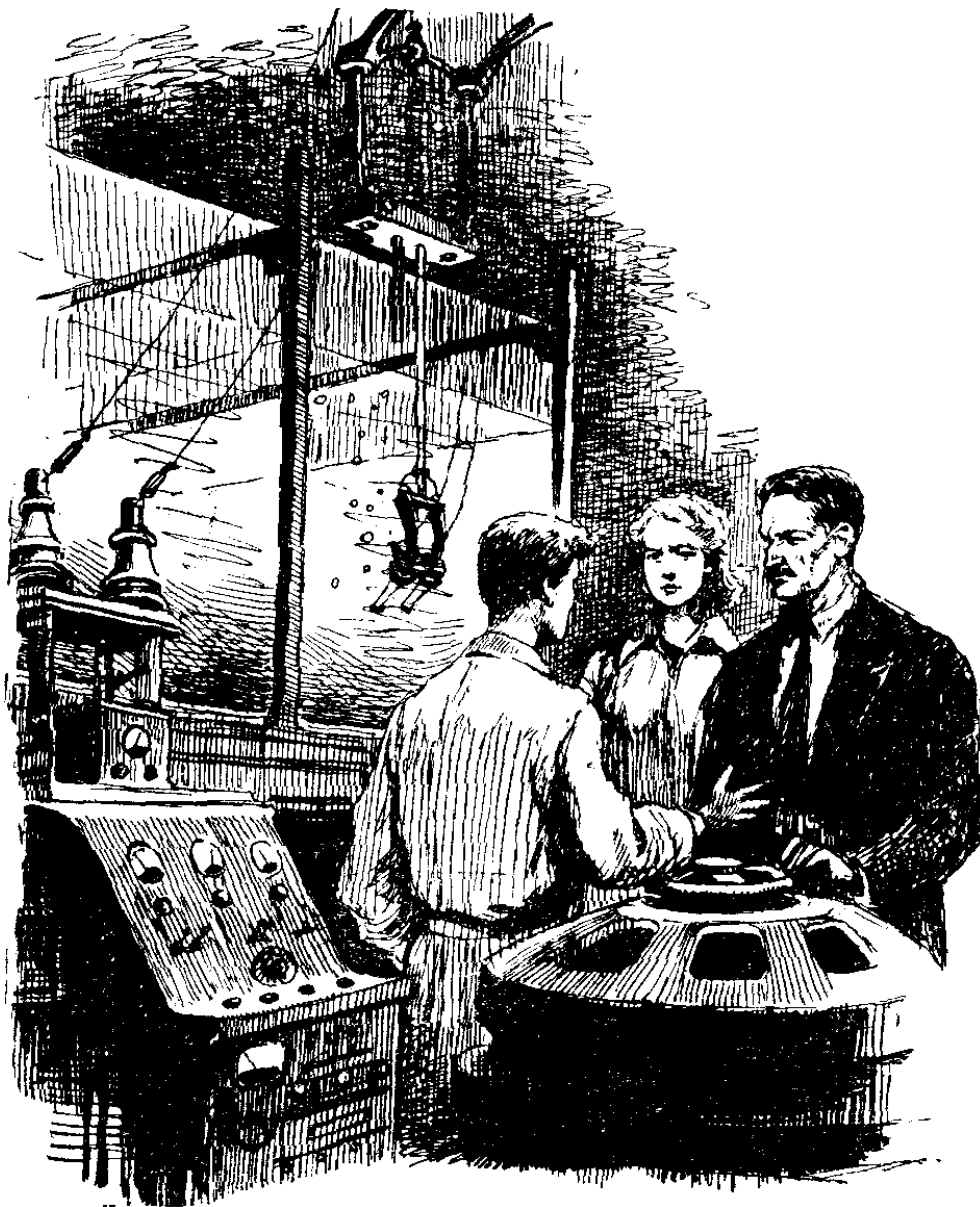
Смолин усмехнулся. Но ему было невесело. Продолжая думать о загадочном открытии Крушинского, он направился в химическую лабораторию.

Ольга стояла у пульта и сосредоточенно вращала рычаги. Вода в кварцевых цилиндрах светилась ярко вишневым цветом.

— Как дела? — спросил Смолин, останавливаясь у окна.

Ольга кивнула Смолину, продолжая двигать рычаг. Красный цвет становился все гуще и гуще, приобретая пурпурный оттенок.

Ольга выключила аппарат и повернулась к Смолину, сияя возбуждением от хорошо проведенного опыта.

— Замечательно, Евгений Николаевич, — сказала она, радостно улыбаясь. — Вы видели?

— Как же, видел. Это что-нибудь новое? — небрежно спросил Смолин.

Улыбка на лице Ольги погасла.

— Да, моя модификация метода Калашника, — сказала она упавшим голосом.

— Ну, что же, очень рад вашим успехам, — сказал Смолин, рассеянно разглядывая цилиндры с пробами, стоящие на окне... — Что это у вас за культура? — неожиданно заинтересовался он, наклоняясь над сосудом с позеленевшей водой.

— Так... Остатки... Забыла вылить... — ответила Ольга, смущаясь.

— Остатки чего? — быстро спросил Смолин.

— Гомогенат¹ филлофоры... Размозженная ткань водоросли... Мне было нужно для анализа... — еще больше смущаясь, пояснила Ольга.

Смолин поднял сосуд, внимательно разглядывая наросты на стенках.

— Гомогенат? — переспросил он. — Полное разрушение тканей?

— Да, по возможности полное...

— А что на стенках? Вы не обращали внимания?

Смолин оглянулся по сторонам, ища микроскоп. Не найдя, махнул рукой, схватил со стола стеклянную трубку, погрузил в сосуд, соскреб налет со стенки, вылил в часовое стекло² и поднес к свету.

— Дайте лупу, — сказал он отрывисто. — Посильнее. Так... эта хороша...

Он долго рассматривал бактериальную пленку. Потом бережно положил стекло на стол. Лицо его потеплело.

— Знаете, что это такое, Ольга Федоровна?

Ольга недоуменно пожала плечами.

— Здесь тысячи проростков филлофоры, — сказал он с возбуждением. — Вы только подумайте: из измельченной ткани развиваются растения. Вы понимаете, что это значит?

Ольга смутилась и отрицательно покачала головой.

— Сейчас все поймете. Позовите-ка Аркадия Петровича.

Ольга бросилась за Петровым. Когда они оба, запыхавшись, вбежали в лабораторию, Смолина там уже не было. Они нашли его в кабинете — за микроскопом.

— Вот вам, Аркадий, первый намек на то, что мог получить Николай Карлович, — сказал Смолин, поднимаясь из-за стола.

Петров бросился к микроскопу.

— Проростки! — воскликнул он, едва заглянув в окуляр. — Неужели?!

— Да нет, — усмехнулся Смолин, — пока еще не золотой водоросли. Это проростки обычной филлофоры.

— Аа-аа, — разочарованно протянул Петров. — А я — то подумал...

— Да, — филлофоры, Аркадий Петрович. Но эти проростки выращены не из зародышевых клеток, не из спор, а из размозженной ткани растения. Понятно?

— Не совсем... То есть... как размозженной?

— Так. Размозженной до полной потери структуры. Верно, Ольга Федоровна?

— Да, я растирала их в ступке, — до полной гомогенности³, — ответила Ольга.

— Зачем? — недоверчиво спросил Петров.

Ольга покраснела, нахмурилась и опустила глаза.

— Так было нужно... Модификация метода...

— Понимаете, Аркадий Петрович, что это значит? — спросил Смолин. — Развитие растения из полностью разрушенной Ткани, из вещества, лишенного нормальной структуры! Это же подлинное развитие заново, — вот что это такое! А это перспектива воздействия! Торжествуй, Аркадий!

— Торжествую, Геннадий Демьяныч! — весело ответил Петров словами Счастливец⁴.

Глава 17 ЗАКОН ЖИЗНИ

Управление развитием живых организмов — было мечтой нескольких поколений ученых, занимавшихся наукой о живой природе после Дарвина.

Из крохотного семечка мака возникает блеклая сизовато-зеленая листва и пышная шапка цветка. Это — развитие. Желудь, брошенный в землю, набухает, разрывает свою скорлупу, выбрасывает первые нежные листочки, пускает в почву первые тонкие корешки и растет, и тянется к небу тонкий стебель, который через сотню лет превратится в могучий ствол ветвистого дуба. Это тоже развитие. Из икринки выклеивается крохотная личинка рыбий малек. С писком пробивает скорлупу цыпленок, рождаясь из яйца. И это развитие. Все живое

¹ Г о м о г е н а т — вещество, измельченное до полной однородности.

² Так называют в лабораториях круглые, неглубокие стеклянные блюдечки, которые служат для рассматривания биологических объектов в микроскоп.

³ Г о м о г е н н о с т ь — однородность вещества.

⁴ Геннадий Несчастливцев и Аркадий Счастливец — персонажи из комедии А.Н.Островского “Лес”.

развивается. И все многообразие жизни — результат развития. Таков закон — один из великих законов природы, открытых в XIX столетии.

Учение Дарвина было подобно рассвету, который озарил землю и рассеял мрак, окутывавший все предметы. То, что казалось таинственным, загадочным, непостижимым, становилось простым, понятным и доступным для научного исследования. Закон развития — причина всех удивительных, безгранично разнообразных свойств жизни. И сущность этого закона в том, что любое живое существо неразрывно связано с внешним миром: оно получает из него пищу, оно использует для дыхания кислород из окружающей его атмосферы или воды, оно находит в окружающих предметах опору для своего тела, оно порождает новые живые существа, заселяя окружающую его среду. Окружающий мир — источник жизни любого живого существа — от крохотной былинки до могучего дуба. Малейшее изменение условий жизни меняет строение и работу органов живых тел: меняется рыбий малек, попав из пресной воды в соленую, меняется растение, попав с сухой почвы на влажную, меняется микроб, перейдя из тела низшего животного в тело человека. Вот откуда возникла мечта об управлении развитием!

Развитие изменяет все живое. Причина развития — изменения, вызываемые в живом организме изменениями в среде. Значит, чтобы улучшить живой организм в интересах человека, чтобы заставить лен производить волокно длиной не в десять, а в двадцать сантиметров, чтобы заставить яблоню приносить яблоки весом не в сто, а в семьсот граммов, — надо изменять ход развития, создавая соответствующие условия жизни. Это и есть управление развитием.

Мечта об управлении развитием воплощалась в жизнь ощупью, задолго до открытия закона развития, многовековым трудом растениеводов и животноводов. Но и после открытия этого закона немало лет прошло, пока он стал в биологической науке достоянием всех ученых. Наука, применяя этот закон в интересах человека, добилась наибольших результатов в советской стране. С первых же лет существования нашего государства советская биологическая наука стремилась овладеть законом развития живой природы, чтобы управлять развитием в интересах человека.

Путь был ясен — создавать такие условия жизни, чтобы они изменяли развитие живых организмов. Этот путь определился трудами корифеев науки о развитии — Ламарка, Дарвина, Тимирязева, Павлова, Мичурина. Тысячи ученых в сотнях лабораторий испытывали влияние различных условий жизни на организмы. В те годы удалось выяснить, что живые существа далеко не на всем протяжении развития податливы на воздействия окружающих условий. Были раскрыты законы пластичности — способности изменяться под влиянием меняющихся условий жизни. Еще в самом начале XX века Мичурин установил, что наиболее пластичны молодые организмы, только что приступившие к развитию. Способность организма изменяться наиболее высока, если его родители не приспособлены или слабо приспособлены к местным условиям. Советские биологи широко использовали этот закон. Было установлено, что в определенные периоды или, как принято говорить в науке, — стадии, развивающийся организм наиболее податлив к некоторым определенным условиям: например, к действию тепла или света. Этот закон также получил широкое применение.

Работы профессора Смолина и его сотрудников с растениями-концентраторами проводились в течение многих лет на основе законов пластичности, открытых советской наукой. Чтобы заставить растение повысить естественное его свойство накапливать какое-либо вещество, на опытной станции Института биогеохимии, под Москвой, скрещивали растения, привезенные из разных мест — одно с Дальнего Востока, другое из Белоруссии, или одно с Алтая, другое с Северного Кавказа. Проросток помещали в почву, обогащенную веществом, которое хотели концентрировать в тканях растения. Затем шел отбор наиболее пластичных экземпляров, с повышенным свойством накапливать это вещество. Мало пластичные растения уничтожались. Так были собраны те фантастические растения-концентраторы, которые воспитывались на плантациях опытной станции профессора Смолина.

Все эти приемы оказались мало пригодными для воспитания золотоносных водорослей, хотя бы потому, что в лаборатории Смолина не было опыта их искусственного разведения. Сотрудники лаборатории привезли из всех четырнадцати морей Советской страны различные формы водорослей. Но скрещивание этих форм удавалось с большим трудом. Рост гибридов шел крайне медленно. После первых же опытов Смолин убедился, что старые методы здесь неприменимы, что надо не механически использовать их на новых объектах, а искать совершенно новые приемы повышения пластичности растений. Прежде всего надо было решить для самого себя, — в чем должны заключаться эти новые приемы. А для этого необходимо было войти в то особое состояние творческого возбуждения, которое известно каждому ученому, но переживается каждым по-своему. Все помыслы и чувства, весь предшествующий опыт и все накопленные знания должны быть сведены, как в фокусе лупы, — на обдумывание поставленной задачи. “Неотрывное думание”, — так называл это состояние великий физиолог Павлов.

“Неотрывное думание” у Смолина не получалось. Он ощущал это с холодным бешенством весь истекший год. Вот потому-то он и согласился с такой легкостью на предложение Петрова применить в опытах колхицин. Именно поэтому так непреодолимо трудно оказалось для него разобраться в результатах работ Крушинского и понять, в чем же заключалось его открытие.

Все это стало ясным Смолину в ту бессонную ночь, которую он провел у окна своего кабинета после гибели культуры гигантской водоросли.

Находка Ольги Дубровских была неожиданной удачей, сразу открывшей перед Смолиным новые, безграничные перспективы исследования. В самом факте не было ничего необычного, хотя лет двадцать назад этот факт показался бы совершенно фантастическим: развитие, совершающееся на основе разрушения.

Более ста лет в науке держалось стойкое убеждение в том, что новые организмы — микробы, растения, животные — возникают только одним способом: от материнского организма отделяется кусочек тела и этот кусочек, разрастаясь, превращается в новый организм, подобный материнскому. Таким кусочком материнского тела считалась зародышевая клетка — микроскопический комочек живого вещества, обладающий характерным строением: капля протоплазмы, и внутри нее крохотный шарик — ядро. Эта капля обладает удивительным свойством — делиться надвое, превращаясь в две дочерние капельки-клетки. Все развитие организма считалось результатом бесконечного деления клеток, а сам организм рассматривался как гигантское собрание «единиц жизни», как назывались клетки в научно-популярных книгах. В науке властвовала мысль о нерушимости клеток в процессе развития. Причины изменений организмов искали в процессе слияния отцовской и материнской зародышевых клеток — оплодотворении. Разрушение клетки, да и любого другого оформленного образования в организме, считалось гибелью, прекращением жизни.

И тем не менее, в науке не раз за последние сто лет возникала идея о том, что разрушение лежит в основе процессов новообразования. Факт разрушения отрицать было нельзя — клетки и любые другие образования в организме непрерывно, в результате работы, разрушаются и заменяются новыми. Но надо было решить: какое значение имеет этот факт для развития живого организма? Всегда ли разрушение — только смерть старых форм жизни или оно представляет собой также и основу зарождения новых форм?

В научном сражении, которое разгорелось вокруг этой проблемы в пятидесятых годах, Смолин решительно встал на сторону ученых, защищавших новые позиции в науке. Весь опыт его работы с живыми организмами восставал против старого представления о развитии, как о бесконечном делении микроскопических частиц, повторяющих исходные материнские формы. Он не верил, что созданные им и его сотрудниками живые существа, невиданные ранее, возникли путем простого прибавления возникающего нового к существовавшему ранее старому. Мысль о том, что в ходе развития старая форма разрушается, а новая возникает на основе разрушения, Смолин встретил с энтузиазмом. Но разработкой этой проблемы он заниматься не мог — слишком далеко завела бы она в сторону от непосредственных тем его исследовательской работы. Вот почему первое столкновение с фактом, обнаруженным Ольгой Дубровских, было пережито Смолиным с остротой первого непосредственного впечатления.

Да, это было действительно рождение нового из недр старого, подвергнутого глубокому разрушению. Ткани материнских растений были растерты до состояния однородной полужидкой массы, напоминающей гороховый суп. Под наблюдением Ольги Смолин сам воспроизвел всю операцию и потом тщательно просмотрел в микроскоп весь приготовленный им материал. Разрушение было полное — от тканей не осталось никаких целых структур. Значит то, что получилось в аквариуме у Ольги, действительно образовалось не из существовавших до этого клеток, а возникло заново в результате разрушения тканей растения.

Смолин просидел за микроскопом весь день, не отрываясь, вставая только на минутку, чтобы пройтись по кабинету торопливо выкурить папиросу и собраться с мыслями. Сомнений не оставалось. Факт был очевидный и ясный. Теперь требовалось полностью оценить его значение и наметить план дальнейших действий.

Как только у Смолина мелькнула догадка о том, что он увидел у Ольги в сосуде с пробой, он сразу же подумал об использовании этого способа развития для изменения растений. Это была даже не цепь логических построений, а стремительно развернувшаяся спираль, в которой нельзя было разобрать никаких связующих звеньев, и помнился только исходный пункт: догадка о существовании процесса и вывод мысль о высокой пластичности возникающих этим способом организмов.

Медленно продвигая в поле зрения микроскопические проростки, возникшие из разрушенных тканей филофоры, Смолин размышлял о возможностях стремительного изменения их свойств в условиях, созданных экспериментатором. Он смотрел на прозрачные комочки клеток наметанным взглядом исследователя, и ему чудилось, что он уже видит в них бесчисленные изменения, возникшие под влиянием случайных различий в условиях жизни. Проростки возникли заново не из оформленных клеток, а из вещества материнских организмов, и потому их податливость к воздействию изменяющих условий жизни должна быть безграничной. Да, эта находка означала крутой поворот во всей дальнейшей работе лаборатории. Это было начало нового пути.

Под вечер Ольга зашла в кабинет Смолина с полученной за день почтой. Он поднялся со стула и устремился к ней с радостной улыбкой.

— Ну, Ольга Федоровна, спасибо! — сказал он, протягивая ей руки.

Ольга смутилась.

— За что же? В том, что обнаружили вы в моих сосудах, моя заслуга ничтожна.

— Не надо скромничать, Ольга Федоровна! — возразил Смолин, принимая от Ольги почту.

Он небрежно просмотрел конверт за конвертом, бросая их невскрытыми на стол и задержался на последнем. Ольге бросилась в глаза необычная удлиненная форма этого конверта и его блекло-сиреневый цвет. Смолин держал перед собой конверт, невесело улыбаясь. Потом он посмотрел на Ольгу, нахмурился, быстро разорвал конверт на мелкие клочки и бросил в корзину под стол. Ольга отвела глаза.

— Итак, Ольга Федоровна, — сказал Смолин тем же тоном, — начинаем третий тур наших работ.

Глава 18 НЕВЫПОЛНИМОЕ ТРЕБОВАНИЕ

Месяц прошел в напряженной работе. Ольга ощущала бешеный темп исследований Смолина по количеству растений, поступавших к ней в лабораторию для анализа. Сначала шел бесконечный поток филофор, ежедневно привозимых с моря, — Ольга понимала, что Смолин ищет наиболее богатые золотом формы. Но это длилось не больше недели. В свое время эта работа уже была проведена Петровым при выборе исходного материала для полиплоидной расы. Было обследовано несколько тысяч растений, и выбор самых золотоносных не представлял больших трудностей, так как Петров уже установил внешние признаки, сопутствующие богатому содержанию золота. Затем стали поступать проростки — сначала десятками, потом сотнями, наконец, тысячами, и поток с каждым днем увеличивался. Смолин работал с яростным напором, как одержимый.

У него уже не оставалось времени для бесед с сотрудниками. Они были знакомы со стилем работы и не беспокоили преждевременным любопытством. Было хорошо известно: когда определится результат, он немедленно станет достоянием всего коллектива.

Настроение у Ольги было сумрачным. Ослепительное июньское солнце, проникающее в окна сквозь раздуваемые ветром шелковые занавески, не радовало, а раздражало Ольгу своим ненужным блеском. Работа шла автоматически — вместе с Ольгой, под ее присмотром, в лаборатории стояли у приборов шесть лаборантов, но поспевать за Смолиным становилось все труднее и труднее.

Когда на анализ поступали взрослые растения, определять содержание золота было легко: метод Калашника позволял с достаточной точностью улавливать золото в золе, полученной от единичного экземпляра. Но с первыми же определениями золота в проростках возникли затруднения — и, как Ольге казалось по неопытности, непреодолимые. Каждый проросток весил не более грамма, после сжигания оставалось 5–6 миллиграммов золы. При всей тонкости метода Калашника определить в таком ничтожном количестве вещества уже сверхнормальное количество золота казалось невозможным.

Сначала Ольга выходила из затруднения первым пришедшим ей в голову способом: массовым анализом сотен проростков, сожженных вместе. Средняя цифра получалась такая высокая, что Смолин не возражал против этого способа. Но уже на третьей неделе, когда он стал выводить второе поколение водорослей, не дожидаясь завершения роста первого, перед Ольгой встала задача — определять содержание золота в каждом отдельном проростке.

Они поступали в химическую лабораторию во множестве. И каждую новую партию сопровождала записка Смолина, нацарапанная торопливым, корявым почерком: “Индивид. анализ. Обязат!” Эти записки бросали Ольгу в жар. Она отдавала уточнению метода все силы. Кое-как, с допущением возможности огромной ошибки, ей удавалось определять золото в крупных — тяжелее грамма — проростках. Ошибка была не очень заметна, так как содержание золота в третьем и четвертом поколениях возрастало совершенно фантастически. Смолин со свойственным ему в научных исследованиях азартом непрерывно повышал концентрацию золота в аквариумах. Но, когда он начал добиваться от Ольги точности определения в сотых долях процента, ей пришлось сознаться в своем бессилии.

Утром Ольга спустилась в подвальный этаж, где работали Смолин и Петров, раздраженная неудачами, расстроенная неудовольствием Смолина и злая на себя за свою растерянность. В голубом полумраке сияли два ярких кружка осветителей. Два снопа света падали из-под невидимых абажуров настольных ламп на развернутые около микроскопов тетради с записями и освещали два профиля — высокий лоб, орлиный нос, короткие усы и энергичный подбородок Смолина и по-детски круглый лоб, светлые волосы и мягкие, пухлые губы Петрова.

— В чем дело, Ольга Федоровна? — спросил Смолин таким тоном, что у девушки екнуло сердце.

— Не выходит, — ответила Ольга сердито.

— Понимаю, что не выходит, — спокойно сказал Смолин, — но почему?

— А потому, что нельзя нашим способом определять гаммы¹ золота в миллиграммах вещества. — Ольга уже не скрывала раздражения. — Ведь после сжигания от вашего проростка остается не больше тридцати, а то и двадцати миллиграммов.

— Ах, вот оно что... Что же вы мне раньше об этом не сказали?

— Думала, что сумею, — мрачно ответила Ольга.

¹ Г а м м а — здесь: миллионная доля грамма.

Петров сочувственно улынулся ей, ожидая сердитой реплики Смолина.

— Значит, гаммы золота на миллиграммы золы? — переспросил он, прищурясь и глядя на Ольгу рассеянно, словно не видя ее. — Ну, что же, подумаем, как быть дальше. Будем думать, и вы и я.

Ольга вернулась к себе недовольная, злая, в подавленном настроении. Стояла у приборов, машинально крутя рычаги и безнадежно всматриваясь в растворы.

Смолин зашел к ней под вечер, когда она заканчивала работу, уже выбившись из сил от бесплодных попыток получить в анализе сотые доли процента. Лаборанты давно разошлись. Спускалось солнце, окрашивая в розовый цвет шелковые занавески и белые косяки окон.

Еще издали Ольга увидела в руке у Смолина длинный блекло-сиреневый конверт. Подходя, профессор небрежно сунул его в нагрудный кармашек халата, — и в те немногие минуты, пока Смолин говорил с Ольгой, ее раздражал и томил этот торчащий уголок конверта.

— Итак, значит гаммы в миллиграммах? — начал Смолин вопросом, не требующим ответа.

Ольга утвердительно кивнула головой. Смолин продолжал тем же рассеянным тоном:

— Так, так... Плохо... Что же делать?

— Не знаю. Ничего не выходит...

Смолин подошел к окну, отдернул занавеску и, заложив руки за голову, загляделся на чудесную панораму. Потом улыбаясь повернулся к Ольге.

— Значит, нужно осваивать другие методы... Хочу съездить в Москву, — Смолин покосился на конверт, высунувшийся из кармашка, и небрежным щелчком осадил его вниз.

— А я?

— А вы будете продолжать совершенствовать ваш метод, пока не отработаете пригодный для нашей работы вариант.

После ухода Смолина Ольга долго стояла у окна, предаваясь невеселым мыслям. Начинало смеркаться, когда из подъезда лабораторного здания вышел Смолин — весь в белом, элегантный, изящный, несмотря на высокий рост и широко развернутые плечи. Ольга не сводила с него глаз. Смолин перешел улицу, остановился на набережной и, видимо, задумался, положив руки на перила решетки. Но вот в его руках появился знакомый Ольге конверт. Смолин медленно, аккуратно разорвал его надвое, потом еще надвое, потом еще и еще, — и клочки письма стайкой снежинок, трепеща в воздухе, закружились над заливом.

На другой день Смолин уехал в Москву. Потянулись скучные будни. Ольга продолжала работу, принимаясь за каждую новую модификацию метода с таким ожесточенным упорством, словно только от ее усилий и зависело повышение содержания золота в растениях.

Начатые Смолиным опыты выведения золотоносных водорослей из разрушенных тканей продолжал Петров. После неудачи с полиплоидами интерес к колхицину у него угас. Но загадочное открытие Крушинского по-прежнему не давало ему покоя.

Каждое утро, пробегая к себе на второй этаж, Ольга заглядывала в лабораторию Петрова и удивлялась, что ей никогда не приходилось опередить Аркадия, словно он и не покидал на ночь своего рабочего места. С утра он возился с проростками, развивающимися в сотнях аквариумов с растертыми водорослями, добросовестно осуществляя план, оставленный ему профессором. Но после короткого обеденного перерыва он с головой уходил в бесконечные попытки воспроизвести “ошеломляющее открытие” несчастного Николая Карловича. Теперь Петров увлекся мыслью получить проростки из растертых тканей золотой водоросли, подобно тому как были получены проростки филофоры в аквариумах Ольги. Ежедневно он предпринимал новые и новые попытки: менял состав воды, понижал и повышал ее температуру, вводил в растворы различные количества золота. Все было безуспешно.

Профессор приехал через неделю — так же неожиданно, как и уехал. С ним прибыл груз в двух тяжелых ящиках, немедленно доставленный в лабораторию. Едва поздоровавшись с сотрудниками, Смолин спустился в подвальный этаж и принялся вместе с Петровым за распаковку. Ольга сгорала от любопытства, но, встретившись с Петровым за обедом, сумела удержаться от вопросов. Аркадий смотрел на нее смеющимися глазами, видимо, раздражаемый желанием рассказать обо всем, что узнал от профессора, но, пересиливая себя, говорил о незначительных, неинтересных вещах. Так прошло три дня. Утром на четвертый день на станции появился гость с далекого севера Панин.

Глава 19 ЕЩЕ ОДИН СОЮЗНИК

Ольга с нежностью смотрела на заросшее бородой, веселое, улыбающееся лицо Ланина.

— Иван Иванович. голубчик, как я рада, что вы приехали... Когда вы поедете обратно?... Ой, я хочу с вами...

Черные усы и борода Ланина зашевелились, раскрывая белые зубы.

— Дорогая, я буду рад каждому новому живому человеку... Работы хватит... Я изнываю без людей.

— А у вас все налажено?

— Вот, если без шуток поедете со мной, там увидите... Первокласные лаборатории. Аквариальная разве немногим похуже, чем здешняя.

Ольга в восторге прижала руки к груди.

— А химическое оборудование?.. Иван Иванович, а газ, электричество, источники лучистой энергии?..

— Послушайте, Олюша, — возмутился Петров, — да вы думаете, что он из деревни приехал? Ну, да, газ, электричество, источники лучистой энергии... конечно, все это есть. Ведь там же специально построенное помещение... И все приспособлено для...

— Во-первых, сэр, — леденящим тоном оборвала его Ольга, — я вам не Олюша... А, во-вторых, я не нуждаюсь в ваших разъяснениях.

Петров обернулся за содействием к Ланину:

— Да ведь и он вам то же самое скажет! — Ланин вмешался в пререкания:

— Успокойтесь, Ольга Федоровна. Останетесь довольны.

— А когда... вы поедете обратно, Иван Иванович? — нерешительно спросила Ольга.

Цыганские глаза Ланина прищурились.

— А когда вам хочется?

Ольга покраснела.

— Чем скорее, тем лучше. У вас дело к Евгению Николаевичу?

— Да, конечно. Иначе, зачем бы я потащился за четыре тысячи километров?

— И... требующее длительного пребывания здесь?

Ланин лукаво усмехнулся.

— Сказать? — подмигнул он Петрову.

Дверь в лабораторию приоткрылась и в нее просунулась голова лаборантки:

— Товарищи академики, Евгений Николаевич просит вас всех к себе.

Все трое, по мальчишески обгоняя друг друга, бросились вслед за ней. Смолин встретил их в дверях своего кабинета.

— А, Иван Иванович! — обрадованно воскликнул он, увидев Ланина. — Вот кого я жду с нетерпением. Как дела?

— Превосходно, Евгений Николаевич! — ответил Ланин. — Приехал за вами. Все готово для работы. Бросайте эту лужу и едем на океан.

Смолин испытующе посмотрел на него.

— Вы уверены, что там мы сможем продуктивно работать? Ну, не томите, говорите сразу, сколько?

— Все литературные указания о высокой концентрации золота в воде северных морей оказались правильными, — сразу посерьезнев, ответил Ланин. — Ровно вдвое выше средних концентраций в Черном море.

— А в водорослях?

— Совершенно такие же отношения. Накопление, повидимому, вдвое интенсивнее. Полагаю, что Ольга Федоровна своими методами выявит эти различия более точно.

— Методами Ольги Федоровны? — переспросил Смолин, улыбаясь. — Как, Ольга Федоровна, что вы ответите этому человеку?

Ольга пожала плечами.

— Я не считаю эти методы моими, и не моя вина, что они недостаточно тонки.

Смолин примирительно коснулся ее руки.

— Ну, не горячитесь. Я совсем не хотел вас обидеть. Наоборот, я вас вызвал, чтобы порадовать. Прошу, товарищи.

Он распахнул двери, приглашая сотрудников в кабинет.

Ольга стремительно осмотрелась. Первое, что ей бросилось в глаза, были массивные свинцовые коробки, выстроенные аккуратными рядами вдоль стены на стеллаже. Она метнула взгляд на письменный стол и увидела знакомые продолговатые ящики с круглыми черными циферблатами.

— А-а, счетчики Гейгера¹, — обрадовался, как хорошим знакомым, Ланин. — Вот, о чем я не додумался там, на Мурмане.

Смолин усмехнулся.

— К сожалению, и я здесь, на Черном море, лишь неделю назад додумался до этого... Ну, Аркадий Петрович, показывайте!

Петров вытащил из аквариума коричневый проросток водоросли не более сантиметра в длину.

— Ольга Федоровна, определите вес на глазок, — весело предложил Смолин.

— Не берусь... Ну, может быть сто-двести миллиграммов... Он же совсем крошечный.

— Значит, сколько в нем может быть золота?

— Если он из той же серии, с которой я уже имела дело, то пять — десять гамм.

— Сможете вы их осадить из раствора? — спросил Смолин.

— Что вы, Евгений Николаевич...

— То-то же. А ну, Аркадий, действуйте!

Петров раздвинул и снова сдвинул свинцовый футляр. Щелкнул выключатель. Вспыхнула зеленая лампочка, и стрелка гейгеровского счетчика с мерным стрекотаньем задвигалась по циферблату.

¹ Гейгеровский счетчик, или счетчик Гейгера Мюллера, — прибор для измерения радиоактивности элементов.

— Вот вам и ваши пять—десять гамм, Ольга Федоровна! — сказал Смолин. — Рекомендую вам, товарищи, наше новое техническое средство в действии.

— Изотоп¹ золота?! — догадалась Ольга.

— Да. Это еще один союзник в нашей борьбе с косностью живого вещества. Проращивание шло в среде, куда был введен радиоактивный изотоп золота с периодом полураспада² 185 дней. И вот вам результат. Теперь уже легко вести контроль за накоплением золота в наших растениях. Не так ли, Ольга Федоровна?

— Замечательно! — восторженно ответила Ольга.

— Еще бы! — подтвердил Петров.

Смолин посмотрел на сотрудников радостным взглядом.

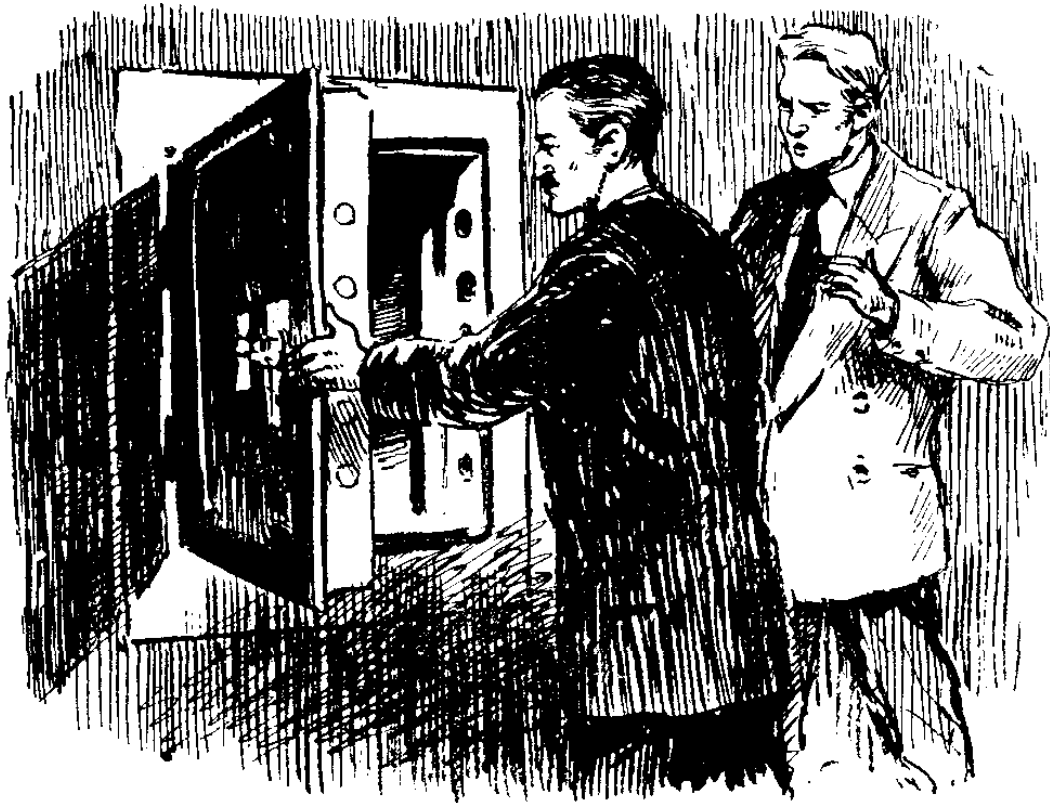
— Итак, товарищи, на этом подготовительные работы мы можем считать законченными, — торжественно произнес он. — Приступаем к разрешению поставленной перед нами задачи.

— Здесь, в Севастополе? — спросила Ольга. Смолин отрицательно покачал головой.

— Ну, нет, не затем я держал Ивана Ивановича шесть месяцев на Мурмане. Отказываться от условий, которые есть там, нельзя. Едем на Мурман, Ольга Федоровна, и не позднее завтрашнего утра. Ступайте домой, собирайтесь. О билетах мы позаботимся.

¹ И з о т о п ы — разновидности химического элемента, имеющие одинаковые химические и физические свойства, но различающиеся атомным весом. Радиоактивные изотопы получают путем бомбардировки элементов частицами атомных ядер.

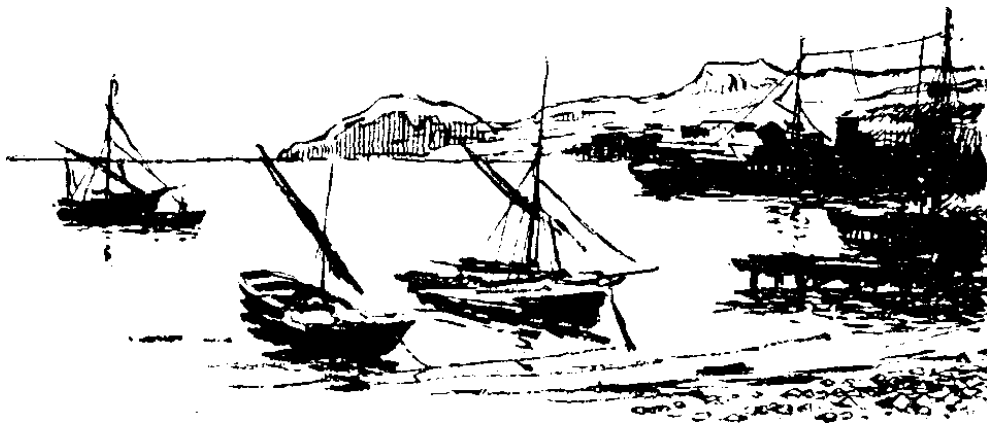
² Величина радиоактивности обычно измеряется периодом полураспада — временем, в которое любое количество вещества распадается наполовину.

Часть третья САЙДА-ГУБА

Глава 20 ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

Почти круглые сутки, едва скрываясь к полуночи за горизонтом, светило полярное солнце. Ольге был непривычен и странен этот свет. Работа шла иногда и днем и ночью. Выходя из лаборатории после многих часов непрерывного стояния у приборов, Ольга долго соображала, куда клонится солнце — к закату или на полдень. Но в конце концов она привыкла ориентироваться во времени. Днём солнце светило над материком, посылая лучи сквозь мглистый воздух с той стороны, откуда приехала Ольга. Ночью оно ненадолго погружалось в океан, окрашивая розовыми отблесками заката его свинцовую хмурую гладь.

Работали с упорством, самозабвенно. Смолин, как только приехал, принялся за лабораторные исследования в таком темпе, что временами у его сотрудников в голове звенело и круги стояли перед глазами. Он стал

беспощадно требователен, настойчив, не забывал ни одной мелочи и успевал лично следить за ходом всех опытов, поставленных по его плану.

Прежде всего предстояло изучить состав флоры красных водорослей в прибрежных водах Баренцева моря, выявить формы наиболее перспективные для воспитания золотонакопителей. Параллельно шла разработка методики культивирования.

Здесь Смолин во всю ширь использовал разработанный им в Севастополе новый метод выведения золотоносных водорослей. Метод оказался применимым к любым водорослям Баренцева моря. Измельченная до состояния полной гомогенности ткань растения превращалась как бы в маточный-раствор, в котором происходило бурное развитие бесчисленных проростков водорослей. Проростки, возникающие из массы измельченной ткани, были качественно новыми существами, измельчение разрушало до основания старую форму, в которую были облечены исходные, родительские организмы. И самым важным, самым ценным в новой методике оказалось то, что эти проростки брали начало не от одного родительского растения, а от двух или трех или даже нескольких десятков, растертых в общую, однородную массу живого вещества. Это было нечто вроде оплодотворения — таинственного процесса слияния двух клеток, в результате которого начинается жизнь нового живого существа. Но здесь сливались не две клетки, а вещество множества организмов, собранных экспериментатором воедино.

Новая жизнь, возникающая в результате слияния двух родительских зародышевых клеток, отличается высокой способностью приспосабливаться к окружающим условиям. Растения, создаваемые Смолиным из растертых водорослей, получали во много раз большую способность к приспособлению. Они отливались в любые формы, предлагаемые исследователем.

Способность приспособляться — пластичность этих организмов, казалось, была безгранична. В первых же культурах проростков, выведенных из самых обычных багрянок Кольского залива и воспитанных в среде, содержащей золото до пятидесятипроцентного, способность к накоплению золота повысилась в сто раз. Но Смолин остался этим недоволен.

Он хотел получить исходную форму, концентрирующую золото, по крайней мере, в тысячу раз. Для этого, по его мнению, требовалось безграничное разнообразие исходного материала.

Он начал с комбинаций водорослей одного вида, но взятых из разных районов, неподалеку от станции. Тысячекратная концентрация была получена. Но Смолин все же был недоволен. Начались опыты, которые ему самому в первое время казались фантастическими. Он вводил теперь в маточные смеси живого вещества различные виды багрянок. Здесь, казалось, был предел его экспериментаторскому мастерству. Целый месяц тянулась полоса неудач.

И все же он добился своего. Ольга навсегда запомнила день, когда Смолин впервые продемонстрировал сотрудникам выведенные им растения. В лаборатории было тихо и сумрачно. Багряные водоросли растут на глубинах, куда едва достигает свет. Смолин и его сотрудники старались создавать для своих растений естественные условия освещения. Синий свет придавал лицу Смолина возбужденно-аскетическое выражение.

— Полюбуйтесь, товарищи, и попытайтесь определить, — сказал Смолин, бережно распластывая на белом листе бумаги мясистую, сильно разветвленную водоросль.

Ланин с интересом нагнулся над ней. Он долго шевелил ее листовые пластинки, мерил их длину и ширину, определял на ощупь плотность. Смолин терпеливо ждал.

— Ничего не могу сказать, — заявил, наконец, Ланин. — Какая-то странная смесь признаков, знакомых, но в такой степени измененных, что ни к одному из здешних видов ее отнести нельзя...

— Правильно, — Смолин улыбнулся. — Эта форма создана заново. И на исходные формы она похожа очень отдаленно. Так что видовое название мы будем давать ей сами. Концентрация золота в тканях увеличена в десять тысяч раз.

Это была победа. Но Смолин считал ее только самым началом наступления на природу.

Не теряя ни одного дня, он приступил к опытам с повышением скорости роста созданной им формы. Ольге этот период запомнился тем, что Смолин окончательно потерял различие между днем и ночью, упорно преодолевая присущий растению довольно вялый темп роста и навязывая ему тот, которым должна была обладать будущая, запланированная фантазией Смолина, идеальная форма.

Наконец и этот барьер был преодолен. Но Смолин и тут не сделал передышки. Весь день, пока солнце светило с материка, профессор сидел в лаборатории над грудями водорослей, обрабатывая пробы, отбирая лучшие экземпляры для постановки культур, составляя среды и отмечая суточный рост сотен экземпляров.

И только раз в два-три часа профессор выходил в широкую, обращенную к морю застекленную галерею, чтобы жадно, одну за другой, выкурить две папиросы и подышать свежим воздухом.

Из своей лаборатории Ольга слышала его шаги — взад и вперед — по галерее. Шесть в одну сторону, потом остановка. Потом шесть шагов в другую сторону. Снова остановка. И так четверть часа. Затем шаги удалялись и все смолкало.

Первые недели по приезде на Мурман — новая обстановка, незнакомая и непривычная природа, напряженный темп работы — возбуждали Ольгу, непрерывно поддерживая в ней беспокойное, взволнованное состояние. Все, что ее окружало здесь, было далеким и чуждым. Маленькие домики поселка, бегущая к морю белая лента шоссе, серые скалы, высокий мрачный гранитный берег над черной водой гавани, где дымили трубы неподвижных пароходов, — все это казалось картинкой из прочитанной в детстве волшебной сказки. Ее раздражали туманы, вой ветра под крышей, отсутствие деревьев.

Но однажды в тихий солнечный день она вышла из общежития отдохнувшая, свежая после душа, оглянулась вокруг и с удивлением рассмотрела, как прекрасен окружающий ее мир. Воздух дрожал и переливался мельчайшими радужными вспышками невидимых частиц легкого тумана. Океан дымился испарениями. Над ним ослепительными белыми пятнами мелькали чайки.

Ольга посмотрела перед собой, глубоко вздохнула, раскинув руки, и зажмурилась от прилившей к сердцу беспричинной радости. Она побежала к сияющему на солнце зданию, где помещались лаборатории, чувствуя необычайную легкость, точно растаяло, как туман, все, что мучило ее за последнее время. Радость словно поднимала ее в воздух, радость ощущения собственных сил, здоровья и бодрости, радость участия в интересном и важном деле.

А потом случилось как-то, что она пробегала по галерее из аквариальной к себе в химическую лабораторию и столкнулась лицом к лицу с Евгением Николаевичем. Встреча была такой внезапной, что она от неожиданности застыла на месте, как вкопанная, расплескала воду из кристаллизатора и уронила на пол растения, которые несла в руках. Смолин наклонился, Ольга тоже. Выпрямляясь, он слегка задел ее лбом, она отшатнулась и расхохоталась. Смолин посмотрел на ее оживленное, покрасневшее лицо, улыбнулся, и глаза его посветлели.

— Как дела? — спросил он мягко.

— Чудесно, Евгений Николаевич, — ответила она.

— Не жалеете, что поехали?

— Что вы! Мне здесь так нравится...

— Не скучаете?

Ольга пренебрежительно пожала плечом и провела тыльной стороной мокрой руки по растрепавшимся волосам.

— О чем, Евгений Николаевич? Здесь все ко мне так хорошо относятся...

Смолин пытливо взглянул на нее.

— Ну, и прекрасно, — оказал он с необычайной теплотой. — Вот теперь мне нравится ваш вид. Взяли себя в руки, да? О, это очень, очень важно...

Смолин продолжал смотреть ей в лицо.

Она, спокойно улыбаясь, выдержала его взгляд. Он был ей очень дорог в эту минуту.

Она чувствовала глубокую привязанность к нему. Но это чувство уже не помрачало ее сознания. Она смотрела на Смолина, как женщина, сама вынесшая тяжелое испытание и сочувствующая горю близкого человека.

Больше ничего не было сказано. Отношения их продолжали оставаться совершенно такими же, как и раньше. Смолин чаще бывал суров, реже ласков, но никогда не выходил из границ деловых отношений. И все же ощущение тончайшей неуловимой близости к нему не покидало Ольгу. Это было совсем не то, что терзало ее в Севастополе. Она чувствовала себя иногда старше и опытнее Смолина. А он большой, сильный человек — понимал, как много значит такая дружба и невольно искал ее.

Глава 21

ПАУТИНА

Петров остался в Севастополе. Он поддерживал и продолжал воспитывать культуры, выращенные Смолиным. Но большую часть времени он проводил в своей лаборатории за бесконечными попытками воспроизвести оставшееся неразгаданным открытие Крушинского.

Он много думал о странных обстоятельствах, сопровождавших это открытие. Иногда ему казалось совершенно очевидным, что таинственная гибель Крушинского на другой день после сообщения об открытии не могла быть случайностью: недаром же золотая ветвь пропала из несгораемого шкафа. Но сейчас же рождались сомнения: он лично убедился, как быстро тает другая половина золотой ветки — сто восемьдесят граммов — в опытах с проращиванием измельченных тканей. Следовательно, золотая ветка не похищена, а израсходована.

Ему приходила в голову мысль и о самоубийстве Николая Карловича. Но, подумав, он решал, что этого быть не могло. Жизнь Николая Карловича была как на ладони. Все его интересы были в науке. И уж, конечно, неожиданная удача — “ошеломляющее открытие” — никак не могла толкнуть его на такой шаг.

Размышления о несчастье с Крушинским неизменно приводили Петрова к тягостным воспоминаниям о гибели культуры гигантских филофоров. И опять начинались сомнения. Как будто кто-то нарочно подстраивал так, что на группу Смолина обрушивались удары — один за другим, в самые чувствительные точки, в самые ответственные для работы моменты. Крушинский утонул, не сообщив о сущности своего открытия. Культура гигантской филофоры погибла в тот момент, когда только что определились благоприятные перспективы использования полиплоидных водорослей. Действительно, было похоже, что эти совпадения не случайны, что это дело чьих-то вражеских рук.

Вскоре после отъезда группы Смолина на Мурман Аркадию позвонили из местного управления МВД и попросили зайти к полковнику Колосову. Полковник оказался сухощавым, малоподвижным человеком неопределенного возраста с тихим, спокойным голосом. Он невозмутимо, даже как бы скучая, выслушал путанный и сбивчивый рассказ Аркадия, задал несколько вежливых вопросов и задумался. Петров смотрел не мигая на его смуглое, словно пергаментное лицо, на глубокие залысины у висков, на пальцы — тонкие, невидимому, очень сильные, которыми тот в раздумье переломил, не заметив, карандаш.

— Вы английский знаете? — опросил, наконец, Колосов.

— Да.

Полковник раскрыл ящик стола и вытащил тонкий журнал с цветной обложкой. Развернув журнал на заложенной листком бумаги странице, он протянул его Петрову.

— “Мир... накануне катастрофы”, — прочитал Петров заголовок статьи и удивленно поднял глаза на Колосова.

— Читайте, читайте. — Полковник кивнул ему, закуривая.

Аркадий легко читал специальные статьи в биологических английских журналах. Но этот текст ему казался трудным.

— “Мировая экономика терпит серьезный ущерб от истощения мировых месторождений золота, — медленно вслух переводил Петров. Со времени открытия Америки (1493 г.) и до наших дней последовательно Бразилия, Россия, Калифорния, Австралия и Трансвааль занимали первые места по уровню золотодобычи. Добытое, главным образом в этих месторождениях, золото исчисляется округленно в один миллион тонн. Эта цифра, невидимому, в настоящее время характеризует мировой золотой запас...”.

Петров пропустил несколько строк, пробираясь к смыслу статьи.

— “...Несмотря на лихорадочную разведку новых месторождений золота, следует признать, что золотой запас ненамного превысит цифру, характеризующую его современное состояние”.

Петров опять пропустил несколько строк.

— “...Как необходимое условие для участия в мировой торговле, золото продолжает сохранять значение основы мировой экономики. Хаос и разорение миру принесет с собой ликвидация золотого обращения, к которому призывают малые страны, лишившиеся золотого запаса после мировых катастроф 1914–1918 и 1939–1945 годов. Вместе с тем нельзя не отметить, что эти катастрофы в самом деле привели к огромному скоплению золота в немногих странах, которые, опираясь на свой золотой запас, монополизируют мировую торговлю и ставят в невыносимое положение экономику пострадавших держав. Пора принять меры и договориться на специально созванных международных конференциях о справедливом и равномерном перераспределении золота. Иначе всей нашей цивилизации грозит неслыханное потрясение!...”.

Петров пожал плечами и протянул журнал Колосову.

— Ну, что же. Песни эти нам давней знакомы...

Колосов поднял руку, как бы останавливая его:

— Вы посмотрите, что это за журнал.

Петров взглянул на обложку и прочел под красочным рисунком:

— “Лондон-ньюс”.

— А вот вам американская газета. Читайте — я обвел красным карандашом то, что вам может быть интересно.

— “Сенатор Белл выступил с заявлением, в котором призывал конгресс воздержаться от поддержки и финансирования больших научно-исследовательских работ, имеющих целью изыскать дешевые источники зо-

лота и, следовательно, в корне меняющие значение золота как мерила национального богатства. “Пять миллиардов тонн золота из воды океана, сказал сенатор Белл, — не нужны Америке, обладающей почти всем мировым запасом драгоценных металлов”. В случае несогласия конгресса с заявлением Белла последний предлагает строжайше засекретить производимые работы, чтобы монополизировать их результаты в интересах дальнейшего процветания Америки”.

— Понятно? — спросил Колосов.

— Да, кое-что понятно, — растерянно ответил Петров.

— Ну, то-то же, — оказал Колосов. — У вас вопросов ко мне нет?

Вопросов у Петрова было очень много, но он не решился спрашивать.

Вернувшись в лабораторию, Аркадий долго думал о разговоре с Колосовым. Он только теперь понял, какое серьезное и важное задание получила в прошлом году группа профессора Смолина. Ему даже показалось, что он до сих пор беззаботно относился к своим исследованиям. Правда, он не щадил себя в этой работе, отдавая ей силы, но общественного, государственного значения своей работы он не оценил.

И все же разговор с Колосовым не подвинул его ни на шаг в размышлениях о причине неудач в работе. Сомнения продолжали мучить Петрова. Они усугублялись еще тем, что попытки воспроизвести открытие Крушинского не удавались. Каждое утро, спустившись в аквариальную, Аркадий бросался к сосудам с поставленными в предшествующие дни культурами и с азартом принимался за просмотр. Но дни шли за днями — и ничего не получалось.

— Какой там к черту “противник”! — бормотал Аркадий, расхаживая по лаборатории, после очередного просмотра. — Не “противник”, а собственная неумелость — вот причина!

Глава 22 НОВЫЕ ПЛАНЫ

Смолин крепко упирался своими длинными ногами в среднюю банку¹, откидываясь при каждом взмахе весел далеко назад. Шлюпка легко скользила по синей воде, перерезая гребни волн. По своей ширине лодка была рассчитана на греблю вдвоем. Но длинные руки Евгения Николаевича позволяли ему справляться одному с двумя тяжелыми веслами. Ольга держала рулевое весло, правя вдоль берега.

День был ясный и теплый. Чайки кричали над их головами, то взмывая высоко в воздух, то припадая к воде и неторопливо взлетая с зазевавшейся рыбешкой в клюве.

— Сюда? — спросила Ольга, кивая головой на узкое горло губы — метрах в ста впереди.

Смолин оглянулся через плечо.

— Сюда. — Он глубоко вздохнул, расправил плечи и снова навалился на весла.

Ольга повернулась, посмотрела на поселок, оставшийся далеко позади. У крутого берега отчетливо вырисовывалось на темном фоне скал светлое здание биологической станции. А дальше в голубой дымке чуть виднелись маленькие домики, и поблескивал искрами стеклянный шар на вышке управления порта.

— Километра два? — опросила Ольга, отводя движением плеча прядь волос, упорно сдуваемую ветром на лицо.

¹ Б а н к а — в лодке сиденье для гребца.

— Около того. Держите ближе к берегу — там меньше волн.

Вода за кормой под рулем забурлила. Ольга правила прямо в устье бухты. Прилив помогал гребцу.

— Который час? — забеспокоился Смолин. Ольга посмотрела на часы.

— Без десяти двенадцать.

— Ну, поспели как раз, — сказал с удовлетворением Смолин. — Туда еще часа полтора ходу. Держите посредине, а то скоро будет отливом.

Лодка вошла в залив. Темные скалы, покрытые сединой осевшей соли, расступились метров на тридцать, открывая вход в бухту, длинным рукавом уходящую в материк. Спокойная, светлая вода залива чуть-чуть колыбалась от нежного дыхания ветра. Солнце светило Ольге прямо в лицо. Она втащила рулевое весло в лодку и низко наклонилась над водой.

— Как стекло! — восторженно закричала она. — Видно насквозь — до дна. Морение ежи лежат — ну, прямо как мостовая.

— Это одни панцыри, — заметил Смолин.

— А литотамнии¹?

— Ну, эти живые.

— Удивительное растение, — сказала Ольга, поднимая со дна шлюпни корявую, сильно разветвленную, совершенно твердую, как камень, ветку. — Я никогда не поверила бы, что оно живое.

— Да. Оно скорее похоже на скелет, на остов организма... А тем не менее это живая ткань. До таких пределов доходит концентрация кальция. Эта водоросль накапливает известь, как моллюск. Но не на поверхности тела и не особыми железами, а во всех своих тканях.

— Это багрянка?

— Да. Из той же группы, что и наша золотоносная водоросль. Потому-то и заманчиво вывести из них золотоносную расу.

— Но ведь сегодня вы хотели посмотреть только бурые водоросли?

— Да. Главным образом характер их распределения по литорали. Вы понимаете, что для промышленного использования пригодны только формы большой продуктивности. На Черном море нас вполне устраивала филлофора. Среди здешних багрянок таких форм нет или они трудно доступны. А вот бурые водоросли — фукусы, ламинарии — представлены здесь продуктивными видами. — Смолин окинул взглядом весь берег. — Вы себе представьте такой залив, заселенный золотоносной расой водоросли... Здесь на прибрежных скалах их тысячи тонн...

Ритмично работали весла. Смолин сбросил пиджак, засучил рукава. На лбу у него выступили капли пота. Шлюпка неслась, разрезая прозрачное зеркало бухты.

— Ну, начинается отлив, — предупредила Ольга, бросив взгляд на берег.

Влажно блестящая обмытая водой полоса, уже на полметра показавшаяся над поверхностью моря. По темному фону белыми брызгами разбежались пятнышки раковин усоногих рачков — жителей скал в зоне прибоя.

Смолин бросил весла и вытащил портсигар.

— Передышка! — объявил он.

Чиркнула спичка, вспыхнуло неяркое в солнечном свете пламя. На Ольгу понеслось облачко табачного дыма.

Шлюпка, чуть-чуть покачиваясь на гладкой поверхности воды, повисла над сине-зеленой глубиной. Смолин сидел на банке, обхватив руками колени. Взгляд его был устремлен в пространство, и видно было, что он о чем-то сосредоточенно думает. Ольга молчала, наслаждаясь нежной теплотой неподвижного воздуха, сиянием бледноглубого неба, синевой и прозрачностью моря. Сквозь толщу воды виднелись белые завитки раковин, розовые пятиугольники морских звезд, сизые шарики панцырей морских ежей — все богатство жизни. кинутое щедрой рукой природы на дно океана.

— Да, это неизбежно... — неожиданно нарушил тишину Смолин. — Это неизбежно!

— Вы о чем? — спросила Ольга.

— Да, все о том же. Нужно спланировать наши силы. Мы совсем оторвались от Калашника. Это только ослабляет нас. И, несомненно, на руку нашим зарубежным соперникам.

— А он захочет работать с нами?.. Ведь он же не верит в наши методы?

— Если он не обыватель, а ученый, он должен захотеть...

— Даже после того, что было между вами?

Смолин нахмурился. На скулах его поиграли желваки. Но ответил он спокойно:

— В нашей ссоре с ним я вел себя, мягко говоря, с излишней горячностью... Это, конечно, было вызвано неудачами в работе. А что касается его скептицизма, то в конце концов он имел полное основание. Мы возложили тогда все надежды на совершенно бесперспективный метод.

— Но, все-таки, может быть, гибель культуры была случайной, — возразила Ольга.

— И что же? Пока еще мы имели дело с лабораторными опытами. Неизвестно, что будет, когда мы перейдем к производственным масштабам... Ну, хватит. Отдохнули.

Он бросил окурочек за борт и снова заработал веслами. Теперь он уже чаще смотрел на берег. Минут через десять под водой показались гирлянды темнозеленой растительности.

¹ Л и т о т а м н и я — водоросль из группы багряных, накапливает известь.

— А вот и наши водоросли! — оживился Смолин. — Ольга Федоровна, держите к берегу.

Он греб, не сводя глаз с зелени. Шлюпка зашуршала по водорослям вплотную у берега. Смолин наклонился над бортом и опустил руки глубоко в воду. Нашупав ствол растения, он дернул и вытащил длинную плеть водоросли, разветвленную сотнями лапчатых выростов.

— Килограмма полтора, — сказал он, взвешивая на ладони свернутое жгутом растение. — Ну, дома измерим точнее. Держите ближе к берегу, табаньте веслом!..

— Это фукусы? — спросила Ольга.

— Фукусы и ламинарии...

Смолин продолжал нащупывать и срывать одно растение за другим, оголяя влажную поверхность скалы.

— Зачем вам столько? — с удивлением спросила Ольга.

Смолин посмотрел на нее через плечо и засмеялся.

— Не бойтесь, много мы все равно не сможем собрать. Я хочу очистить метровую полосу по вертикали. Вес биомассы, собранной на этой полосе надо будет помножить на протяженность берега. Понимаете? Надо установить продуктивность фукусовых зарослей в этой бухте.

Шлюпка медленно отходила от берега, вздрагивая от толчков, когда Смолин выдирает растения. Между профессором и Ольгой быстро росла гора переплетающихся водорослей, издающая острый запах моря. Рубашка Смолина намочила от воды, стекающей с растений. Но он, не останавливаясь, продолжал свою работу.

— Тридцать семь, тридцать восемь, — считал он, осторожно распутывая длинные слоевища, и отделяя их друг от друга. — Тридцать девять, сорок. Черт, скоро ли конец? — вырвалось у него.

— Давайте, я попробую, — робко предложила Ольга.

Смолин отрицательно pokrutil головой.

— Сорок шесть, сорок восемь... Вот это экземпляр! Добрых два кило.

Ольга оглянулась вокруг и попробовала определить на глаз длину береговой линии, вдоль которой широкая полоса водорослей зеленым амфитеатром охватывала синеву залива.

— Три километра? Нет, больше — наверно, четыре.

— Пять тысяч шестьсот шестьдесят метров, — ответил на ее мысль Смолин, продолжая вырывать и считать водоросли. — Семьдесят два, семьдесят три...

Лодка тихо коснулась песчаного дна. Большой камень высунул из воды гладкую, облизанную морем лысину.

— Эге! — воскликнул Смолин. — Вот и конец скалам! Мы уже на мели. Но, кажется, конец и водорослям. Восемьдесят два... восемьдесят три... А эти уже с соседней полосы. Ну, возьмем две для уравнивания счета.

Лодка уже прочно села на грунт и начала резко крениться. Смолин выпрыгнул на песок, вода была ему по щиколотку. Он толкнул лодку, разогнал ее и, шлепая и подымая брызги тяжелыми сапогами, на ходу перепрыгнул через борт, чуть не опрокинув шлюпку.

— Ну-с, теперь можно и закурить! — весело сказал он, усялся на банку, вытащил платок из кармана и вытер руки.

Солнце уже заметно склонилось к западу.

С моря потянуло прохладой.

— Да! Вот это, примерно, то, что нам нужно, — в раздумье проговорил Смолин, тихо шевеля веслами.

Кольцо табачного дыма поднялось над его головой и медленно поплыло в воздухе. Смолин посмотрел на обнаженные отливом берега бухты, на дремучие заросли растений, свесившиеся со скал на песок, и улыбнулся.

— Если бы эти фукусы и ламинарии нам удалось сделать золотиносными! — сказал он, глядя на Ольгу мечтательно прищуренными глазами. — Вы представьте себе, что каждое растение за сезон накапливает хотя бы один грамм золота. Тогда все эти заросли, — он бросил весло и обвел рукой широкий полукруг, ежегодно приносили бы не менее четырехсот пятидесяти килограммов золота. И это только в одной этой губе! А сколько их по берегу!

— Из какого же расчета — четыреста пятьдесят?

— Из самого скромного. Я считаю, что на метр береговой полосы в среднем приходится не менее семидесяти пяти растений. Помножьте на шесть тысяч — вот вам и четыреста пятьдесят килограммов. А я уверен, что мы сумеем добиться значительно большей золотиносности этих растений.

— Новыми методами?

— Да. Теми самыми, которые мы с вами теперь разрабатываем. Кое-что мы уже получили, но боюсь, что наш результат представляет только теоретический интерес. Ведь форма, созданная нами, — из багряных водорослей. А здешние багрянки и по величине и по скорости размножения все-таки мало перспективны. А вот фукусы или ламинарии это водоросли-гиганты. Они вполне пригодны для производственного использования. Конечно, если удастся заставить их перенести то, что переносили в наших опытах багрянки.

Лодку уже подхватило течение. Смолин оглянулся через плечо и налег на весла.

Шлюпка понеслась к выходу из залива с такой быстротой, что Ольга испуганно вскрикнула, — она едва удерживала руль.

— Табаньте! Табаньте, Евгений Николаевич! — вдруг закричала она. — Мы перевернемся.

Лодку неудержимо несло к горлу губы в узкие стремнины между высокими прибрежными камнями. Ольга смотрела на них, сдвинув брови и кусая в возбуждении губы. Смолин, оглянувшись и только теперь заметил, какая опасность угрожает их утлому суденышку. Течение отлива, встречаясь с волнами, набегающими из

открытого моря, крутило бурные водовороты. Море отвечало яростными атаками волн, поднимая пену и брызги, застилающие туманом выход из бухты.

— Держите ближе к берегу! — крикнул он, изо всех сил загребая правым веслом.

Шлюпку подбросило на гребне волны, потом опустило. Через борт хлестнула вода. Послышался удар в дно. Лодку понесло к береговым скалам. Смолин затабанил обоими веслами, сдерживая ход. Что-то заскребло по борту — справа, потом слева. Снова подбросило и опустило. И вдруг неожиданным рывком их вынесло из горла залива.

— Ф-фу! — в изнеможении выдохнула Ольга, смотря на Смолина сияющими глазами. — Вот это сила!

Смолин продолжал грести. Шлюпка, наискось разрезая волны, мерно поднималась и опускалась на воде. Ольга крепко держала рулевое весло.

— Да, это как раз то, чего не хватает Калашнику! — сказал Смолин.

— Чего не хватает? — не поняла Ольга.

— Источник дешевой энергии. Сила прилива. Если ее использовать, то метод Калашника получит перспективу для промышленного применения.

Глава 23 СИРЕНЕВЫЙ КОНВЕРТ

Петров писал редко. Но по его письмам было видно, что, когда он садится писать, то не останавливается, пока не выложит всего, что его занимает. Он писал крупным мальчишеским почерком о своей работе, о встречах и разговорах, интересовался, как идет работа в группе Ланина, сокрушался о том, что ему одному придется нести всю тяжесть руководства севастопольской группой. То, что казалось ему неудобным для обычного изложения, он сообщал намеками, вполне понятными Ольге и, очевидно, забавлявшими его самого.

“Раза два встретил профессора Калашника.

Как всегда, шумно мрачен и угрюмо язвителен. Когда я с ним поздоровался, он ответил:

— А, молодой Парацельс! Как протоплазма? Работает?

Я оказал, что есть кой-какие затруднения.

И, признаюсь вам, посмотрел на него, чтобы заметить, как он реагирует. Я не могу оставить мысли, в которой никому не признаюсь, кроме Евгения Николаевича и вас, — что он имеет какое-то отношение к несчастью с нашими питомцами. Он пробурчал, что “впрочем, и его дела невеселые”, и продолжал свой путь...”

Самым поразительным в последнем письме Петрова было сообщение о том, как он встретился с Валерией Радецкой.

“Утром мне позвонили по телефону. Я спустился из лаборатории в вестибюль. Беру трубку. Нежный, певучий женский голос. “Аркадий Петрович?” Припоминаю всех своих знакомых с певучими голосами. Кроме вас, никого не могу вспомнить...”

Ольга улыбнулась:

— Хорошо же, я тебе, мальчишка, этого не забуду!

“Да, я. С кем имею честь?” И кто бы, вы думали, мне ответил? Черноморская Афродита, предмет вашего восторженного и почтительного обожания — Валерия Павловна Радецкая. Само собой разумеется, ее интересовала не моя скромная персона, о чем я, естественно, и не помышлял, а наш учитель. — “Его нет в городе”. — “Он уехал?” — “Да”. — “Давно?” — “Больше месяца”. Молчание. Потом, с легким волнением в голосе: — “Мне хотелось бы с вами встретиться, Аркадий Петрович”.

И вот скромный, молодой ученый в холле гостиницы “Севастополь”, окрыленный приглашением второй по красоте (на первом месте, безусловно, вы, Ольга Федоровна!) женщины в Европе и самой знаменитой в стране киноактрисы. Разговор был очень недолгий. Она спросила, где Евгений Николаевич. Мне пришлось ответить, что я не имею от него указаний сообщать его адрес. — “А вы ему пишете?” — “Да”. Она задумалась. Видно было, что она чем-то взволнована. Наконец, сказала: — “Вы мне обещаете немедленно, в первое же ваше письмо к нему вложить мою записку?” — “Пожалуйста”.

И вот, через три тысячи километров, вместе с этим письмом, которое я пишу вам, в конверте моего письма к профессору летит сиреневый конверт Валерии Радецкой, издающий удивительный запах ее духов.

Признаться, мне очень не хотелось исполнять ее просьбу. Мне всегда казалось, что это знакомство Евгения Николаевича не идет на пользу нашей работе. Но обещание было дано, и я не считал возможным не сдерживать своего слова...”

Ольга опустила руку с зажатым в пальцах письмом и задумалась. Ее уже не волновали, как бывало, эти странные отношения профессора и Валерии Радецкой. Только острая жалость к Смолину жала ее сердце. Она не верила, что такая женщина, как Валерия, — блестящая, ошеломляюще красивая, созданная для шумного успеха, — может любить и сделать счастливым ученого, отдавшего всю свою жизнь науке.

Она покачала головой и продолжала чтение. В конце письма Петров, как обычно, сообщал о своем настроении: “Скучаю без вас, и надежды вас увидеть в ближайшее время нет”.

Неясно было, к кому это относится — к ней персонально или ко всей группе в целом, Ольга опять улыбнулась. Она никак не могла заставить себя относиться к Аркадию, как к взрослому человеку, — то ли потому,

что он в самом деле выглядел возмутительно молодо, со своей круглой, как шар, выгоревшей на солнце добела, стриженной головой, пухлыми губами и всей мальчишески неуклюжей фигурой, то ли потому, что он пришел в лабораторию Смолина позже нее, и она с самого начала приняла покровительственный тон. Ей и в голову не приходило, что между ними могут быть какие-либо другие отношения, кроме этой привычной лабораторной дружбы — почтительно насмешливой с его стороны и то резкой, то ласковой — с ее. Они проводили много времени вместе. Против подъезда великолепного здания Академии наук на Калужской гостеприимно открывались многочисленные входы Парка культуры и отдыха. Там летними вечерами они поглощали мороженое, играли в теннис, слушали концерты. А зимой регулярно два-три раза в неделю посещали каток — фантастический лабиринт ледяных дорожек, удивительно облегчающий сближение между юношами и девушками. Но за все время их дружбы между ними не промелькнуло ни одной искры иного чувства. Так, по крайней мере, казалось Ольге. Она вспомнила, с каким негодованием отвергала она поползновения Петрова внести оттенок интимности в их отношения. Ее выводило из себя, когда он называл ее полуименем, — Оля, Олюша. Но сейчас ей вдруг захотелось, чтобы он догадался в своих письмах прибегнуть к этому обращению. В конце концов, что ему мешает, если ее нет около него?

Ольга сложила письмо и сунула в конверт.

Она была почему-то недовольна собой. “Это глубоко верно, что человек должен быть выше своих чувств”, — прошептала она, подходя к своим аппаратам.

День был серый, туманный, неприветливый. Сквозь стекла окна виднелись мокрые скалы берега, однообразного блеклого цвета. За ними вскипали на свинцовой воде гребни набегающих волн. Сизое небо сыпало мелкий дождь. Мокрые чайки бестолково суетились над морем.

Она налила пробы воды в кварцевые цилиндры. Включила вибраторы. Началась хлопотливая работа, поглотившая все ее внимание.

Спустя полчаса, выключив ток, Ольга услышала знакомые шаги профессора в галерее. Она притихла. Шаги опять прозвучали за дверью лаборатории — то приближаясь, то удаляясь. Наконец совсем затихли. Ольга чуть приоткрыла дверь, Смолин стоял перед окном галереи, глядя в море. В зубах его застыла потухшая папироса. Взгляд был мрачно сосредоточен. Ольга закрыла дверь. Спустя полчаса, она выбежала, чтобы пройти в аквариальную. Смолин в той же позе неподвижно стоял у окна.

Она прошла мимо него, опустив глаза. Он услышал ее шаги, повернул голову.

— Добрый день, — сказала Ольга, не поднимая взгляда.

— Добрый день, Ольга Федоровна, — ответил он неторопливо, с каким-то странным спокойствием. — Вы в аквариальную?

— Да, — прошептала Ольга.

— Как дела? — тем же тоном спросил Евгений Николаевич,

— Все так же. — Она чувствовала, что в данную минуту ему нужен не смысл, а тон ее ответа, звук ее голоса. — Ничего нового.

— Ну, вот. А у меня есть кое-что новое. — Смолин отделял слова друг от друга, словно прислушиваясь к их особому, только им обоим понятному смыслу. — И очень перспективное для нашего дела. Надо работать... О личных своих делах будем думать потом. — Он зажег спичку и поднес к давно потухшей папиросе. Представьте себе, Ольг, а Федоровна, что у вас кипит работа, — продолжал он несколько оживившись, — причем в этой работе вы связаны не только сроком, чтобы поскорее ее закончить, но и временем, так как другое время для нее не подходит... И вот вы получаете просьбу приехать, чтобы наладить ваши личные отношения... Допустим даже и очень вам дорогие... Как бы вы поступили?

— Не знаю, — смущенно ответила Ольга. — Думаю, что если работа важная, а не приезд не погубит чьей-либо жизни... или счастья...

— Не поехали бы?

Ольга утвердительно кивнула головой.

— Даже если бы это касалось и вашего личного спокойствия, или, скажем, личного счастья? — спросил Смолин, глядя на нее с любопытством.

— Думаю, что о себе я думала бы в последнюю очередь.

Смолин посмотрел на нее с добродушной иронией.

— Эх вы, молодые резонеры!.. — засмеялся он и добавил: — И все же... вы правы: человек должен быть выше своих чувств.

Ольга молчала. Ей все было понятно. Говорить больше того, что сказала, она не считала себя вправе.

— Ну-с, Ольга Федоровна, — сказал Смолин совсем другим тоном. — На днях ждите Калашника.

— Он сообщил о своем приезде?

— Нет, не сообщал, и даже вообще мне ничего не писал...

Ольга удивленно подняла глаза.

— ...Но зато писал ему я. И в самой категорической форме. Написал, что, если он не приедет, я сам буду строить приливные гидроэлектростанции и на их энергии будут добывать золото по его методу. Вот как! — Усы Смолина затряслись от смеха. — Полагаю, что он не задержится.

Глава 24

СНОВА ПОЯВЛЯЕТСЯ КАЛАШНИК

Калашник приехал без предупреждения, поздно вечером, в час, когда солнце погружалось в густую мглу тумана, висящую над океаном.

Он шумно ввалился в кабинет Смолина. Его сопровождало двое. В кабинете сразу стало тесно.

— Знакомьтесь, — сказал он своим обычным грубоватым тоном, пожав руку Смолина и представляя своих спутников. — Секретарь, райкома партии товарищ Громов. А это инженер-гидроэнергетик Павел Иванович Белявский.

Секретарь райкома остановился посреди комнаты и с интересом разглядывал рабочую обстановку: микроскоп, приборы, диаграммы, висящие на стенах. Высоким ростом, крупной головой с черными волосами, падающими длинной прядью на широкий лоб, смуглым лицом с густыми бровями и крупным ртом он напомнил Смолину Маяковского. Рядом с его внушительной фигурой маленький инженер производил впечатление подростка, одетого в костюм взрослого мужчины.

— Итак, уважаемый профессор, — грохотал Калашник, усаживаясь в кресло и раскуривая трубку, — ваше любезное предложение принято к осуществлению в масштабах, которые вы, вероятно, и не предвидели.

— Нет, почему же, — сдержанно ответил Смолин. — Если это дело окажется рентабельным, есть основания использовать все здешние фиорды. В эксплуатации приливные гидроэлектростанции, насколько я знаю, необычайно экономичны.

— Если бы мы располагали здесь большим числом промышленных предприятий, — заметил секретарь райкома, — энергетическая база для них нам, в сущности, ничего бы не стоила.

Инженер посмотрел на него, прищурясь.

— Как сказать, — пробормотал он недовольно. — В этом деле у нас так мало опыта, что...

— Вот и начнем накапливать опыт, — перебил его Калашник. — Я, Евгений Николаевич, признаюсь, тоже не верил в это дело. Но в ЦК мне сказали, что рискнуть стоит, даже если и нет большой уверенности в успехе. А для организации строительства и консультации по вопросам гидроэнергетики со мной послали вот это ископаемое. — Калашник кивнул на инженера, и выпустил в его сторону клуб табачного дыма. — Невыносимый брюзга. Но в общем милейший человек. Мы ругались с ним всю дорогу.

— Ну, это к делу не относится, — проворчал инженер. — Может быть, приступим прямо к обсуждению? Время позднее. Если бы не Григорий Харитонович, ни за что бы из гостиницы не поехал.

— Здесь позднего времени не бывает, — отрезал Калашник. — Так, товарищ Громов?

— Во всяком случае, летом, — улыбнулся тот, — на недостаток солнечного освещения жаловаться не приходится.

— Что ж, начнем, — сказал Калашник, придвигая кресло и тяжело наваливаясь на стол. — Рассказывайте, Евгений Николаевич.

Смолин разложил на столе карту побережья.

— Да рассказывать, собственно, нечего, — начал он с легким смущением. — Мысль об использовании энергии приливов и отливов для добычи золота из морской воды по вашему методу, Григорий Харитонович, мне пришла во время экскурсии в Сайда-губу. Течение в заливе создается очень сильное. По моим подсчетам, не менее тысячи кубометров в секунду: сперва во внутрь бухты во время прилива, потом из бухты в океан — когда идет отлив. Это, как мне кажется, составит достаточную энергетическую базу для гидроэлектростанции. Так, товарищ Белявский?

— Пожалуй, — согласился инженер. — Для небольшой станции. Мощностью в пять-десять тысяч киловатт.

— Для первого опыта больше и не потребуется, — буркнул Калашник.

— Но его необходимо осуществить, — поддержал Смолин, — как можно скорее.

Инженер поднял светлые брови и с иронией спросил:

— Что вы подразумеваете под выражением “как можно скорее”?

— То есть, на уровне самых передовых приемов техники.

— Позвольте, — нахмурился инженер. — До уровня техники еще будет достаточно продолжительный уровень изыскательских работ и проектирования. А они, к сожалению, большой скоростью не отличаются.

— А в данном случае, — возразил Смолин, — они будут отличаться. Потому что станция должна начать работать и снабжать энергией первую промышленную установку профессора Калашника не позже, чем через месяц.

Инженер даже привскочил на своем месте.

— С ума можно сойти! Вы меня извините, профессор, но такое задание может прийти в голову только человеку, не имеющему никакого представления о строительстве.

— Да, — спокойно ответил Смолин, — я и есть такой человек. О строительстве гидроэлектростанций я имею очень слабое представление. Но о срочности этого задания мое представление самое ясное.

— Я не понимаю, — возмущенно засопел Калашник. — Как этот человек может упорствовать в своих заблуждениях, когда я ему всю дорогу старался вбить в голову, что значит это строительство?!

Он поднял свое тяжелое тело из кресла, подошел к дверям, где в кучу были свалены пальто и вещи посетителей, вытащил свой огромный, туго набитый портфель, открыл и стал в нем рыться, бормоча невнятные фразы:

— Это вам, черт возьми, не совхозная птицеферма... Это ж дело огромного государственного значения... Сейчас я вам продемонстрирую, товарищи скептики... Куда же она делась?.. Вот черт!.. Ага!

Он вернулся к свету с кипой газет и журналов. Развернул один из них и хлопнул по открывшейся странице.

— Прошу вас послушать, — сказал он, усаживаясь в кресло. — Английский журнал “Нейчур”. Свежий номер, вы его еще не читали, Евгений Николаевич. Сообщение из Америки. С очень тревожными комментариями. “Проблема новых источников золотодобычи”.. “Еще со времен легендарных аргонатов...” Ну, всю эту болтовню я пропускаю... — Калашник что-то загудел про себя, разыскивая нужное место. — “...Истощились ресурсы Калифорнии и Клондайка... Даже казавшиеся неисчерпаемыми запасы Трансваальских золотых руд... Огромный интерес вызывают новейшие опыты извлечения золота из морской воды, поистине неисчерпаемого источника...” Это мы и сами знаем.... А вот: “...Профессору Симпсону с его огромным штатом сотрудников удалось добиться первых успехов в освоении метода добычи золота из воды с помощью ультразвуков чудовищной силы...”. Обо мне и о моих работах, конечно, ни одного слова... Ну, да не в этом дело. — Он махнул рукой. — Здесь говорится, что они будто бы нашли способ удешевить этот метод, и он стал рентабельным. Я не могу понять, что это за способ...

— Возможно это... провокация, Григорий Харитонович? — усомнился Смолин.

— Сегодня это провокация, — загремел Калашник сердито, — а завтра реальность! Вот почему я схватился за вашу мысль, Евгений Николаевич. В этом деле нельзя дать себя опередить ни на шаг. Понятно вам, товарищ инженер? — набросился он на Белявского.

Тот пожал плечами.

— И — будьте уверены! — продолжал Калашник, — вы станете строить так, как этого требует данная ситуация, а не так, как диктуют ваши традиции. Не для того я вас вез и слушал ваше брюзжание, чтобы вы нам рассказывали о сроках проектирования. Далеко эта ваша губа, Евгений Николаевич? — обратился он к Смолину.

— Километра два-три.

— Мы на машине секретаря райкома. Проехать можно?

Смолин отрицательно покачал головой.

— Вот еще объект — дорога к месту строительства, — брюзгливо заметил инженер.

— А, рассказывайте! — отмахнулся от него Калашник. — Вы не возражаете, товарищ Громов, против маленькой пешеходной экскурсии?

— Не только не возражаю, — ответил секретарь райкома, — но без этого нам не обойтись.

— Ну, пошли! — решительно предложил Калашник.

...Красный диск восходящего солнца показался во мгле на горизонте, где сходились свинцово-серая пелена океана и золотисто-белое, словно подпаленное, небо. Смолин шел впереди редкими длинными шагами, упруго отталкиваясь от бурого, отполированного мощным дыханием ветра, гладкого камня под ногами. Секретарь райкома шагал рядом с ним, засунув руки в карманы легкого пальто. Сзади, тяжело дыша и продолжая в чем-то убеждать инженера, двигался Калашник.

— А вы, товарищ Громов, как думаете? спросил Смолин. — Есть возможность осуществить такое строительство за четыре, максимум за шесть недель?

— Возможность есть, конечно, — ответил неторопливо Громов. — Но чтобы она превратилась в реальность, потребуется много усилий. И с вашей, и с моей стороны.

— А какие особые трудности вы предвидите? Времена, когда средства и материалы составляли проблему, давно прошли. У нас есть все и в любых количествах, чтобы выстроить в сжатые сроки какое угодно сооружение. Так я понимаю?

— Так-то так... Все, что потребуется, будет по вашим заявкам доставлено сюда немедленно. Но нужна будет целая армия строителей самой разнообразной квалификации — бетонщики, кессонные рабочие, водолазы, сварщики, арматурщики, слесари, электромонтеры, дорожные рабочие и мастера, мотористы и много других. Ведь здесь совместятся и дорожностроительные, и подрывные работы, сооружение плотины, постройка здания электростанции, ее оборудование... Постройка самого цеха... И не нужно забывать, что мы на самом краю страны... Выход один: мобилизовать на эти работы население района.

— А это возможно?

— Если объяснить, для чего это нужно и почему это важно, — пойдут все как один.

— Значит, главное затруднение в изыскательных работах и проектировании?

— Да.

Они остановились у обрыва, где высокие утесы расступались, открывая вход в горло фиорда. Был час отлива. С моря катились высокие валы, с ревом разбиваясь о скалы. Фонтаны пены поднимались высоко вверх.

— Да-а, — протянул инженер, подойдя к краю и заглядывая вниз. Ветер швырнул ему в лицо горсть тяжелых соленых брызг. Инженер отскочил и сказал еще раз: — Да-а!

— Ну? — угрожающе повернулся к нему Калашник.

— Что ну? — огрызнулся инженер. — В этих условиях на изыскательные работы потребуется не меньше месяца.

— Дальше?!

— И на проектирование... месяца два.

— Дальше?! — в голосе Калашника звучало нескрываемое презрение.

— Потом подвоз материалов. Договоры со строительными организациями. Комплектование рабочей силы. Словом — с весны можно будет начать строительство. А к осени...

— Чепуха! — перебил его Калашник. — К осени, может быть... Только не будущего, а этого года.

Инженер возмущенно посмотрел на него и повернулся к секретарю райкома, словно призывая его на помощь. Тот кивнул головой.

— Профессор прав, — оказал он спокойно, — и вы напрасно горячитесь. Вы сами знаете, что эту осуществимо. — Он помолчал и добавил: Хотя и очень трудно.

Глава 25 СТРОИТЕЛЬСТВО ЗОЛОТОГО ЦЕХА

Это в самом деле оказалось осуществимым, хотя и очень трудным.

Об использовании энергии приливов люди мечтали веками. Подчиняясь могучей силе притяжения луны, вода океана на всей нашей планете два раза в сутки наступает на берега материков. Каждые шесть часов на просторах южных морей зарождается волна прилива. Она пробегает по всем океанам, поднимая колоссальные массы воды на высоту от двух до одиннадцати метров. Энергия морских приливов на земном шаре количественно стоит на втором месте после солнечных лучей. Вполне понятно, что многие задумывались о включении этих огромных ресурсов в энергетическое хозяйство мира. Но только во второй четверти двадцатого столетия появились первые реальные проекты использования “синего угля”.

Они родились в Советском Союзе. Их осуществление оказалось возможным только в условиях социалистического строя. Начиная с конца тридцатых годов, на берегах советских морей всюду, где возникала потребность в дешевой энергии, велись изыскательные работы и проектирование строительства приливных гидроэлектростанций.

Инженер Белявский избрал старый, хорошо испытанный и проверенный в практике вариант. Под его руководством большая группа инженеров и техников в две недели разработала проект мощного железобетонного сооружения, запирающего самое узкое место в горле Сайда-губы.

Схема действия силовых установок была крайне проста. Напор прилива гонит воду в каналы подводной части здания, где располагаются сверхбыстроходные турбины. При отливе поток воды идет в обратном направлении. Поворотные лопасти турбины позволяют ей работать как при одном, так и при другом направлении водного потока. Большой трудностью в проектировании был “мертвый период”, то есть время между приливом и отливом, когда напора воды нет ни в одну, ни в другую сторону. Эта трудность обычно преодолевается сооружением запасных бассейнов. Вода накачивается в них в часы прилива и используется, когда прекращается естественный поток. Но в данном случае сооружение запасных бассейнов задержало бы строительство электростанции. И решили отказаться от постоянного энергетического режима. Потребность в электроток для освещения и малых приборов удовлетворялась аккумуляторной станцией. А работа основных установок профессора Калашника могла осуществляться с двумя двухчасовыми перерывами в сутки.

Ольга с огромным интересом следила за строительством гидроэлектростанции. Она была убеждена, что секретарь райкома Громов применяет свою спокойную уверенность в успехе строительства только как средство морального воздействия на тех, от кого этот успех зависит. Но само строительство — постройка дороги, сооружение электростанции, возведение экспериментального цеха на пустынном берегу океана — представлялось ей делом многих месяцев.

И то, что, вопреки ее ожиданиям, творилось на глазах из дня в день, казалось чудом.

Из окон лаборатории сквозь дымку тумана чуть виднелись крошечные кубики зданий строительного городка, и, смягченные расстоянием, слышались глухие удары взрывов, грохот сыплющихся камней, стрекотание экскаваторов.

Первое, что осуществил Громов, не дожидаясь конца изыскательных работ и проектирования, было строительство дороги. В строительстве приняли участие сотни людей — жители поселка, пожилые, молодежь и подростки из ближайших рыболовецких колхозов и районного центра. Дорога проходила мимо здания биостанции. Ольга видела, как весело и воодушевленно работали эти люди. На девяти отрезках трехкилометровой трассы девять дорожностроительных групп боролись за первое место, чтобы опередить других и помочь отстающим. Ольга понимала, что ими руководит то же чувство, которое привязывает ее на многие часы к приборам и аппаратам, и ее охватывало ощущение глубокой близости к этим людям.

Строительство дороги было закончено за девять дней, как раз к тому времени, когда были завершены изыскательные работы. И на утро десятого дня, по белой щебенке дороги, мимо здания станции, уже катились к Сайда-губе грузовики с материалами, важно тархтели экскаваторы, похожие на исполинских приземистых птиц с вытянутыми шеями, и двигалось множество замысловатых строительных машин.

Весь август стояла безветренная погода и работы не прекращались ни днем, ни ночью. Уже не было сомнений, что строители справятся с заданием в срок. Инженер Белявский попрежнему отвечал на вопросы сердито и брюзгливо, но все уже привыкли к его тону. Работал он с поразительной энергией и неутомимостью. Ежедневно к концу дня он забегал на биологическую станцию “передохнуть”, как он выражался. Ольга закидывала его вопросами.

— Ну, как, Павел Иванович, скоро? — нетерпеливо спрашивала она инженера.

— Скорость, Ольга Федоровна, — понятие относительное...

— Ну, много ли еще осталось?

— Что я могу сказать? — Инженер пожимал плечами. — Я говорю вам, что много, а вы считаете, что совсем пустяки.

— Неужели вы не можете просто сказать? — сердилась Ольга.

Лицо инженера прояснялось. Когда его собеседник терял спокойствие, Белявский неизменно приходил в хорошее расположение духа.

— Будьте спокойны, Ольга Федоровна! — говорил он, усмехаясь. — Не подкачаем. Сами только не спешите. Что-то у вашего Харитоныча настроение не повышается, хотя дело идет к концу.

Настроение профессора Калашника и действительно было неважное. Ольга видела его со дня приезда не более трех раз, и каждая встреча оставляла у нее тяжелое впечатление. Григорий Харитонович заходил к ней в лабораторию, сосредоточенный, угрюмый, мрачно хмурил лохматые брови и односложно отвечал на ее робкие вопросы. Смолина он избегал и каждый раз, услышав его шаги в коридоре, торопливо прощался.

— Куда же вы, Григорий Харитонович? — останавливала его Ольга.

Калашник уже в дверях махал рукой и ворчал сквозь зубы:

— Хватит одного раза!

Повидимому, у него что-то не ладилось. Строительство цеха шло в полном соответствии с его заданием. Ольга побывала в огромном зале, где уже выстроились в четыре ряда вереницы огромных кварцевых цилиндров, предназначенных для извлечения золота из морской воды. Все было так, как требовал метод Калашника, примененный к полужавовским масштабам. Но чем-то Григорий Харитонович был недоволен. Он водил ее по всему цеху, показывал щиты управления, трансформаторы, обогатительные ванны... За ним, как тень, следовал его заместитель — высокий, бледный молодой человек. Калашник, объясняя Ольге назначение неизвестных ей деталей, с раздражением косился на него и, наконец, взорвался.

— Что вы, черт вас возьми, тащитесь за мной, как хвост?! — закричал он через плечо. — Нужно будет, позову. Ступайте!

Молодой человек отошел. Ольга с упреком посмотрела на Калашника.

— Зачем вы его так, Григорий Харитонович?

— А! Не до него мне сейчас! — буркнул сердито Калашник.

— Что же такое с вами? — Ольга отвела взгляд в сторону. — Вы чем-то беспрерывно расстроены...

Калашник испытующе посмотрел на нее.

— Расстроен? — переспросил он, взглянув на нее из-под лохматых бровей. — Нет, это не то слово. Я не расстроен, а разъярен. Как бык, запертый в темном хлеву.

Ольга невольно улыбнулась сравнению.

— Почему же так?

— Нечего мне здесь делать, вот почему! — отрезал Калашник. — Зря теряю драгоценное время. Еще месяц — и даже на Черном море будет трудно работать. А я сижу здесь, как прикованный.

— Что вы говорите, Григорий Харитонович, — удивилась Ольга. — А строительство?

— А что строительство? Ну, выстроим цех. Ну, получим дешевую энергию, если этот брюзга Белявский во время закончит постройку электростанции. А дальше?

— Будете получать золото.

— Нет уж, пусть его получает мой почтеннейший заместитель, — язвительно возразил Калашник. — А я немедленно поеду на юг... Как только увижу первый выход металла.

— Ну, а почему же, Григорий Харитонович?

— Да потому, что мой метод на сегодня уже архаизм. И строить завод для работы по моему методу можно только, когда вынуждают обстоятельства... — Он яростно поскреб бороду и посмотрел на Ольгу злыми глазами. — Поймите, Ольга Федоровна: чем больше масштабы, тем менее надежен мой метод, тем больше энергии требуется для осаждения золота из воды, тем больше растворенного золота ускользает в отходах. В этом зале сто цилиндров, емкостью по пять тысяч литров, значит, одновременно мы можем обрабатывать пятьсот тонн воды. По полчаса на операцию — значит, за двадцатичасовой рабочий день цех пропустит две тысячи тонн воды. Вы представляете себе, какова будет продукция цеха?

— Если в среднем принять тридцать миллиграммов золота на тонну воды, значит, — Ольга быстро умножила в уме, — шестьдесят граммов... Только-то? — невольно вырвалось у нее.

Калашник саркастически усмехнулся.

— Только-то!.. — повторил он с досадой. — Это было бы не так уж плохо. Полтора пуда золота в год. Но что нам из этих шестидесяти граммов достанется — вот в чем вопрос.

— То есть, сколько удастся уловить? — спросила Ольга.

Калашник кивнул головой, подавая ей свою тяжелую руку. Ольга ушла к себе расстроенная. Было ясно, что Калашник охладел к проекту Смолина и с отвращением участвует в его осуществлении. Это было ясно не только из слов Калашника, но из всего его поведения. Он прекратил посещения станции и почти круглые сутки проводил на постройке. Из цеха беспрестанно доносился его громовый голос. Он торопил окончание строительства, словно желая как можно скорее от него освободиться.

День пуска гидростанции и открытия цеха был назначен на 11 сентября. Калашник настоял на том, чтобы не было никаких торжественных церемоний и просил дать ему спокойно руководить работой в течение всего первого дня.

Отлив начинался в три часа утра. Ольга проснулась в половине третьего и уже не могла уснуть. День начинался пасмурный, хмурый, неприветливый. Ольга вскочила с постели, подбежала к окну. В утреннем сумраке скрывались туманные дали. Ольга долго всматривалась в белесую мглу, поеживаясь от холода. Было необычно тихо. И вдруг — сердце ее вздрогнуло и сильно забилося — сквозь туман блеснула яркая точка... вторая... третья... Это вспыхнули огни гидростанции. Турбины дали первый ток.

Весь день прошел как в чаду. От бессонной ночи и волнения Ольга с трудом осознала свои поступки.

— Как дела? — спросил ее при встрече Ланин.

— Шестидесят граммов, — ответила она, и так смутилась, что забыла поправиться.

В два часа дня в лабораторию заглянул Евгений Николаевич.

— Хотите пройти? — спросил он ее, улыбаясь.

— Очень!

Ланин тоже не удержался. Втроем они шли по мелкому щебню дороги, уже сильно выбитому за месяц. Они двигались быстро, подгоняемые нетерпением. Все трое молчали. Каждый был занят своими мыслями.

Дорога проходила в глубокой выемке между скалами, потом поднялась на перевал. Отсюда открылся общий вид на возведенные сооружения. Горло губы было крепко схвачено широкой бетонной плотиной. Над ней возвышалось здание гидростанции. На берегу залива стояло массивное строение с огромными окнами — цех золотодобычи. Вокруг в беспорядке рассыпались строительные машины, экскаваторы, тракторы-тягачи. Они застыли в неподвижности, словно устали до изнеможения от своего месячного труда.

Облака разошлись. В окнах цеха вспыхивало неяркое сентябрьское солнце. Смолин подошел к проходной будке, чтобы получить пропуск. Но дверь с грохотом распахнулась. На пороге появился Калашник. Он остановился, устало прищурился на солнце, вытер шею и лоб платком. В руке он держал помятую шляпу. За Калашником стояли двое — его заместитель и секретарь райкома.

— Все! — оказал Калашник и нахлобучил шляпу.

Не оглядываясь и не замечая Смолина с его спутниками, он зашагал по дороге, на ходу надевая пальто.

— Какие же будут распоряжения с вашей стороны? — спросил неуверенно заместитель.

— Никаких! — буркнул Калашник, продолжая шагать.

— Значит, действовать по своему усмотрению?

Настойчивость заместителя вывела Калашника из себя. Он круто повернулся.

— Да, именно так, по вашему, усмотрению, — закричал он. — Десять граммов продукции вы имеете? Ну, и продолжайте работу. Четыре килограмма в год я вам гарантирую. А там видно будет. Больше вопросов нет? — Он ждал ответа не больше секунды, пронизывая своего заместителя сверлящими воспаленными глазами. — До свидания, — буркнул он, наконец, и махнул рукой.

— Григорий Харитонович, у меня машина, я вас подвезу, — оказал секретарь райкома.

Калашник отрицательно покрутил головой и снова зашагал по пыльной щебенке, залитой мазутом и нефтью.

Ольга грустно посмотрела ему вслед. Смолин в раздумье потрогал усы.

— Что-то вышло не так, — сказал он.

Ольга и Ланин молчали. Смолин добавил:

— Жаль!

Глава 26 ПЕТРОВ ЗОВЕТ НА ПОМОЩЬ

В туманное, сырое утро Смолин, проходя мимо лаборатории Ольги, постучал в дверь и крикнул:

— Ольга Федоровна, позовите Ланина и заходите ко мне!

Ольга сбегала в аквариальную, заставила Ивана Ивановича оторваться от микроскопа и подняться наверх. Евгений Николаевич поднялся из-за стола им навстречу:

— Вот что, друзья. Нам предстоит расстаться.

Ланин удивленно поднял свои густые брови.

— Расстаться? Разве вы уезжаете?

— Да.

— И куда же?
— В Севастополь. Петров зовет на помощь.
Он протянул Ланину бланк телеграммы.
— "...Необходимо ваше присутствие. Петров", — вслух прочитал Ланин.
— Что-нибудь случилось? — встревожилась Ольга.
— Очевидно. Надо ехать как можно скорее. Вам, Иван Иванович, я попрежнему поручаю общее руководство станцией и прошу вас приложить все усилия, чтобы добиться окончательных результатов с культурой ламинарии. А вас, Ольга Федоровна, я прошу помогать Ивану Ивановичу во всем. Я вами был доволен — вы работали, не зная отдыха, самоотверженно, героически, проявляя огромный энтузиазм. Я надеюсь, что Иван Иванович останется вами также доволен.
Ольга густо покраснела, но спокойно выдержала испытующий взгляд Евгении Николаевича.
— Вы с вечерним пароходом? — спросил Ланин. — Сегодня отходит "Крылов".
— Нет. Я звонил коменданту порта. Сейчас идет катер. Мне дают место.
— Вы так торопитесь?
— Да. Собираться мне недолго.
Он протянул руку Ольге, потом Ланину.
В движениях Смолина сквозило нервное напряжение.
— Мы проводим вас, — предложил Ланин.
— Не нужно, — отказался Евгений Николаевич. — Это совершенно лишнее. Мой чемодан весит немного. А вам не стоит зря терять время. До свидания.
Шаги Смолина затихли в глубине коридора.
— Вот мы и одни, — сказал Ланин.
Ольга не ответила. Через окно она увидела Смолина, быстро переходящего по деревянным мосткам к общежитию. Он, наклонив голову, вбежал по ступенькам и скрылся за дверью. Ольга и Ланин медленно спустились в аквариальную. Ольга тотчас подошла к окну, а Ланин сел за микроскоп и погрузился в работу, забыв обо всем. Минут через десять Смолин вышел из общежития с чемоданом в руке, в пальто и шляпе. Он взглянул на часы и торопливо зашагал по тропинке через горы, в поселок. Поднимался он быстро, часто перекладывая чемодан из одной руки в другую. Ольга не отрывала глаз от его фигуры, которая становилась все меньше и бледнее, исчезая в мглистом воздухе. Наконец, Ольга перестала что-либо видеть в тумане.
— Да. Вот мы и одни, — сказала она как запоздавшее эхо.

Глава 27 ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

Калашник проснулся... точно кто-то грубо толкнул и разбудил его. С колотящимся сердцем он сел на кровати, еще ничего не соображая спросонья.
— Кто? — опросил он, ничего не видя в темноте.
Ответа не было. Он подождал несколько секунд, затаив дыхание. Ничего не было слышно. Тогда он шумно откашлялся, встал и босиком подошел к раскрытому окну. Теплое дыхание ночи было беззвучно. Он сел у окна. Мысли были все так же спокойно мрачны, как и накануне. Спать не хотелось. Он оделся — работа была для него единственным средством отвлечься от тяжелых раздумий. Присел к столу, развернул свои рукописи. Но гнетущее настроение не давало сосредоточиться.
"Плохо, друг мой, плохо", — сказал он себе. Решение проблемы, над которой он бьется, пока не приближается, а он все глубже и глубже увязает в усложнении своего метода.
— Что же, черт возьми, делать? — спросил он себя во весь голос.
Тишина дрогнула и снова настороженно застыла. Он встал, шумно прошел тяжелыми шагами по комнате, отталкивая ногами попадающиеся на пути стулья, чтобы отделаться от гнетущего впечатления этой тишины. Остановился у окна, облокотился широкими ладонями на подоконник и опять задумался.
"Итак, надо честно сознаться, что это соревнование я проиграл..." -он горько усмехнулся и ударил по подоконнику крепко сжатым кулаком.
— Черт!
В дверь тихо постучали. Калашник, не оборачиваясь, машинально крикнул:
— Войдите!
Сноп света, ворвавшийся в открываемую дверь, упал на его руку и погас. Кто-то позвал с порога:
— Григорий Харитонович?
— Кто здесь? — обернулся Калашник.
— Это я — Смолин!
— Евгений Николаевич?! — удивился Калашник.
Он подошел к столу, пошарил выключатель и зажег настольную лампу. Свет из-под абажура наполнил комнату тревожным полумраком.
— Извините, что я так поздно... — сказал Смолин. — Но я принужден обратиться к вам за помощью. Мне сказали, что вы остановились в этой гостинице.

— Что такое? — насторожился Калашник. — Да вы проходите, садитесь.

Смолин подошел к столу, но не сел, а стал около стула, держась за его спинку.

— Когда вы приехали? — спросил Калашник.

— Семь часов назад... И не нахожу себе места от беспокойства. Я получил телеграмму от Петрова с просьбой приехать. Но дома его не оказалось, в лаборатории тоже. Я выяснил, что вчера он отправился в Балаклаву... Но он давно уже должен был вернуться. Сотрудники подтверждают: ни разу не случилось, чтобы он не ночевал дома. У меня много поводов для тревоги о Петрове.

Калашник поднял на него глаза.

— Не понимаю... Молодой человек гуляет... Вот и все...

— Вы не видели его днем?

— Я его встретил здесь, в коридоре, рано утром...

— Он... ничего вам не говорил, куда и зачем он собирается?

— Нет.

Смолин отпустил спинку стула и медленно пошел к дверям.

— Куда же вы, Евгений Николаевич? — удивился Калашник.

Смолин остановился, потирая в раздумье лоб.

— Я думаю, что мне следует сейчас же ехать в Балаклаву.

— В такой час?

— Это не имеет значения. Там, где я буду наводить справки, не знают разницы между днем и ночью...

Извините меня, Григорий Харитонович. Покойной ночи.

Калашник стоял посреди комнаты возбужденный тем, что услышал. И когда Смолин уже скрипнул дверью, Григорий Харитонович крикнул:

— Стойте! Я пойду с вами!

...Машина вылетела на Проспект Победы, далеко освещая лучами мощных фар тихую и темную в этот час, прямую магистраль.

Смолин смотрел в темноту, крепко держась за петлю в кабине. Рядом с ним, привалившись к подушкам, неподвижно сидел Калашник. Сквозь город они проехали, не обменявшись ни словом. И только, когда в окошко засвистел степной ветер, Григорий Харитонович зашевелился на своем месте.

— А как вообще дела? — спросил он, доставая портсигар.

— Если мы не будем допускать ошибок, — ответил Смолин, — задача будет нами разрешена. Для этого есть все предпосылки.

Он повернулся к Калашнику и взял папиросу из протянутого портсигара. Вспыхнула спичка, блеснули горящие напряжением глаза.

— А что у вас? — спросил Смолин после паузы.

Калашник недовольно засопел и задвигался, словно ему было неудобно сидеть.

— Что ж у нас... Пока особых успехов нет.

Машина крутилась на поворотах шоссе, сбегающего в долину. Небо на востоке чуть-чуть посветлело.

— Нам нужно работать вместе, Григорий Харитонович, — сказал Смолин. — Сейчас уже наметились контуры решения проблемы и нужно максимальное сплочение сил. Решение надо ускорить.

Калашник промолчал. Резкий ветер ворвался в кабину. Смолин опустил стекло. Шофер обернулся к ним.

— Балаклавский сквознячок.

Мелькнули высокие кипарисы и темная зелень садов, выхваченная из мрака кинжальным светом фар. Машина пошла по Балаклавской набережной, мимо зданий, уснувших над неподвижной водой залива. Смолин тронул шофера за плечо. Автомобиль остановился около двухэтажного белого здания с ярко освещенными окнами. Евгений Николаевич выскочил из кабины и бросился в дверь. Калашник остался в кабине.

Долго сидел он неподвижно, откинувшись на подушки. Уже в рассветной мгле возникли контуры гор и засветились ворота Балаклавской бухты. Калашник все смотрел перед собой из-под нахмуренных бровей и думал: "Работать вместе?.. Нет, дороги у нас разные. Вы — под счастливой звездой, Евгений Николаевич, вы — баловень судьбы... имеете все предпосылки к решению стоящей перед вами задачи... А я уже исчерпал запас своих идей... В голове — полная пустота и мрак. А помогать вам в качестве подсобной силы я не намерен. Не намерен".

— Зачем же ты, собственно, поехал с ним? — спросил он себя вслух.

— Что вы? — очнулся от дремоты шофер.

— Ничего, ничего, спи, — проворчал Калашник.

— Вы спите, Григорий Харитонович? — услышал он голос Смолина и очнулся.

— Нет, не сплю. Как дела?

— Как вам сказать... Кажется, все повертывается в благоприятном свете. Меня пристыдили за излишнее беспокойство. Правда, я настоял, чтобы они связались с ближайшими пограничными постами — не слышно ли чего-нибудь подозрительного. Как будто, все в порядке...

— Простите, что-то я ничего не понимаю, — сказал Калашник. — Вы узнали что-нибудь о Петрове?

— Да, узнал. Он приехал вчера днем, чтобы увидеть по срочному делу полковника Колосова...

— Это работник местного управления МВД? Зачем же ему быть здесь? — удивился Калашник.

— Он приезжает в Балаклаву отдохнуть. Страстный рыболов. По выходным дням гостит у балаклавских рыбаков. В субботу вечером он выехал на промысел. Говорят, обычно после ловли он остается на день у рыбаков, а к вечеру возвращается. Но бывает, что он снова в ночь отправляется на ловлю. Петров прождал его весь вечер и, так как Колосов не вернулся, пошел к нему через горы. Они уверены, что он выехал с Колосовым на рыбную ловлю. С восходом солнца рыбаки вернутся и привезут обоих.

— Так... — сказал Калашник. — Что же, поедем домой? Или подождем восхода солнца?

— Пожалуй стоит подождать, — ответил нерешительно Смолин.

Он подумал немного, смотря на силуэты генуэзских башен, чуть проступившие на помутневшем небе, и сказал:

— Все это очень хорошо, — рыбная ловля, и отдых, и все прочее. Но я не могу понять, какое срочное дело привело сюда Петрова? Что заставило его сидеть здесь целый день и тащиться на Большой берег через горы?

— Дождемся его возвращения, выясним, — пожал плечом Калашник. — Садитесь пока. Дремлите. Хотите папиросу?

Смолин машинально протянул руку, но сейчас же отдернул.

— Не хочу, — сказал он рассеянно. — Послушайте, Григорий Харитонович...

— Да?

— Вы не любите ходить?

— А в чем дело?

— Я скажу вам прямо — я очень волнуюсь... И имею на это причины. Может быть, это смешно, но я не могу здесь сидеть в ожидании... Идемте...

— Куда?

— На Большой берег. Подождем там. Мне сказали, что с прибрежных скал их можно увидеть. У Колосова — бинокль. Нас заметят. Ну, что здесь томиться три часа? Идемте...

Калашник молча вылез из кабины. Они отпустили шофера и пошли. Под ногами у них застучали полуразвалившиеся ступени каменной лестницы. Они поднимались к Генуэзской башне — любимому месту прогулок жителей Балаклавы. Отсюда шла тропинка на Большой берег.

Смолин шел впереди, широко шагая длинными ногами и резко выбрасывая руки. Сзади тяжело дышал Калашник. Небо светлело. Море, черное и глянцевитое, точно политое маслом, ворчалло глубоко внизу.

— Далеко это? — спросил Калашник.

— Да нет, не больше сорока минут хода. Скоро придем.

Они шли по высоким выпуклым холмам, поросшим перегоревшей травой. Дул ветер, обвеивая их разгоряченные лица. Калашник остановился.

— Смотрите-ка, вон там. Это, кажется, они.

Смолин посмотрел на море. Далеко, почти у горизонта, из черноты светили крошечные, неподвижные огоньки.

— Пожалуй, — согласился Смолин.

Они прибавили шагу. По стремительным движениям Смолина, по его молчаливой отчужденности, Калашник догадывался, как тот волнуется. Постепенно возбуждение передалось и ему. Бессонная ночь обострила чувства, притупила мысли, и он, уже не отдавая себе отчета, ощущал тревогу Смолина как свою.

— Теперь вниз, — сказал Евгений Николаевич.

Крутой, поросший сосняком и можжевельником глинистый склон уходил под ногами в полумрак. Они спускались уже не разбирая дороги, напрямик, продираясь плечами через колючие кусты, срываясь на крутящихся под ногами камнях и комьях засохшей глины. Море шумело все ближе и ближе... Наконец, они очутились на просторном пляже, растянувшимся по широкому берегу. Под ногами захрустела галька.

— Вот и Большой берег, — сказал Смолин.

Уже совсем посветлело небо. Звезды погасли. В беловатом, смутном свете рождающегося утра Калашник увидел усталое, измученное лицо Смолина, устремленное в море.

Они поднялись на высокие скалы у берега. Внизу черные волны разбивались фонтанами брызг, долетавших до их ног тяжелыми каплями.

— Петро-ов! — крикнул изо всех сил Смолин, приложив рупором руки ко рту.

— Ко-ло-сов! — вторил ему глубоким хрипловатым басом Калашник.

Они опустили руки и прислушались. Сквозь шум моря ничего не было слышно.

— Но они должны нас услышать, — сказал Смолин. — Им не так мешает шум моря, как нам.

Они кричали, напрягая голоса, пока не запершило в горле. Калашник, прищурясь, пристально смотрел на море.

— Нас заметили, — спокойно сказал он. Далеко, далеко — там, где темная вода сливалась с горизонтом, показалось маленькое белое пятнышко. И в перерывах между ударами волн о скалу можно было различить ровное стрекотание мотора.

Лодка приближалась. Смолин, махая руками над головой, всматривался в тех, кто в ней был, и пытался разглядеть среди них Петрова. На носу стоял человек, направлявший в их сторону бинокль. К мотору наклонился второй. У руля сидел третий.

— На носу — Колосов, — определил Смолин.

Лодка неслась наперерез волнам. Теперь уже отчетливо были видны борта и белые буквы на них.

— У руля — человек в форме, — это не Петров, — сказал Калашник. — Значит, если третий не он...

— Что же ему делать у мотора? — возразил, прикусив губы, Смолин.

Третий выпрямился.

— Нет, не он, — тихо проговорил Калашник.

Мотор смолк. Колосов крикнул что-то в рупор.

— В чем... дело? — донеслось сквозь шум прибоя.

— Ищем... Петрова... — закричал Смолин. Его... нет с вами?

— Какого... Петрова?

— Из группы Смолина!..

— Это... профессор Смолин?

— Я!..

— Берем вас на борт!

Калашник и Смолин сбегали вниз, оступаясь на скользких камнях. Лодка подошла, поднимаясь и опускаясь на волнах. Моторист осторожно удерживал ее багром, не давая ударяться о скалы.

Смолин прыгнул с берега в лодку и чуть было не оступился. Колосов поддержал его за талию. Калашник дождался момента, когда лодка оказалась вплотную у берега, и спокойно перешагнул через борт.

— Что случилось? — спросил Колосов, усаживая ученых.

— Пропал Петров, — сказал коротко Смолин.

— Расскажите все по порядку, — предложил Колосов и крикнул мотористу: — Отводи лодку от скал и давай полный! Идем прямой Севастополь.

...Итак, еще одна катастрофа. Петров исчез. Подавленный, сидел Смолин на носу лодки, устремив взгляд в лиловую темную воду. Брызги летели ему в лицо и стекали каплями с опустившихся усов. Калашник тронул его за плечо:

— Смотрите-ка, Евгений Николаевич...

Смолин поднял голову. Странный необычайный свет излучался на востоке. Солнце еще не восходило, но горизонт уже засветился ярким латунным блеском. От него веером расходилось по небу желтое сияние. Море отливало мрачными темнолиловыми красками. И чем ярче разгорался этот пожар неба, тем мрачнее становилось море. Лишь кое-где, в гребешках волн, загорались и погасали золотые искорки.

Солнце раскаленным добела краем показалось из-за горизонта. И внезапно ослепительным светом озарилось все море! Куда ни падал взгляд, всюду переливалось как бы расплавленное золото, блистая всеми оттенками желтобелого цвета.

Там, где тени сгущались, море горело червонным отливом. Где дробилась вода, растекаясь на скалах, поднимаясь фонтанами брызг, светложелтое золото прыгало миллионами пылающих звезд.

Все, кто был в лодке, щуря сипнущие от блеска глаза, ошеломленно смотрели на невиданное зрелище.

Смолин быстро спустил руку за борт и зачерпнул в горсть воды. Калашник хмуро, исподлобья, следил за его движениями. Смолин смотрел, не отрывая глаз, как капли воды, медленно просачиваясь сквозь пальцы, стекали по коже. Вот уже последняя капля поползла по его руке. Он разжал пальцы, рассматривая высыхающую ладонь. Измученное лицо его осветилось внезапно вспыхнувшей мыслью.

— Так вот в чем заключалось открытие бедняги Крушинского! — произнес он негромко, качая головой. — Бактериальная пленка!

— Что? — спросил, не понимая, Калашник.

— Это золотонакопляющая бактерия, — ответил Смолин. — Очевидно, в тканях золотой водоросли, сожительствуя с ней, размножались микробы, концентрирующие золото из морской воды. В результате наших экспериментов, повидимому, микробы попали в море, размножились и вот вам результат — золотая бактериальная пленка.

Глава 28

В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЛОСЬ ОТКРЫТИЕ КРУШИНСКОГО

Изо дня в день, потеряв счет неудачным попыткам, Петров продолжал опыты с остатками золотой водоросли. Прошло уже больше трех месяцев после отъезда группы Смолина на Мурман. Бесперывные неудачи удручали Петрова, но он продолжал с яростной настойчивостью ставить культуру за культурой.

Был уже конец августа. Однажды, доставая утром из несгораемого шкафа очередную порцию золотой водоросли, он случайно бросил взгляд на свинцовый футляр. Там хранился изотоп золота, привезенный Смолиным из Москвы. Аркадий отвинтил крышку, посмотрел на флакон с желтыми кристаллами и удивился, как это раньше ему не пришло в голову поставить культуру в растворе радиоактивного золота? Ведь это же — самое надежное средство контроля за накоплением золота!

На другое утро он собрал со дна аквариума измельченные частички золотой ветви и проверил содержание в них радиоактивного золота. Стрелка на циферблате гейгеровского счетчика еле шевельнулась. Ну, так и должно быть. На мертвых частичках, пролежавших в растворе целые сутки, должны были зацепиться отдельные мицеллы радиоактивного золота.

Петров продолжал обследование всего, что было в аквариуме — налетов на стенках, осадка на дне, бактериальной пленки. Когда в камеру счетчика было положено стекло с пленкой, загорелась сигнальная лампочка и стрелки на обоих циферблатах с тонким стрекотаньем пришли в движение. Аркадий смотрел ошеломленно и не понимал, в чем дело. Потом он бросился со стеклом к микроскопу.

Долго, дрожащими пальцами, водил он препарат взад и вперед, вправо и влево, пытаясь обнаружить какие-либо следы проростков. Водил — и видел: ровные ряды палочек, тесно прилегающие друг к другу, и ничего больше.

В недоумении он оторвался от микроскопа. Взял еще пробу с бактериальной пленки, снова подивился ее поразительной радиоактивности. И внезапно догадка осветила сознание. Он выхватил из аквариума несколько крошек, раздавил их на предметном стекле, подсушил, потом выдавил из пипетки на препарат капельку красящего раствора, употребляющегося для быстрой окраски микроскопических препаратов растений, накрыл покровным стеклом и поставил под самое большое увеличение. Он уже успокоился и руки его обрели привычную ловкость. Но когда он наклонился над микроскопом, пальцы его снова задрожали. Он увидел — с поразительной ясностью, словно выведенный тушью рисунок — тончайшую сеть, сплетенную в клетках водоросли из нитей микробов.

— Так вот в чем тут дело! Симбиоз! — прошептал Петров. От волнения у него потемнело в глазах.

Да, сомнений не оставалось. Золотая водоросль оказалась убежищем для микробов, накапливающих золото в ее тканях. Петров уговаривал себя не волноваться, не суетиться, не дергаться. Сжигаемый своими переживаниями, он все-таки заставил себя провести в лаборатории и день, и ночь, проверяя сделанное открытие. И только утром на другой день он отправил телеграмму Смолину.

Но спокойно ждать приезда профессора было свыше его сил. Еще два дня прошли как в чад. Петров сидел в лаборатории до вечера, включая и выключая счетчик для испытания новых и новых проб бактериальной пленки. Все было ясно. Открывался совершенно новый путь исследований.

Вечером он открыл несгораемый шкаф, чтобы достать очередную порцию золотоносной водоросли для постановки новой культуры. И вдруг он вспомнил ту минуту, когда в полумраке лаборатории Крушинского несколько месяцев назад так же вот зазвенел замок, открылась тяжелая дверца и перед их глазами тускло блеснули медью пустые полки. Вспомнил — и все тело его покрылось испариной. Может быть, именно за это открытие поплатился жизнью бедный Николаи Карлович!.. Несколько мгновений он смотрел на остатки золотой водоросли в картонной коробке, чувствуя, как замирает сжатое внезапным волнением сердце...

Потом захлопнул дверцу, положил ключ в карман и побежал к телефону. Колосова в Севастополе не оказалось. Петров долго добивался, чтобы ему сообщили, где находится полковник. Наконец, к телефону вызвали знакомого Петрову лейтенанта, который объяснил, где искать Колосова.

... Он медленно спускался по глинистому обрыву Большого берега к морю, не спуская глаз с горизонта, где, чуть видные в вечернем сумраке, маячили белые пятна рыбацких лодок. Кусты орешника и можжевельника цеплялись за его одежду, но он не обращал внимания на эти помехи. В нетерпении он шел не тропинкой, а кратчайшим путем, по крутому, высохшему ложу ручья, покрытому глубоко ушедшими в глину камнями.

В его возбужденном воображении беспрерывно мелькало пережитое за последние трое суток. Бешено крутящаяся на циферблате стрелка гейгеровского счетчика непрерывно стояла у него перед глазами.

Он услышал шуршанье и стук катящихся камней, точно кто-то бежал за ним. Но прежде чем успел оглянуться, он почувствовал толчок... удар... и потерял сознание...

Потом, были минуты просветления. Он очнулся. Над ним в недостижимой высоте медленно плыли звезды. Голова невыносимо болела. Все тело затекло. Он попытался пошевелиться, но не мог, — его плотно опутывала веревка, врезавшаяся глубоко в мышцы.

Он хотел крикнуть, но издал только глухой стон, — во рту была тряпка, а поверх нее на челюстях лежала плотная повязка. Он повел глазами. В ночной мгле чуть виден был силуэт сидящего рядом на корточках чело-

¹ С и м б и о з — сожительство двух различных организмов, из которого оба организма извлекают пользу.

века. Его крючковатый нос свесился на искривленные губы... Человек повернулся к Петрову. Аркадий задвигался по земле, пытаясь подняться... Снова почувствовал резкую боль. И опять все заволгло туманом...

Из тумана временами выплывали странные, бредовые картины, Петров уже не помнил, что рисовало ему помраченное сознание и что в действительности возникало в окружавшем его полумраке. Наиболее реальным было впечатление тусклого света, исходившего от лампочки, которая мигала среди крошечной мглы у него перед глазами.

Его ложе тряслось непрерывной мелкой дрожью. Петров догадывался, что это работа мотора. Он понял, что его везут по морю. Сильно качало. Повязка с лица была снята. Несколько раз подступала мучительная рвота, скручивающая желудок... И после нее опять восприятие окружающего терялось...

Последний раз он очнулся, чувствуя, что его несут, тяжело ступая по твердой земле. Занимался рассвет... Петров увидел несколько человеческих фигур, услышал непонятный гортанный говор. Долго вслушивался он в короткие обрывистые фразы, произносимые негромкими голосами. Аркадий пытался понять хотя бы слово, но ничего не мог разобрать. Потом опять все исчезло...

Глава 29 ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Аркадий открыл глаза... Сразу навалилось ощущение тяжелой ломоты во всем теле. Он потянулся, расправляя сдавленный болью позвоночник, пошевелил руками, приподнялся на локте и осмотрелся. Он находился в помещении, погруженном в полумрак. Свет пробивался сквозь узкие щели под потолком, еле освещая голые серые стены, глинобитный пол и соломенную циновку, на которой лежал Аркадий.

— Вот так история! — прошептал он. — Завезли черт знает куда... И кто завез — неизвестно... И зачем завезли — тоже неизвестно. Но надо быть готовым ко всему.

Он попытался сесть, но не удержался и упал, больно стукнувшись затылком о стену. Несколько минут он лежал на циновке, уткнувшись лицом в измятый рукав пиджака, собираясь с силами. Наконец, ему стало легче. Он осторожно встал на четвереньки. Поднялся, держась за стену, на ноги. В голове шумело. Но постепенно сквозь боль к нему возвращалось ощущение своих мышц, своего тела. Он сделал несколько резких движений, морщась от ломоты в суставах. Теперь можно было сесть и подумать о том, что делать.

Он украден... И нечего ломать голову над мотивами похищения — они совершенно ясны.

Ни для кого в мире его персона не представляла интереса, помимо его деятельности в лаборатории профессора Смолина.

Его привезли сюда, чтобы получить сведения о работе с золотой водорослью... По его спине пробежали мурашки.

“Что же делать?... Буду молчать — решил он. — А побои? Попытки? — мелькнуло в голове. Но он отогнал эту мысль. — Будь, что будет”.

Прежде всего надо решить — куда его привезли? Путешествие по морю было, вероятно, недолгим. На рассвете судно уже пристало к берегу. Следовательно, переезд длился не больше четырех-шести часов. И все же, на быстроходном судне за такой срок можно переплыть Черное море в любом направлении.

Он встал, обошел все тесное помещение — четыре шага вдоль, три шага поперек — глядя вверх, откуда пробивался свет. Там, под самым потолком была узкая, в ладонь шириною, щель.

Стена была, невидимому, толстой: через щель ничего не было видно — ни неба, ни зелени деревьев, ни стен соседних зданий. Аркадий осмотрел дверь, сбитую из тяжелых, массивных досок. Аркадий толкнул ее. Она даже не шевельнулась, — невидимому, снаружи ее держал прочный засов.

Петров припал к двери ухом, прислушался. Сначала в едва слышном шуме, проникавшем сквозь толстые доски, ничего нельзя было разобрать. Потом пробились голоса, но они звучали так неотчетливо, что Аркадию не удавалось различить ни одного слова. Говорили, повидимому, трое. Ясно можно было различить только ин-

тонацию, — заискивающую, подобострастную у двоих, и повелительную, резкую у третьего. Это был высокий баритон металлического тембра.

Затем за дверью послышались шаги. Петров отскочил, бросился на циновку, лег и закрыл глаза.

Загремел засов. Скрипнула дверь. Кто-то вошел в комнату и остановился перед циновкой. Сквозь ресницы неплотно закрытых глаз Аркадий увидел смуглое бритое лицо с ястребиным носом, черные волосы и густые черные брови, рубашку, небрежно расстегнутую на груди, светлосерый костюм. На губах у вошедшего застыла не то брезгливая, не то досадливая усмешка. Он толкнул Петрова носком ботинка. Аркадий медленно поднял веки, словно очнувшись от обморока, и изобразил на лице выражение тупого испуга.

— Ну? — сказал брюнет.

Петров застонал.

— Поднимитесь! — резко приказал брюнет.

Петров медленно, исказив лицо болезненной гримасой, повернулся к нему всем корпусом, приподнялся на локте, но не встал.

— Ну-с, понятно вам, где вы находитесь и что от вас нужно?

Петров отрицательно покачал головой.

— Хорошо, будем знакомиться. Ваша фамилия Петров. Вы сотрудник профессора Смолина и его помощник в работе над биологическими методами извлечения золота из морской воды. Так?

Петров пожал плечами.

— Очень хорошо, — продолжал противный звенящий голос. — Позвольте представиться мне самому. Моя фамилия... ну, скажем, Смит. Она не имеет для вас никакого значения, так как вами интересуюсь не я сам, а... так сказать, инстанция, стоящая надо мной.

— Чего же от меня хочет эта ваша... инстанция? — угрюмо спросил Петров.

— Она хочет получить от вас некоторые сведения. Разумеется, не даром. Даром у нас ничего не делается. А за соответствующее вознаграждение. Вы будете хорошо обеспечены, и — я это гарантирую — освобождены и сможете жить, где захотите. Сможете вернуться к себе на родину — доставку мы вам также гарантируем — или избрать для проживания любую другую страну.

От сдерживаемой ярости Петров почувствовал приступ тошноты. Он проглотил слюну, облизал пересохшие губы и грубо спросил:

— А если я ничего не скажу?

— Нет, вы скажете! — уверенно возразил Смит. — Или умрете здесь — в этом хлеву. Третьего выхода для вас нет. Подумайте. Время у нас есть.

Смит повернулся на каблуках и вышел, стукнув дверью.

Петров вскочил с циновки и бросился было к двери. Но снаружи загрохотал засов, и Аркадий снова сел на циновку, прислонившись спиной к стене. Он тяжело дышал от возбуждения. Голова горела. Обрывки бесвязных мыслей проносились в голове.

Что можно предпринять? Дождаться вторичного прихода этого Смита и сделать попытку схватиться с ним? Какой в этом смысл? Даже, если удастся одержать над ним верх, бегство из этой комнаты — все равно, что самоубийство. Снаружи, конечно, — охрана.

Попытаться обмануть, придумать какую-нибудь небылицу, притвориться сдавшимся на милость своих тюремщиков? Но что придумать, как обмануть?

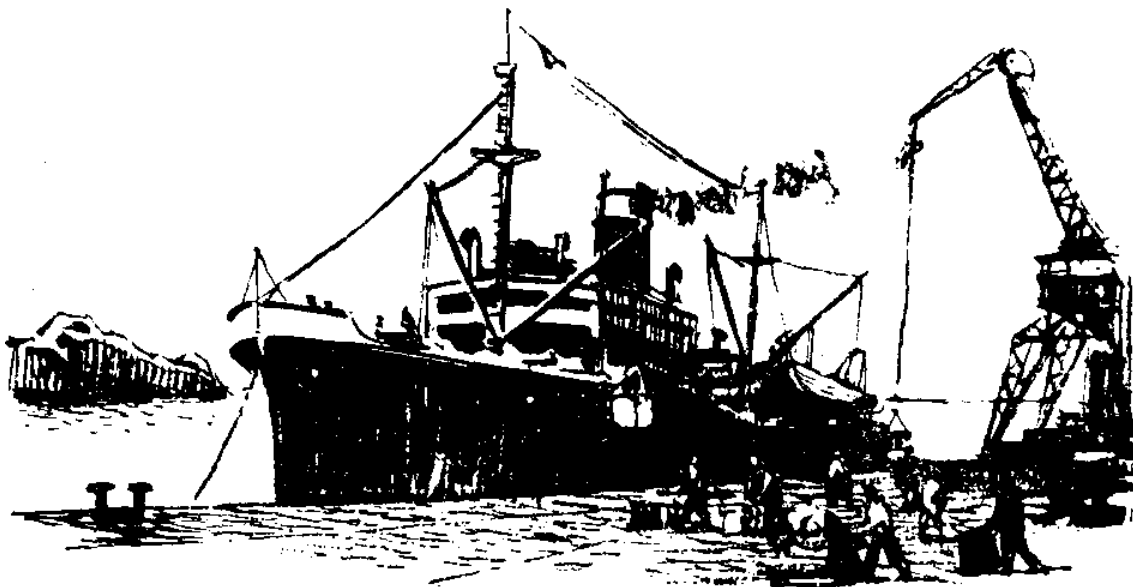
Снаружи снова звякнул засов и дверь завизжала, впуская невысокого сгорбленного старика в халате, перетянутом пестрым платком. Старик поставил перед Петровым широкую низкую скамейку. На ней был поднос с небольшими закрытыми мисками. И только теперь Петров вспомнил, что он ничего не ел, наверно, уже более суток.

Как только за стариком захлопнулась дверь, Аркадий сел на циновке и нетерпеливо поднял крышки с сосудов. Обоняние защекотал острый запах баранины, поджаренной с луком. Петров попробовал. Блюдо было густо сдобрено томатом и перцем, но вкус его показался Петрову недурным. Он нерешительно взял широкую вилку, съел один кусок, другой, и незаметно прикончил все блюдо. В другом сосуде была рыба, также приготовленная с томатом, луком и перцем. Перца было так много, что он обжигал рот.

— Восточная кухня! — сказал Петров, крутя головой.

Но рыба ему тоже понравилась, хотя после нее во рту жгло еще сильнее. Ему захотелось пить. Он осмотрел остальные сосуды. Ни воды, ни вина в них не было. А жажда становилась все острее. Он встал и пошел было к двери, чтобы позвать старика... И вдруг со всей обнаженной очевидностью перед ним раскрылся смысл этого обеда. Пытка — вот что это такое! Ему не дадут пить, чтобы заставить говорить.

Он подошел к двери... Постоял перед ней в нерешительности. Потом тихо постучал и прислушался. Никто не отзывался. Он постучал сильнее. Ответа не было.

Часть четвертая ТАЙНА КАРАДАГА

Глава 30 МОРЕ НЕ СОХРАНЯЕТ СЛЕДОВ

...В городе творилось невообразимое... Сотни лодок бороздили сверкающую и переливающуюся на солнце поверхность залива. Небо пылало зноем. Станный свет сиял над городом, придавая фантастический медно-красный оттенок лицам, одежам, стенам зданий, асфальту улиц, зелени деревьев на бульварах...

— Феерия! — процедил в раздумье Калашник.

Он стоял у окна и смотрел на волнующуюся, пеструю севастопольскую толпу.

Людские потоки стремились к набережным. Каждый хотел своими глазами увидеть необычайную окраску моря.

Смолин не отозвался. Его похудевшее, осунувшееся лицо, его глубоко запавшие глаза казались невозмутимо спокойными. И только плотно сжатые губы да застывшая на лбу сетка глубоких складок, выдавали напряженную работу мысли. Он сидел, откинувшись на спинку кресла, в глубине комнаты. Рука с потухшей папирсой свесилась с ручки кресла. Они только что вернулись на машине Колосова из Балаклавы. Необходимо было немедленно отправиться в лабораторию, чтобы проверить догадку об открытии Крушинского. Но страшная, сверхчеловеческая усталость приковывала Смолина к его месту.

Калашник отошел от окна и, смотря себе под ноги, зашагал по диагонали просторной комнаты.

— Ну, Евгений Николаевич, — сказал он, продолжая шагать, — судьба свела нас на стыке дорог, которые до сего времени шли параллельно. Что вы на это скажете?

Смолин, словно очнувшись от сна, поднял голову и взглянул на него.

— Предстоят серьезные дела, Григорий Харитонович. Я не знаю, как оцениваете вы свою деятельность за этот год. А я... я допустил в своей работе непростительные ошибки, за которые расплатился жизнью два моих лучших сотрудника...

— Ну, при чем же тут вы, Евгений Николаевич? — пробормотал Калашник, не глядя на Смолина. — Совпадение обстоятельств...

— Обстоятельства совпадают неблагоприятно в тех случаях, когда руководители упускают эти обстоятельства из виду, отвлекаясь факторами, не имеющими отношения к работе. — Смолин поднял руку, посмотрел на погасшую папирсу и отбросил ее прочь. — Словом... я не собираюсь предаваться бесплодному самобичеванию, но и не намерен закрывать глаза на свои промахи... Предстоящей работой придется искупить все... И вам, Григорий Харитонович, как мне кажется, следует вплотную включиться в наше общее дело.

Калашник остановился в недоумении. Такая прямая и ясная формулировка того, что пока еще шевелилось в самых глубинах его сознания, задела его самолюбие.

— То есть, как это... в общее дело? — проворчал он, нахмутив лохматые брови.

— Так, в наше общее дело, — спокойным, утомленным голосом повторил Смолин. — Я надеюсь, вам стало, так же как и мне, понятно, что наше с вами соревнование — это детская игра по сравнению с тем, что выросло между нами и нашими зарубежными соперниками. Они ведь добиваются тех же результатов...

Калашник слушал, расставив ноги, засунув руки в карманы и недовольно сопя.

— ...И мы сможем одержать верх над ними, только сплотив наши силы, — закончил Смолин.

Калашник шумно откашлялся.

— И что же вы собираетесь делать... при моем содействии? — спросил он мрачно.

Смолин ответил не сразу. Калашник, ожидая ответа, стоял перед ним неподвижно, в той же позе — расставив ноги, засунув руки в карманы, опустив голову и мрачно глядя из-под нахмуренных бровей.

— Я полагаю, — заговорил, наконец, Смолин, — что сейчас самое главное — не дать противнику понять, в каком пункте мы добились перспективных результатов. Противник знает, что мы ведем работы на Мурмане, на Дальнем Востоке и на Черном море. Но нет никаких оснований полагать, что он осведомлен в том, что же мы считаем главным из достигнутых нами успехов. Его сведения фрагментарны и противоречивы. Теперь противнику будет гораздо труднее нам мешать, — он обнаружил себя, и за ним, я надеюсь, будет установлено наблюдение. Вот наше преимущество. И каковы бы ни были помехи в нашей работе, мы будем -продолжать эксперименты до тех пор, пока не добьемся окончательного результата. А тогда уже никакая сила не сможет помешать нам реализовать свой успех.

— Извините... А не могу я узнать, каковы же результаты ваших исследований? Вы все еще возитесь с этой... филлофорой?

— Нет. Та культура, которую мы вам демонстрировали, погибла...

Звонок телефона прервал Смолина на полуслове. Калашник медленно пересек комнату и подошел к аппарату.

— Вас, — протянул он трубку Смолину. Евгений Николаевич быстро встал с кресла и почти подбежал к аппарату.

— Слушаю. Да, я слушаю... Так. Неужели?... Впрочем, я так и предполагал. Море не сохраняет следов — это самая лучшая дорога для преступников... Да... Так... Благодарю вас... Обязательно... До свидания.

Смолин повесил трубку и подошел к Григорию Харитоновичу, стоявшему у окна.

— Колосов, — ответил он на вопросительный взгляд Калашника. — Сообщает, что на Большом берегу обнаружены следы нападения на Петрова. Тело не найдено. Следы обрываются у берега. Повидимому, нападавшие вывезли его в море, чтобы замести следы преступления. Надо немедленно отправляться в лабораторию. До свидания.

— Будьте здоровы, — ответил машинально Калашник.

Он еще долго стоял у окна, рассматривая потоки людей, медленно текущие мимо гостиницы, ерошил волосы, что-то бормотал и постукивал пальцами по подоконнику.

Снова затрещал телефон. Калашник снял трубку.

— Еще одно поражение, — услышал он голос Смолина. — Материал для постановки культур исчез.

— Каких культур?

— Да тех самых, над которыми работал Петров до исчезновения.

— Не может быть! Кража?

— Очевидно, так. Пропала золотая ветвь. А культуры золотой бактерии в лаборатории уничтожены.

— Но ведь она же заполнила все море!

— Попытаюсь что-нибудь предпринять. Но на успех не надеюсь. Если эта бактерия существовала в симбиозе с водорослями, то мало надежд, что она способна долго существовать самостоятельно.

— Вы сообщили Колосову?

— Сообщил. Да что толку. Море не сохраняет следов.

Глава 31 ЦЕНА ЖИЗНИ

Петров долго лежал неподвижно, устремив глаза на потолок и стараясь отвлечься от ощущения невыносимой жажды. Но воображение предательски рисовало ему воду во всех видах: текущую бурной струей из крана, колеблющуюся в запотевшем от холода графине, медленно льющуюся в стакан из бутылки. Это было нестерпимо. Казалось, что рот, пищевод и желудок медленно покрываются жесткой, шершавой коркой, трескающейся, как земля, сохнущая на солнце. Пить, пить!.. Каждая клетка его тела сжималась от смертельной нехватки влаги. Он сжимал кулаки и кусал губы, сдерживая накапливающее бешенство.

В комнате стало темнеть. Повидимому, солнце село. Сколько часов прошло со времени его обеда, Петров не знал, но ему казалось, что пытка продолжается много суток. Его терзало страшное, первобытное ощущение жажды.

Засов загремел. Петров не пошевелился.

Опять противно завизжала дверь. Петров не открыл глаз, когда его тела коснулась нога вошедшего.

— Ну? — услышал он тот же голос.

Петров молчал.

— Будете говорить?

Петров открыл глаза, увидел темное лицо с ястребиным носом и снова опустил веки. Внезапно заклокотавшая в нем злоба пересилила даже невыносимое ощущение жажды.

— Значит еще рано... — сказал Смит. — Вы еще не почувствовали в полную силу, что это такое. Подождем, нам торопиться некуда.

От хлынувшей к сердцу ненависти, от сознания своего бессилия Петров потерял сознание. Когда он очнулся, в комнате было совсем темно. Он не чувствовал своего тела, оно исчезло, оставив только одни острые, как пилы, разрывающие рот и горло, боли. Сознание опять стало затуманиваться. Он слышал глухие голоса за стеной, звуки шагов, грохот засова и стук дверей. Потом все исчезло...

...Он очнулся в глубоком мраке. Горло его пересохло. Язык лежал во рту, словно чужой шершавая, суконная его поверхность царапала небо. Болела нестерпимо голова.

Из-за стены глухо доносились какие-то звуки. Потом загрохотал засов. Сквозь щель приоткрывшейся двери в лицо Петрову ударил свет фонаря. Дверь с визгом распахнулась. На белой стене закачались два силуэта: один низкий, тонкий, с вытянутой головой, другой высокий, широкоплечий, с большим квадратным черепом и торчащими усами. Фонарь осветил вошедших — Петров узнал человека с металлическим голосом, назвавшего себя Смитом. Широкое бульдожье лицо второго было ему незнакомо.

— Ну? — услышал Петров противно звенящий баритон.

Петров, не поднимаясь, посмотрел исподлобья на вошедших и ничего не сказал.

— Ну? — повторил баритон.

— Что вы от меня хотите? — спросил Петров и не узнал своего голоса: так глухо и сипло прозвучал он в гулкой тишине.

Смит поставил фонарь на пол, оглянулся, как бы ища на что сесть, и присел на корточки. Высокий безмолвно стоял рядом, широко расставив ноги и опустив бульдожью голову.

— Самые краткие сведения о содержании вашего открытия, — тихо, но отчетливо потребовал Смит.

— Какого... открытия? — спросил Петров со злобой.

— О котором вы телеграфировали профессору Смолину. Не стоит отпираться.

— А разве я... телеграфировал Смолину об открытии? — вяло возразил Петров.

Он закрыл глаза, чтобы незаметно для врага пережить охватившее его вдруг волнение. Текст телеграммы стоял перед его глазами. Нет, ни о каком открытии в ней не было ни слова.

— Да, в вашей телеграмме об открытии не было упомянуто, — согласился Смит. — Но два месяца назад некий Крушинский, опыты которого вы пытались воспроизвести, также посылал телеграмму профессору Смолину. И в ней достаточно отчетливо была выражена мысль об открытии — ошеломляющем открытии, Аркадий Петрович.

Петров лежал с закрытыми глазами и пытался сосредоточить метущиеся мысли на главном: не сдаваться.

— Не знаю, о чем вы говорите, — сказал он, не открывая глаз.

— Так же ответил нам ваш незабвенный товарищ Николай Карлович Крушинский, немедленно последовала реплика Смита. — Но текст его телеграммы, так же как и вашей, нам хорошо известен.

— Вот как? — Петров усмехнулся. — Допустим, текст телеграммы вы сумели прочитать. Тут, очевидно, и Крушинский и я проявили неосмотрительность. Но ведь он же утонул. Как он мог отвечать вам на какие-то вопросы?

— А вы уверены, что он утонул? — спросил Смит таким странным голосом, что Петров открыл глаза и удивленно посмотрел на него.

— Да, да. Вы уверены, что он утонул? — повторил Смит свой вопрос. — Напрасно. Вы, видимо, плохо представляете себе силы и средства, которые брошены на решение этой задачи... — Он улыбнулся, сверкнув в свете фонаря золотыми зубами.

Эти зубы — два сверху и два снизу, четыре золотых клыка, зубы фантастического хищного зверя — вызвали у Петрова дрожь лютого отвращения.

— А между тем, — продолжал Смит, — по способу, посредством которого вы были сюда доставлены, вы могли бы догадаться, что прогулка на южный берег Крыма для нас никаких трудностей не представляет. И если ваше исчезновение объяснено сейчас вашими друзьями как смерть в морской пучине, то вы-то сами должны уже понять, что вы не погибли, а прибыли к своим новым друзьям... Так же, как два месяца назад, таким же способом сюда прибыл наш общий незабвенный друг Николай Карлович Крушинский.

Петров приподнялся на локте, смотря широко раскрытыми глазами на Смита.

— Да, да, Аркадий Петрович, на это самое ложе, на котором сейчас располагаетесь вы. И в том же самом состоянии, в котором сейчас находитесь вы, Аркадий Петрович. К сожалению, его организм оказался слабее вашего. Но мы не допустим, чтобы вы погибли так же бесцельно и бесплодно, как он. Полагаю, что в той безделице, о которой мы вас просим, вы нам не откажете?

Петров снова закрыл глаза и опустил на цыновку.

Смит сказал своему спутнику по английски:

— Give him a water.

“Дайте ему воды”, — автоматически перевел про себя Петров. Высокий вышел и сейчас же вернулся с большой эмалированной кружкой. Петров с усилием приподнялся, сел на своей цыновке, схватил дрожащими руками кружку и выпил, не отрываясь.

— Вот так, — сказал Смит. — А теперь еще раз крепко подумайте над тем, что я вам сказал. Выхода у вас нет. Либо вы ответите нам, либо последуете за вашим другом Крушинским на тот свет.

Глава 32 СЛЕДЫ ВРАГА

Следствие об исчезновении Петрова и похищении золотой водоросли затянулось. Из многократных бесед с Колосовым Смолин вынес глубокую уверенность, что все неудачи, сопровождавшие работу его коллектива, были результатом тщательно продуманной и хорошо организованной диверсии. Враг следил за каждым их шагом и выбирал время, чтобы нанести чувствительный удар. Гибель Крушинского, катастрофа с культурой филлофоры, исчезновение Петрова — у всех этих несчастий была одна причина — деятельность врага, кровно заинтересованного в том, чтобы раньше советских ученых овладеть новым способом золотодобычи.

Исчезновение Петрова произошло примерно при тех же обстоятельствах, что и гибель Крушинского, и оно неопровержимо свидетельствовало, что оба преступления — дело одной диверсионной группы. Петров подвергся нападению вечером. А ночью, когда Смолин и Калашник разыскивали Петрова в Балаклаве, золотая ветвь была похищена из шкафа. Культуры, выведенные Петровым, были уничтожены. Не оставалось сомнений, что у Петрова нашли и отобрали ключи от несгораемого шкафа и лаборатории, с которыми кто-то проник ночью в здание станции и выкрал золотую ветвь.

К счастью, лабораторные дневники исследований бактериальной пленки уцелели. Петров, очевидно, захватил их с собою в гостиницу для окончательной обработки и оставил у себя в номере в письменном столе. Преступники, по всей вероятности, просто не успели похитить эти дневники. Иначе бы и от этого открытия не осталось следа, как это было в случае с Крушинским.

В общем, картина преступлений становилась ясной. Никакой загадки не оставалось. О несчастных случайностях можно было больше не думать.

— Но как же могло случиться, что враг имел возможность столько раз нам вредить и остался неразоблаченным? — спросил Смолин у Колосова при очередной беседе.

— У нас создалось впечатление, — вежливо и спокойно ответил полковник, — что вражеская агентура — люди, знающие Крым, как свои пять пальцев. У них, повидимому, даже нет нужды в помощниках, скрывающихся среди местного населения.

— И что же?

— А то, что на нашей территории может действовать всего один осведомитель, хорошо знакомый с работой вашей группы. Этого достаточно, чтобы каждый удобный случай мог быть использован для диверсии.

Смолин с недоумением смотрел на Колосова.

— Неужели — внутри нашей лаборатории... Или — института?

— Этого я вам сказать не могу, — усмехнулся Колосов. — Думаю, что будь осведомитель в вашей лаборатории — он был бы очень быстро разоблачен. Но среди лиц, вам близких или знакомых... Подумайте над этим, Евгений Николаевич.

— Я решительно отрицаю это. О сущности наших исследований ни я, ни мои помощники даже словом не могли обмолвиться с кем-то посторонним. Даже очень близкому человеку не могли сказать.

— Я не сомневаюсь в этом. Но, кроме слов, есть еще дела. И скрыть то, чем вы занимались в прибрежных водах, в курортных местах, в разгар сезона, конечно, было нельзя. Вероятно, и многое другое в действиях ваших и ваших помощников привлекло внимание, регистрировалось и служило материалом для выводов и выпадов врага.

Смолина раздражал спокойный, уверенный голос Колосова, совсем не соответствующий результатам следствия.

— Как же теперь все-таки нам жить? — спросил он. — Можем ли мы рассчитывать на более или менее спокойную работу, без дальнейших помех?

Колосов улыбнулся:

— Полагаю, что на ближайшее время возможность диверсий исключена. Так что помешать вам может разве только стихийное бедствие.

Смолин ушел от Колосова, недовольный и даже злой. Он рвался на Мурман, но уехать было нельзя. Колосов просил его остаться до окончания следствия. Работа в Севастополе не увлекала Смолина. Как он и предполагал, золотая бактерия, приспособленная к жизни в тканях водорослей, оказалась мало пригодным объектом для культивирования. Все поставленные Смолиным культуры золотой бактерии, взятой из пленки с поверхности моря, были недолговечны. Ему оставалось только догадываться, что в аквариумах Крушинского и Петрова присутствие разрушенных тканей золотой водоросли создавало для этих бактерий какие-то более благоприятные условия. Но для того чтобы выяснить эти условия, нужна была золотая водоросль. Смолин пытался культивировать золотую бактерию в средах, где помещались размозженные ткани других видов водорослей — различных черноморских багрянок, — но пока никаких надежд на успех не возникало.

Глава 33 НОЧНОЙ ВИЗИТ

В сентябре на Мурмане уже становятся холодно. Часто с моря дуют пронзительные холодные ветры, несущие дожди и туманы. Но иногда выпадают удивительно тихие, безветренные дни, полные света и тепла. С мглистого бледно-голубого неба светит неяркое солнце, наполняя воздух ровным сиянием. В эти дни переспелая черника сизым с прозеленью ковром усыпает берега моря.

— Северный виноград, — сказал Ланин, приподнимая над головой сорванную ветку черники. — Видели вы что-нибудь подобное?

Ольга с удивлением осмотрела тяжелую черную гроздь, свесившуюся с руки Панина.

— Никогда бы не подумала, что черника может иметь такой вид!

— То-то... Это вам не Урал!.. — Ланин улыбнулся.

Он прилег на берегу среди невысоких кустов черники и начал лениво общипывать ягоды с ветки. Ольга села рядом, обхватив колени руками и устремив взгляд на свинцовую поверхность океана. Это был час отдыха, вырванный из нескончаемого дня напряженной работы.

— Что вы ответили на телеграмму Евгения Николаевича? — спросила Ольга.

— Что я мог ответить? Все в порядке, работы продолжаются...

— “Все в порядке, работы продолжаются”... — задумчиво повторила Ольга.

— Да...

— А скажите, Иван Иванович, только чистосердечно — вы сами уверены, что все в порядке?

Ланин в раздумье посмотрел на свои посиневшие от черники пальцы.

— А-а! Вы все о том же — о повышенном интересе к нашим работам за рубежом? — сказал он ласково насмешливым тоном. — Не понимаю я этого настроения. Оно решительно ничем не оправдано. Вот уж почти два десятилетия на земле мир...

— И в человецех благоволение!¹ — прервала его Ольга. — А смерть Крушинского? А гибель культуры филофоры? Можете вы поручиться, что это были случайности?

— Не знаю, не знаю... Эти события можно объяснить и по-другому... пока мы не видим их конкретных виновников...

Ланин, не вставая с места, потянулся за новой веткой черники. Ольга нетерпеливо остановила его руку.

— Скажите, Иван Иванович, у вас не создалось впечатления... от текста телеграммы профессора... что с Петровым что-то случилось?

Ланин развел руками.

— Но вы же помните текст!?. Там только три слова: “Молнируйте состояние работ”. И больше ничего.

— Вот именно эта краткость и поражает меня.

Ланин удивленно посмотрел на нее.

— Не понимаю, — сказал он небрежно. Телеграф есть телеграф. Чем короче, тем лучше.

— А я почему-то все время вспоминаю телеграмму, полученную нами от Крушинского. Помните?

— Я слышал о ней. Я тогда работал здесь и телеграммы не видел.

— Он сообщил об “ошеломляющем открытии”, которое он сделал, и просил приехать. А на другой день было получено известие о его смерти.

Ланин усмехнулся.

— Если бы с Аркадием что-то случилось, я полагаю, Евгений Николаевич информировал бы нас.

Ольга сдвинула брови.

— Ну, а то, что Евгений Николаевич вдруг забеспокоился о наших работах? Это вам ни о чем не говорит?

Ланин медленно покачал головой, продолжая улыбаться. Ольга вспыхнула:

— Не знаю... Может быть, я говорю глупости... Но у меня такое впечатление, что своей телеграммой Евгений Николаевич призывает нас к бдительности. И я не могу отделаться от беспокойства. Мне кажется, надо усилить охрану станции. До сих пор мы относились к этому с непростительной беспечностью.

— Ну, хорошо, хорошо, — сказал Ланин, поднимаясь и стряхивая налипшие к одежде листья черники. — Пойдемте домой. Пора за работу!..

Ольга лежала в своей комнате на холодной койке, тщетно пытаясь забыть за книгой. Она машинально перелистывала страницы, едва воспринимая смысл прочитанного.

Было уже поздно. Часы на руке, которой Ольга держала книгу, все время были перед ее глазами. Она легла около двенадцати. Было уже около двух, а сон все еще не приходил. Ольга откинула книгу, легла на спину, заложила руки за голову и задумалась. Ее мысли были прерваны каким-то шорохом за дверью.

Ольга вспомнила, что забыла накинуть крючок на петлю. Но вставать не хотелось. Она приподнялась на локоть и прислушалась.

Ольга была не из пугливых. Но вся кровь отлила у нее от щек и пальцы похолодели, когда она заметила, что между косяком и дверью появилась темная щель. Дверь остановилась, словно в нерешительности, потом медленно, совершенно бесшумно раскрылась на ширину ладони. На мгновение из сумрака показалось челове-

¹ “На земле мир, в человецех благоволение” — фраза из церковного песнопения.

ческое лицо. Ольга подалась вперед. Дверь моментально захлопнулась. В коридоре прозвучали быстрые шаги, и все стихло.

Ольга изо всех сил застучала кулаком в перегородку, вскочила, разыскала босыми ногами туфли, накинула пальто.

— Что случилось? — раздался встревоженный голос Ланина.

Ольга открыла дверь.

— Кто-то... заглядывал ко мне в комнату, — сказала она, задыхаясь.

— А кто именно?

— Я не успела разглядеть.

— И вы уверены... что вам не показалось?

— Совершенно уверена... Человек заглянул в дверь... На какой-то миг. В темноте нельзя было разобрать лица... И быстро пошел по коридору.

— Ну, давайте посмотрим, — предложил Ланин, зевая.

Они прошли по длинному коридору общежития. Ланин зажег спичку. Включил свет. В коридоре никого не было. Ольга открыла наружную дверь. На ступеньках сидел сторож, опустив голову на колени.

— Спишь? — негромко спросил Ланин.

— Зачем сплю? — отозвался сторож, поднимая голову. — Дежурю.

— Что-то не похоже, — сказала Ольга. — Сейчас мимо вас прошел человек, а вы и не заметили.

Сторож поднялся и обиженно возразил:

— Смеетесь, Ольга Федоровна. Кто же это мог пройти? Разве бы я не услышал?

— Не надо сидеть, дядя, — резко сказал Ланин. — Вы дремали. А это то же, что и сон. Кто в здании станции?

— Смирнов.

— Пройдем туда, — предложила Ольга.

Из сырой, промозглой темноты дохнул ветер и рванул их одежду. Море шумело. Моросил дождь. Ланин и Ольга долго стучали в дверь, дожидаясь, пока им откроют.

— Спит, черт! — с досадой выругался Ланин. — Надо было взять с собой ключ. Наконец за дверью слышались шаги.

— Кто там? — глухо раздался хриплый голос.

— Открывай, свои! — крикнул Ланин. — Что ты там, уснул?!

Ланин и Ольга прошли по всему зданию, по пути включая свет. В галерее от ветра дребезжали стекла. Ольга зябко повела плечами, кутаясь в пальто.

— В такую ночь ничего не стоит забраться в здание, — сказала она. — Зайдем в аквариальную.

Они постояли несколько минут в лиловом полумраке у аквариумов.

— Вы перенесли сюда культуры Евгения Николаевича? — спросила Ольга.

— Да, конечно. Все в порядке.

Ольга продолжала пристально осматривать аквариумы.

— Нет, не все, — резко возразила она. — Я остаюсь при своем мнении: мы с вами совершенно беспечно относимся к тому, что имеет государственное значение.

— Ну, чего вы от меня хотите? — спросил Ланин с легким раздражением.

— Я хочу, чтобы вы, наконец, меня поняли. Мы работаем с вами над тем, что возбуждает за рубежом исключительный интерес. Наша работа имеет особое значение. Ведь о том же говорил и Евгений Николаевич. Я удивляюсь, что вы об этом забыли.

— Ну? — улыбнулся ее горячности Ланин.

— Так вот. Как охраняется станция? У нас восемь лаборантов и препараторов. Все они живут в поселке и каждый вечер уходят со станции. В общежитии — только двенадцать технических сотрудников да мы с вами. А что здесь творится ночью? Один сторож спит внутри здания, другой спит около него. У аппаратов спит дежурный механик. Вот и все. Один осведомленный человек может причинить столько зла, что последствия даже трудно представить.

— Что же вы предлагаете?

— Я думаю, что нам с вами, по очереди, нужно проводить ночь воя в той комнате, рядом с аквариальной. Все-таки, это будет мера охраны. И, конечно, надо известить о наших опасениях хотя бы секретаря райкома партии.

— Ну, хорошо, — согласился Ланин. — Сделаем все, что вам диктует ваша государственная мудрость. А теперь идемте спать.

Они вышли из аквариальной. Ланин запер дверь ключом.

— Дайте мне ключ! — потребовала Ольга.

— Зачем?

— Я сейчас приду сюда ночевать.

Ланин молча подал ей ключ. Когда подошли к выходу из здания, Ольга сказала категорическим тоном:

— А завтра будете дежурить вы!

— Слушаюсь! — ответил Ланин, открывая перед ней дверь.

Над океаном занимался серый рассвет. Они подошли к берегу. Был отлив, и вода темнела глубоко внизу.

— Далеко отсюда до границы? — спросила Ольга.
— Нет, не очень. Я думаю, что по прямой не более пятидесяти километров.
Ольга покачала головой.
— Плохое вы, Иван Иванович, выбрали место для работы.

Глава 34 СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА

На следующее утро Ольга проснулась вялой, с головной болью. Выглянула в окно. Ветер гнал по серому небу косматые облака. Она быстро умылась в аквариальной, прошла в лабораторию и села к столу, чтобы привести в порядок протоколы опытов, накопившиеся за последние три недели. Среди груды бумаг и блокнотов она наткнулась на тетрадь с записями, сделанными ею в Севастополе. Она с интересом перелистала всю тетрадь, страницу за страницей. Работа, уже полузабытая, но так недавно волновавшая Ольгу, вдруг снова всколыхнула в ней прежние мысли.

Со времени отъезда из Севастополя она не трогала этих записей. Вскрытая ее опытами закономерность не вызвала у нее никаких сомнений. Ольга считала доказанным, что ферменты, выделяемые тканями золотоносных водорослей, во много раз ускоряют осаждение золота из морской воды. Предложение Григория Харитоновича использовать живые растения для обогащения воды ферментами-ускорителями казалось ей исключительно заманчивым. Но произошла катастрофа — погибла культура филофоры. Поднимать вопрос о ферментах стало бессмысленным, когда исчезли сами растения — источник этих ферментов. Потом наступил период новых исканий: получение проростков из размозженной ткани. Затем спешный отъезд отодвинул все севастопольские дела на второй план.

Ольга задумалась над тетрадью. Она вспомнила свои переживания, радость удач, горечь разочарований. И почувствовала, как знакомое волнение вновь приводит в дрожь ее пальцы, наливает жаром щеки, ускоряет биение сердца.

— Что ж, вот снова пришло время испытать, на что ты годишься, — прошептала она самой себе.

Культура золотоносной водоросли создана вновь. Аппаратура для осаждения золота в полном порядке. Метод хорошо освоен. Отчего бы не испробовать такой элементарно простой вариант опыта? Достаточно взять воду из аквариумов с культурой золотоносных ламинарий — и первые же определения покажут: есть в ней ферменты или нет.

В дверь постучались. Не дожидаясь приглашения войти, Ланин просунул свою черную голову в комнату.

— Ольга Федоровна, пришел секретарь райкома и хочет поговорить с нами. Я оставил его в кабинете Евгения Николаевича.

Громов сидел у рабочего стола Смолина. Когда Ольга и Ланин вошли, он поднялся им навстречу.

— Привет. Хотел поговорить с вами по одному вопросу, — сказал он, пожимая Ольге руку. — Не мешаю вашей работе?

— Нет, — ответила Ольга, — наоборот, мы надеемся, что вы нам поможете. Сегодня ночью у нас возникла мысль обратиться к вам за содействием.

— Ну, вот и отлично, — Громов опустил на стул. — Начнем с вашего дела. Прошу вас. Он внимательно выслушал Ольгу.

— Понятно, — сказал он, когда Ольга кончила рассказ. — Вполне разделяю ваши опасения. Охрана территории станции будет усилена.

Ольга кивнула головой. Громов поднялся со своего места.

— Теперь обратимся к моему делу... — сказал он, останавливаясь у окна... — делу, требующему вашего содействия. — Лоб Громова перерезала вертикальная складка. — Речь будет идти о работе вашей станции и цеха золотодобычи. Для начала я хотел бы уяснить себе, в чем разногласия между вашим руководителем и профессором Калашником? Не скрою от вас, что в этих разногласиях я усматриваю причины многих неудач в работе обеих групп.

Ольга поймала веселую искорку во взгляде Ланина. Она нахмурилась. Ответил Ланин:

— Смысл наших разногласий — в различном отношении к методам работы. Мы — биогеохимики, мы работаем с живыми организмами, заставляя их осуществлять нужные нам химические изменения. Калашник и

его школа — физико-химики. Любое химическое преобразование, по их мнению, проще и экономичнее получить физико-химическими методами, не прибегая к помощи живых организмов. Вот и все.

— Позвольте, — сказал Громов, потирая лоб, — но, вероятно, профессор Калашник не возражает против использования живых организмов в тех случаях, где физико-химические методы бессильны?

Ланин иронически усмехнулся:

— Ну, конечно, Калашник не будет отрицать, что сахар добывается из свекольного сока, что углеводы, накопленные картофелем, преобразуются в синтетический каучук, а скажем, обработанная особым образом клетчатка дает вискозное волокно...

— Ну, так в чем же дело? Против чего он возражает?

— Он возражает против зависимости человека от живых организмов. Он считает, что развитие науки должно быть направлено к полному освобождению от этой зависимости. Вот его любимый пример — синтез азотистых удобрений. Растение нуждается в азоте. Это элемент, без которого невозможно образование основного органического вещества — белка. И если источники азота не будут введены в почву, рано или поздно наступит полное истощение этой почвы. Такими источниками испокон веков были органические удобрения — навоз. Потом стали применять селитру, которая также представляет собой продукт органического сырья — помета птиц. Зависимость от живых организмов в обогащении почвы азотом, как видите, была полная.

— И что же, ее удалось преодолеть? — спросил с интересом Громов.

— Да. Нашли способ использовать азот из воздуха, связывать его с водородом и таким путем синтезировать вещество, пригодное для питания растений.

— Тогда позвольте. Почему же против этого возражает профессор Смолин? — удивился Громов. — Ведь это, в самом деле, крупнейшая победа науки...

— Смолин не возражает. Но он считает, что использование свойств живых организмов отнюдь не означает власть природы над Человеком. Человек преобразует природу в своих интересах — живую или неживую, это не имеет значения. Мы исследуем одно из свойств живых организмов — способность накапливать различные вещества из окружающей среды. Это свойство и лежит в основе наших методов. Но мы далеки от того, чтобы отказываться от физико-химических методов... там, где они действительно выгоднее наших.

Пока Ольга слушала Ланина, ей казалось, что он рассказывает недостаточно ясно и упускает из виду главное. Она несколько раз порывалась вставить реплику в его спокойную, даже слегка насмешливую речь, но сдерживала себя. Громов щурил глаза. Губы его были плотно сжаты. Прядь волос свесилась на лоб. “Совсем Маяковский” — подумала Ольга. Громов, наконец, остановил Ланина:

— А в применении к добыче золота из морской воды считаете ли вы, что методы профессора Калашника менее выгодны, чем ваши?

Ланин пожал плечами.

— Ну, наши методы еще в стадии разработки... А что касается метода профессора Калашника, то вы, вероятно, уже составили о нем представление.

Громов встал, сделал несколько шагов по комнате и остановился у рабочего места Смолина, машинально положив руку на высокий стеклянный колпак, покрывающий микроскоп.

— Что ж. В данной ситуации методом Калашника можно и нужно пользоваться. Но, насколько я понимаю, от экспериментального цеха до сети предприятий по всему побережью еще очень далеко. И мое глубокое убеждение, что путь к этому — в объединении усилий обеих ваших лабораторий, во взаимном обогащении опытом, а не в конкуренции, недостойно советских ученых.

— Правильно! — вырвалось у Ольги.

Громов пытливо посмотрел на нее.

— Вы подумайте, кому может быть выгодно это мелкое соперничество? — продолжал он.

— Только нашим врагам, — подтвердила Ольга...

Ланин усмехнулся.

— Опять вы о врагах. Причем тут враги — я решительно не понимаю.

— Очень жаль! — Ольга сердито посмотрела на Ланина. — Вы припомните, как вели себя на нашем съезде Симпсон и некоторые другие иностранцы! Слепому ясно было, что они заигрывали с Калашником. За чем? Да, конечно, чтобы укрепить его во враждебной Смолину позиции. А сами потихоньку разрабатывают методику выделения золота из воды с помощью организмов-концентраторов. Конечно, этим людям выгодны наши раздоры.

Ольга покраснела от возбуждения. И, почувствовав это, опустила голову. Громов удивленно посмотрел на нее.

— Об этом я не слышал. Расскажите, если можно.

Ольга оглянулась на Ланина. Тот развел руками:

— Ну, это уж не по моей части. Говорите, Ольга Федоровна. Я многого просто не знаю.

Ольга вспомнила все, что ее волновало и мучило за последний год. Громов сосредоточенно, даже с напряжением, слушал. Она рассказала о первом столкновении Калашника и Смолина на съезде биогеохимиков, о впечатлении, которое произвел на нее Симпсон, о его интересе к работам Смолина, о гибели Крушинского. Она мельком взглянула на Громова, он молча слушал и желваки играли на его скулах. Она закончила рассказом о том, как Калашник посетил ее лабораторию в Севастополе.

— Значит, профессор Калашник все-таки бывал в вашей лаборатории? — сказал Громов. — А как же относился к этому профессору Смолин?

— Это было... последнее посещение, — ответила Ольга, сдвинув брови. — Вышло очень неприятное столкновение между ними.

— Из-за чего?

— Евгений Николаевич был недоволен, что Калашник, выступая против наших методов, все же следит за ходом нашей работы.

— А что же интересовало Калашника в вашей лаборатории?

Ольга опять покраснела.

— Дело в том, что я пользовалась его методикой для определения золота в пробах воды... И наткнулась на один прием, значительно облегчающий его методику. Григорий Харитонович заинтересовался этим приемом.

— И что же?

— Но вот вышла эта ссора... Потом погибла культура золотоносной водоросли... А потом мы перенесли центр работы сюда... И я не смогла осуществить то, что задумала. Я даже не говорила о своих попытках Евгению Николаевичу.

Громов задумался. Посмотрел в окно на солнце, затем на свои ручные часы.

— Ну, мне пора... Я хотел обратиться к вам с просьбой. Работа в экспериментальном цехе, насколько я могу понять, идет не так, как было бы нужно. Заместитель, которого оставил Григорий Харитонович, заморозил его метод. Он его не совершенствует. А ведь это же опытный, экспериментальный цех! Тут — не идти вперед, значит идти назад... Работе этого цеха, как вы знаете, придают большое значение.

И областной комитет партии обязывает нас обеспечить все необходимые условия для дальнейшего развития этой работы. Я прошу вас помочь нам в этом деле. — Он посмотрел поочередно на Панина и на Ольгу. — На днях мы собираем бюро райкома специально по этому вопросу. Прошу вас быть на этом совещании. И предварительно подумать о конкретных предложениях. А вас, — обратился он к Ольге, — я хотел бы пригласить для особой беседы. Приходите в любое время в райком.

— Хорошо, — сказала Ольга.

— Ну, вот и все, — лицо Громова прояснилось. — Будем поддерживать связь. Если ваша работа требует помощи, мы сделаем все, что будет нужно.

Он протянул руку Ольге, потом Ламину.

— А разногласия между вашей группой и профессором Калашником хорошо бы забыть. Я не специалист в этой области, основа экономики нашего края — рыба, и я по профессии ихтиолог. Но политический смысл ваших разногласий понять нетрудно. В ослаблении наших позиций в любой области — в хозяйственной, культурной или научной — заинтересован капитализм. И ваши споры, поскольку они организационно затрудняют решение проблемы, отражают влияние буржуазной идеологии.

— А по существу этих споров, — спросила Ольга, — чья позиция по вашему более прогрессивна?

Громов улыбнулся.

— Я же сказал, что я не специалист... Но я думаю, что ошибается профессор Калашник. В любом деле хороших результатов можно достичь разными методами. А наиболее целесообразный путь обычно создается применением нескольких методов... Ну, я пошел.

Дверь захлопнулась.

— Какой умный человек! — воскликнула Ольга.

Ланин, не отвечая, закурил папиросу.

Глава 35 УМЕНИЕ ЧИТАТЬ ЦИФРЫ

Калашник навалился на стол и, положив всклокоченную голову на руку, другой рукой нетерпеливо перелистывал лежащие перед ним тетради. Это были материалы исследований группы Смолина: дневники экспедиций, журналы обследований Черного моря, протоколы химических анализов, записи экспериментов самого Евгения Николаевича и тоненькая тетрадка Петрова с описаниями и выводом последнего его опыта. Все остальные бумаги Петрова исчезли вместе с остатком золотой ветви из несгораемого шкафа.

Калашник внимательно читал бесконечные описания опытов с изменениями дозировок золота и экспозиций облучения, кривыми прироста вещества, записями температуры и анализами воды на содержание золота. Потом он перешел к материалам по неудачным поискам золотой водоросли. Он долго изучал материалы прошлогодней экспедиции. Во всех протоколах справа была отчеркнута вертикальная полоса, в которой против каждой записи стояли цифры: 0,2; 0,6; 0,01; 0,03 и т.д. Калашник догадался, что сюда заносились результаты анализов на содержание золота. Он разобрался во всем очень быстро и теперь вкладывал все свое упорство, чтобы ввести в этот огромный материал, собранный биологами, свою мысль исследователя-химика.

Рубашка на спине Калашника взмокла.

День был томительно жаркий, застывший душный воздух казался плотным и тягучим. Шторы в раскрытом настежь окне повисли, не колеблясь ни единой складкой. Много часов просидел уже Калашник над проклятыми листками. И все еще не было видно никакого просвета.

Он поднял голову и посмотрел, не мигая, в щель под шторой, сквозь которую виднелась голубизна залива и зелень садов Северной стороны. Золотая бактерия ушла так же внезапно, как появилась. Два дня нестерпимым золотистым сиянием светились небо и море, а на третье утро солнце осветило привычную нежную голубизну.

— На дне моря! — вслух сказал Калашник. — Золото опустилось на дно. Интересно: отразилась эта потеря на содержании золота в морской воде или нет?

Он закрыл глаза, ощутив какую-то неясную мысль, шевельнувшуюся в глубине сознания. Мысль не ухнула. Наоборот, она постепенно прояснялась, поднимаясь на поверхность, и вытесняла собой все остальное.

Калашник опустил глаза на лежащие перед ним листки. Рука его уже торопливо перебрасывала их слева направо, разыскивая что-то в уже просмотренном материале.

— Постой, постой, — бормотал он, перелистывая. — Сейчас, сейчас... Вот.

Он склонился над листком, испещренным цифрами и записями. У верхнего края была надпись: "Сводные материалы по всем станциям сентябрьской экспедиции". Его палец медленно двигался от цифры к цифре.

— 32, 15, 14, 26, 26, 30, 14, 12, 3, 2, 2, 4...

— Черт возьми! — выругался Калашник и шумно вздохнул.

Он встал, стремительно отодвинул кресло, подошел к огромной настенной карте Черного моря и впился в нее воспаленными глазами. Палец его продвинулся по южному берегу Крыма, описывая широкую кривую от Севастополя до Феодосии.

— Это здесь! — сказал он вслух. — Под Карадагом.

Он рванулся к столу, схватил листок с цифрами, толстый красный карандаш и снова подбежал к карте. Крепкий ноготь впился в плотную бумагу, отмечая расстояние, и на синеве моря у берега под Ялтой появилась крупная цифра 32. Калашник опять посмотрел на листок, прицелился взглядом на карту и прямо под Гурзуфом поставил жирную цифру 26. Он отступил на шаг, внимательно изучая записи на листке. Покрутил головой, освобождая потную шею от налипающей рубашки, и снова подскочил к карте.

Через несколько минут он неподвижно стоял карты, устремив взгляд на красные цифры, нанесенные по всему берегу Крыма от Ялты до Алушты. На лице его светилось глубокое удовлетворение.

— Интересно, — сказал он, вытирая широким рукавом пот со лба. — Кажется, я попал на след чего-то такого... черт возьми!

Он подошел к телефону, поднял трубку и, не сводя глаз с карты Черного моря, набрал номер.

— Евгений Николаевич? Говорит Калашник... Да, мое здоровье в порядке, что мне делается... Не об этом речь... У меня появились некоторые соображения, с которыми я хотел бы вас познакомить... Вы не смогли бы сейчас ко мне забежать?... Ну, я вас жду...

Он бросил трубку, возбужденный зашагал по комнате.

— Конечно, так... — бормотал он. — Другого решения быть не может!.. Этот вывод сам напрашивается. Как, черт возьми, они не сделали его?..

Вскоре пришел Смолин.

— Что случилось? — спросил он, задерживая руку Калашника в своей, и внимательно вглядываясь в его лицо. — Чем вы так возбуждены?

— Очень любопытные соображения. Они пришли мне в голову при просмотре результатов ваших работ. И, простите, я не мог ждать. Это надо было немедленно обсудить с вами.

— Интересно. Я вас слушаю. — Смолин уселся у стола и вытащил из кармана портсигар.

Калашник начал развивать свою мысль, продолжая ходить по комнате.

— Кажется, золотая ветвь была найдена у берегов Карадага? — опросил он.

— Да, в Карадагской впадине, на глубине пятисот метров, — ответил Смолин, закуривая.

— И ваши дальнейшие поиски?..

— Не увенчались никаким успехом. Мы сделали двадцать станций на самых различных глубинах и не нашли никаких следов от колоний этого вида багрянок.

— Никаких?

— Абсолютно никаких... Там ничего нет...

— И вы думаете, что двадцати станций достаточно, чтобы получить уверенность для такого заключения?

— Двадцать станций — это довольно много. Нам казалось, что мы получили достаточно ясную картину.

Калашник усмехнулся, остановился у стола и посмотрел в упор на спокойное лицо Смолина.

— Ну, а что вы скажете, если я буду уверять вас, что двадцати станций было мало и дальнейшие поиски должны были обязательно привести к находке этой водоросли.

— Если ваши уверения будут подкреплены соответствующими аргументами, — Смолин пожал плечами и улыбнулся, — я буду считать, что мы в этом заключении могли ошибиться...

— Очень хорошо... Разрешите вас просить сюда... к этой карте...

Смолин поднялся, явно заинтересованный.

— Смотрите, — ткнул пальцем Калашник в одну из цифр, нанесенных им на карте под Карадагом.

— Четыре, — прочитал Смолин и вопросительно посмотрел на Калашника.

— А здесь? — палец уперся в море у Симеиза.

— Двадцать шесть. Что это за цифры?

— Это ваши цифры. Материалы анализов Ольги Федоровны Дубровских... Содержание золота в воде...

В миллиграммах на тонну...

Смолин подошел вплотную к карте и пробежал взглядом нанесенные Калашником цифры.

— Черт возьми, — пробормотал он. — Если это не случайное совпадение...

— Какая может быть здесь случайность? — возмутился Калашник. — Я нанес сюда наиболее часто встречающиеся цифры. Все ваши пробы под Карадагом дали такой результат. Вода здесь содержит не более четырех миллиграммов золота на тонну. Вот шестьдесят анализов, он потряс листком перед лицом Смолина, — по три пробы с каждой станции под Карадагом... И покажите мне хоть одну цифру, которая превышала бы ту, что я записал на карте. От двух десятых до четырех миллиграммов. Ни одной сотой больше!.. Понимаете ли вы, что это значит? Ведь по всему южному берегу вода содержит не менее двадцати миллиграммов на тонну!

Смолин бросил недокуренную папиросу и достал из кармана платок.

— Боже мой, какой возмутительный недосмотр! — сказал он, вытирая пот на лбу. Ведь это же значит, что под Карадагом происходит обеднение воды золотом. Как я мог не заметить этого!

— Ясно, вода здесь теряет золото в пределах десятка миллиграммов и больше на тонну воды. Течение, как вам известно, идет вдоль берегов Черного моря против часовой стрелки, — продолжал доказывать, размахивая руками, Калашник. — Заметьте, цифры, характеризующие содержание золота, выше к востоку и ниже к западу от Карадага. Это может означать только одно — под Карадагом вода встречается с фактором, вызывающим задержку золота. Здесь, Евгений Николаевич, — если этот процесс продолжался достаточно, долго должны находиться огромные отложения золота. Ну, а если ваши представления о деятельности протоплазмы верны, то эти отложения производятся тем организмом, который вы ищете...

Смолин молча слушал. Когда Калашник, наконец, выговорился, Евгений Николаевич подошел к телефону.

— Вы поедете со мной? — спросил он, снимая трубку и набирая номер.

— Если вы меня возьмете, — усмехнулся Калашник.

— Отлично... Всеволод Александрович? С вами говорит Смолин. Извините за беспокойство. Есть срочное дело... Необходимо немедленно судно... Да, да... в Феодосию... Для драгирования у побережья... “Ковалевский”? Да, вполне устраивает... Когда можно рассчитывать?.. Благодарю вас. Мы сейчас же выезжаем с профессором Калашником и будем ждать судно в Феодосии.

Смолин повернулся к Калашнику и посмотрел на часы.

— Если не возражаете, — поезд уходит через час. “Ковалевский” будет в Феодосия завтра в восемь утра.

Глава 36 НОВАЯ НАХОДКА

— Идет! — крикнул Калашник, махая рукой капитану.

— Стоп! Давай тихо! — раздалась команда.

Тяжелое, облепленное илом тело драги показалось из воды, изливая мутный поток грязных струй.

Стрела повернулась над палубой. Драга раскрыла пасть. На щит с грохотом посыпались камни и раковины. Калашник торопливо зашагал на корму, где происходила обработка поднятого грунта.

Когда вода стекла по желобам, Смолин наклонился над решеткой, осматривая промытые водой камни, раковины, куски затвердевшего грунта, обрывки водорослей. Калашник сопя, сжимая и разжимая в нетерпении руки за спиной, следил за каждым его движением. Драгирование продолжалось уже пятый день. Каждая новая проба заставляла Смолина терять свою обычную выдержку и работать в несвойственном ему стремительном темпе, к которому побуждал его темперамент Калашника. Но постепенно их пыл начал ослабевать, сменяясь разочарованием.

— Бесконечные фазеолины... Конечно, мертвые, — комментировал Смолин свой осмотр. Червячки... Форонис... Теребиллидес... Меллина... Бедно, бедно! Сероводород... Какая может быть здесь жизнь? Опять червячки... Форонис... А вот редкая в Черном море форма... И кажется живая... Это голотурия-кукумария¹... она попала на такую глубину? А что здесь, под этим камешком?..

Он неожиданно замолчал и медленно встал с колен, держа что-то в пальцах. Калашник впился взглядом в его руку.

— Ну, Григорий Харитонович! Вы оказались на высоте...

— Она? — спросил, тяжело дыша, Калашник.

— Смотрите! — Смолин протянул руку и перед самым носом Калашника раскрыл ладонь.

Григорий Харитонович осторожно взял с его руки своими крепкими толстыми пальцами темную, пурпурно-лиловую ветку, поднял ее на уровень глаз, рассмотрел со всех сторон, потом взвесил на ладони и, облегченно вздохнув, сказал:

¹ Фазеолина, форонис, теребиллидес, меллина, кукумария — морские животные, обитающие на небольших глубинах, на дне моря.

— Ну?

Смолин кивнул головой.

— Золотая водоросль. Вы дали правильное указание, Григорий Харитонович. И я могу только удивляться, почему в прошлом году ни в одной из двадцати проб мы здесь не нашли ни одного экземпляра...

— Живая? — перебил его Калашник, продолжая рассматривать драгоценную находку.

Смолин с сомнением покачал головой.

— Не знаю... На такой глубине... Там же сероводорода не меньше кубика на литр, а кислорода почти нет... Но сейчас посмотрим.

Они спустились в лабораторию.

— Продолжайте драгировать! — крикнул по дороге Смолин капитану.

В иллюминатор лаборатории светило яркое солнце. Смолин опустил белую штору, вытащил из футляра микроскоп. Движения его были точны и уверенны, но быстрота и стремительность выдавали волнение.

Он взял у Калашника водоросль и опустил ее в стеклянный кристаллизатор. Затем отломил крошечную веточку, положил ее на предметное стекло, выпустил на нее из пипетки каплю воды, накрыл покровным стеклом, осторожно сдвинул и сунул препарат под объектив микроскопа.

Калашник в возбуждении ходил по лаборатории, дожидаясь заключения Смолина. Прошла минута, две, три. Он с нетерпением посмотрел на тонкие пальцы Смолина, едва заметно вращающие микрометрический винт...

— Ну что? — спросил он, наконец.

Смолин молча продолжал передвигать препарат на столике микроскопа.

— Мертвая? — спросил Калашник.

Смолин откинулся на спинку стула. Лицо его было невозмутимо спокойно, но брови сдвинулись, отражая напряженную работу мысли.

— Да, — сказал он, наконец, негромко, — она мертва.

— А! — досадливо отозвался Калашник, сжимая огромный кулак. — Как же это понять?

— Я тоже пока ничего не понимаю, — ответил Смолин тем же негромким, напряженным голосом.

— Как же она может быть мертвой, если она, черт возьми, извлекает золото из воды?! — от возмущения Калашник почти кричал.

— Конечно, когда шел этот процесс, она была живой. Когда же она попала сюда... она умерла.

— Но, позвольте, Евгений Николаевич, — продолжал возмущаться Калашник, — все-таки эта находка попала там, где мы ожидали ее обнаружить? Этот факт о чем-то говорит!

— Да... Мы на что-то натолкнулись. На какие-то следы. И они нас могут привести к цели. Несомненно, где-то должна быть огромная колония этой водоросли. Иначе объяснить нечем. Но совершенно ясно, что мы извлекли этот новый экземпляр не из колонии. А где ее искать, не имеем ни малейшего представления... Продолжать драпировать — бесполезно: на пятьдесят станций — одна веточка...

— Что же делать?

— Придется подумать об этом.

— Кажется, эта находка не вызывает в вас большого энтузиазма?

Смолин не ответил.

— А почему? — не унимался Калашник. — Все-таки, это несомненное свидетельство, что колония находится где-то здесь...

— Что значит “где-то здесь”? — раздраженно перебил его Смолин. Ведь очевидно же, что на этих глубинах никакая жизнь невозможна.

— А это? — возразил Калашник, встряхивая на ладони золотую водоросль.

— Черт ее знает! Прямо, как сквозь землю провалилась! — Смолин замолчал, пораженный пришедшей в голову мыслью. — А может быть... и в самом деле так?.. Да, да... Представьте себе: колония развивалась где-то около берега, затем произошел сброс, дно опустилось, — и вот вам результат!

— Что ж? Как гипотеза, такое заключение быть может и подходит, — согласился Калашник. — Но оно нас никак не продвигает к решению задачи. И не согласуется с совершенно бесспорным фактом — с резким снижением содержания золота в прибрежной зоне.

— Да. Верно, — с досадой согласился Смолин. — Значит будем продолжать поиски.

Калашник пристально посмотрел на Смолина и грубовато сказал:

— Что-то не нравится мне ваше настроение, уважаемый профессор. Никаких причин для такого настроения я не вижу. Уверяю вас: мы на верном пути. Уж поверьте химику снижение концентрации вещества ни в каких растворах не происходит само собой. Мы на верном пути.

Смолин резко повернулся.

— Неужели вы всерьез думаете, Григорий Харитонович, что это — единственный правильный путь?

— А разве нет?

— Конечно, нет! Вы только подумайте: два взрослых человека — опытные исследователи, руководители больших лабораторий — вместо разработки методов извлечения золота из морской воды занимаются поисками клада. Ну, совсем как Том Сойер и Гекльберри Финн!

— Я вас не понимаю, — недоуменно пробормотал Калашник. — Неужели перспектива найти эту вашу водоросль не оправдывает времени и сил, которые мы тратим на ее поиски?

— Не знаю, не знаю... Этого я, не знаю. Но я совершенно определенно знаю: если требуется организм с таким свойством, то не следует искать его в природе готовым, а нужно создавать заново. Этим мы и занимались, как вам известно.

— Но я не понимаю, почему бы не воспользоваться готовым организмом, если его свойства пригодны для определенной цели?

— А откуда мы знаем, будет этот организм годен или нет? — возразил Смолин. — Мы знаем только одно, что он накапливает золото. А в каких условиях он нуждается? Пригоден ли он для разведения в больших масштабах? Словом, если мы и сумеем найти колонию, это будет не конец, а только начало новой, большой, кропотливой работы. А к чему эта работа, если мы на пороге решения проблемы своими силами, без расчета на милость природы? Если мы уже преодолели ее сопротивление и получили от нее то, что хотели?

— Вот как?! — удивился Калашник. — Неужели всерьез у вас дело идет к завершению?

Смолин сунул руку в карман пиджака, вытащил сложенный вчетверо листок и протянул Калашнику:

— Читайте.

Калашник развернул листок. Это была телеграмма. Он прочитал ее вслух:

— “Удовлетворительные показатели достигнуты. Разрешите начать выселение Сайда-губы. Ланин”.

Он вопросительно посмотрел на Смолина.

— Это значит, — пояснил тот, — что мы вывели новую расу из гигантской, быстрорастущей прибрежной водоросли ламинарии... И эта раса приобрела такие свойства, как концентратор золота, что можно начать опыты разведения ее в естественных условиях. Вот это и есть реальная перспектива решения нашей задачи.

— Что же вы ответили на эту телеграмму?

— Пока ничего. Мне казалось, что с этим торопиться не следует. По крайней мере, пока не выяснится что-нибудь здесь — с этой проклятой водорослью. Но теперь я думаю, что опыты с переселением откладывать не следует. Переселять — и как можно скорее! А мы будем продолжать наши поиски.

Глава 37 ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

— Ну, профессор будет доволен, — сказал Ланин, широко улыбаясь.

На лице Ольги мелькнула улыбка и исчезла.

— Если ему сейчас до этого, — откликнулась она тихо.

— Ручаюсь вам, какие бы дела ни были у Евгения Николаевича, он бросит все и придет сюда, когда узнает... это же решение вопроса! Поймите!..

Ланин встряхнул на ладони темнолиловое растение, оценивая его вес.

— С тех пор как он уехал, прошло не больше десяти дней... А что стало с его культурой!

Ольга перевела взгляд на массивные стекла аквариумов, за которыми под слабым светом голубых ламп виднелись причудливые переплетения водорослей.

— Десять дней и никаких известий! — вздохнула она.

— Вы посмотрите только, — продолжал Ланин, — все ваши аквариумы заполнены этой расой ламинарии. Она развивается со сказочной быстротой. Каждый день я выбираю наиболее интенсивно растущие экземпляры, пересаживаю в новые бассейны, и к концу дня из бесчисленных спор водоросли возникают проростки тысяч новых растений. И с каждым днем содержание золота в растениях повышается. — Ланин опять встряхнул водоросль, лежащую у него на ладони. — Нет, вы только подумайте! Вот эта штучка еще в двухнедельном возрасте! А то, что в ней, по вашим анализам, десять процентов золота, меня несколько не удивляет. Ведь золото здесь даже на ощупь дает себя знать. Водоросль хрустит, она тяжелая, как камень. Живой самородок!

— Вы считаете, что нужно вызвать Евгения Николаевича? — спросила Ольга, продолжая задумчиво рассматривать водоросли сквозь стекло.

— Что значит вызвать? — возмутился Ланин. — Надо ему сообщить о результатах... А уж он сам придет, будьте покойны.

— Ну, как знаете. — Ольга отошла от аквариума к двери.

— Пойдите! — Ланин озадаченно уставился на нее. — А вы полагаете, что не стоит извещать профессора?

— Вам виднее...

— Ну, а вы как думаете? — Ланин начал уже раздражаться.

— Я думаю, что он и сам представляет себе, как развиваются его культуры. Если уж и сообщать ему, то совсем другое.

— Что вы имеете в виду?

— Пробные пересадки этих водорослей в естественные условия.

— А именно?

— Заселение золотоносными водорослями Сайда-губы.

Ланин посмотрел на Ольгу с изумлением.

Она молчала. Ланин засмеялся.

— Что вам взбрело в голову? Я надеюсь, вы шутите?

Ольга медленно покачала головой.

— Нет, я не шучу. Это единственный способ вывести группу Калашника из тупика, в котором она сейчас находится.

— Позвольте, позвольте, — перебил Ланин. — При чем тут Калашник? Я решительно не понимаю.

— А я вот не понимаю, как вы могли забыть наши обещания оказать помощь его экспериментальному цеху.

Ланин удивленно поднял брови.

— Вот в чем дело! Вы имеете в виду метод, о котором рассказали Громову?

Ольга немного смутилась.

— Да.

— Заселять нашей культурой бассейн Сайда-губы?

— Да.

— С какой же целью?

— По моим наблюдениям, в среде, обитаемой золотоносными водорослями, золото изменяет свое состояние.

— Ну и что же?

— Оно выпадает в осадок неизмеримо быстрее.

— Так. А почему это происходит?

— Очевидно, водоросли выделяют какие-то ферменты, ускоряющие этот процесс.

— Это ваша рабочая гипотеза? — в голосе Ланина прозвучало недоверие.

— Это результат экспериментального исследования, — ответила Ольга обидчиво.

— Вот как?!

— Напрасно смеетесь. Опыты дали точный результат. Я производила анализы воды из аквариумов, где развивается культура. Потребление энергии для выпадения золота из раствора уменьшается больше чем в сто раз.

Ланин поскреб свою дремучую бороду.

— Любопытно! Ну, что ж, молодец. Вы меня извините, но я никак не думал, что вы...

— Что я способна к самостоятельной мысли? — насмешливо спросила Ольга.

— Нет. Что вы можете так конспиративно работать...

— Я не была уверена в успехе. А теперь результат не вызывает сомнений. Вот и все.

— Как же вы представляете себе осуществление вашего метода?

— Если нам удастся перевести культуру в Сайда-губу, то, во-первых, эти водоросли будут сами накапливать золото — уже не в лабораторных, а в промышленных масштабах... А, во вторых, они будут обогащать своими ферментами воду, из которой добывается золото в экспериментальном цехе. Неужели вас не увлекает такая перспектива, Иван Иванович?

— Легко сказать — перевести культуру, — проворчал Ланин. — А как это сделать?

— Ну, Иван Иванович, голубчик, вы же знаток водорослей, экспериментатор, опытный специалист, неужели вас кто-то должен учить? Конечно, это сделаете вы... — Ольга запнулась, — если разрешит Евгений Николаевич.

— То-то и оно. Профессор уже сделал одну попытку помочь Калашнику. И, насколько я понимаю, это не привело к улучшению их отношений... Хотя... В общем, все ясно. Попробовать стоит. Ведь рано или поздно мы будем разводить эти растения в естественных бассейнах для промышленного использования? Зачем же откладывать? Сегодня же телеграфирую Евгению Николаевичу.

...Весь день лихорадочное возбуждение мешало Ольге работать. Она механически включала и выключала приборы, делала отсчеты, производила вычисления. Но мысли ее были далеко.

Наступал решающий этап. Она ощущала гордость от сознания того, что на этом этапе будут иметь какое-то значение и ее работы, ее мысли, ее напряженный труд. Она в сотый раз до мельчайших деталей восстанавливала в памяти свои последние исследования. Ошибки быть не могло. В лабораторных условиях вода, насыщенная ферментами, отдавала золото почти без сопротивления.

Опыты были повторены много раз и все с тем же результатом.

После посещения Громовым биологической станции Ольга побывала у него в райкоме. Громов сказал Ольге: “Действуйте, мы вас поддержим”. Она спросила: “А если не получится?”. Он ответил: “Наука без риска — какая же это наука?”. Разговор с Громовым произвел на Ольгу большое впечатление. У нее в жизни уже бывали трудные минуты, когда путь впереди затуманивался, а назад идти не позволяло самолюбие. Но впервые она почувствовала в такой момент твердую руку партии, уверенно выводящую ее на дорогу.

Подобно миллионам других советских людей, она ощущала в своем труде могучую и радостную силу общего дела. Это дело носило величественное и ясное имя: коммунизм. Этим делом руководила партия. Ольга понимала, что руководство партии не только в объединении усилий миллионов в единое целое, но и в правильном использовании усилий каждого из этих миллионов. И все же это ее представление было в значительной степени общим, отвлеченным, пока она на себе самой не почувствовала его конкретное содержание.

“Поймите, что сейчас главное — не поддаваться влиянию буржуазной идеологии, в какую бы личину оно ни рядилось”, — говорил ей Громов. Она смотрела на него не мигая.

“Мы не против взаимной критики, — говорил он, — мы не против научных споров. Критика — одна из движущих сил нашего развития. Но когда из критики и теоретических разногласий вырастают преграды для претворения теории в практику, тогда ясно, что наши споры и разногласия могут быть использованы для укрепления враждебной нам идеологии. Критика должна не разоружать, а вооружать практику. А до сих пор, нападая друг на друга, вы только мешали друг другу перейти от теории к практике”.

Она ушла из райкома окрыленная. Опыты были поставлены и через неделю закончены.

И ей приятно было услышать по телефону одобрение Громова.

— Значит, продолжать? — спросила она.

— Обязательно.

— Может быть, вызвать Евгения Николаевича?

— Зачем? Надо полагать, что на Черном море у него не менее важные дела. Продолжайте работать.

Ускорение осаждения золота под влиянием ферментов не вызывало сомнений в экспериментальных условиях. Но от этого теоретического вывода до его претворения в практику Ольга представляла себе огромное расстояние — месяцы, годы. Однако Громов посоветовал немедленно приступить к реализации ее открытия. Мысль о заселении золотиносной водорослью бассейна Сайда-губы принадлежала ему.

— Но таким образом культура всегда будет под угрозой похищения, — робко возразила Ольга.

Громов рассмеялся.

— Ну, об этом не беспокойтесь. И не такие объекты у нас под охраной.

Оставалось немедленно приступить к осуществлению плана. Задержка была только за разрешением Смолина.

...Ольга плохо спала эту ночь. Она часто просыпалась. Время текло убийственно медленно. Светящиеся стрелки показывали час, два, три. Ольга думала о Петрове. От него не было никаких известий, и самолюбие не позволяло ей написать третье письмо: два письма остались без ответа. Какое-то гнетущее беспокойство грызло ее. Только на рассвете она задремала, как ей показалось, совсем ненадолго. Ее разбудил стук и голос Ланина. Она вскочила с постели, подбежала к дверям. В щель просунулась полоска бумаги.

— Держите, — сказал Ланин из-за двери.

Это была телеграмма. Ольга развернула ее, взглянула на подпись: “Смолин”. В тексте было всего три слова.

“Разрешаю желаю успеха”.

Глава 38 У СКАЛ КАРАДАГА

Лодка под мерный рокот мотора медленно двигалась вдоль берега. Смолин взял направление в грот. Когда над лодкой нависли черные своды, он выключил мотор. Лодка тихо вошла в полумрак.

— Понапрасну теряем время, Евгений Николаевич! — сказал Калашник, выколачивая трубку о борт.

— А мне кажется, что мы только сейчас встали на верный путь, — ответил после короткой паузы Смолин.

— Интересно. И что же вас приводит к такому заключению?

— Да, видите ли... драгирование не дало никаких результатов. Мы взяли после первой находки за трое суток еще сорок восемь драг. И только в одной из них нашли обломки золотой водоросли. Так?

— Ну. Я вас слушаю, — проворчал Калашник, недовольный, что еще не может уловить, к чему клонит Смолин.

— И эти обломки были мертвыми. Да я и не ожидал, чтобы на глубине двухсот метров эта водоросль оказалась живой. Заметьте берег у Карадага так обрывист, что глубин меньше ста метров мы не нашли. Никаких колоний золотой водоросли там нет и не может быть...

Калашник широко открыл глаза.

— Не понимаю... о каком же верном пути вы говорите?

— Колония должна быть не там... а здесь. — Смолин показал рукой на гранитные стены грота, уходящие в воду.

— Позвольте, — удивился Калашник, — вы думаете, что водоросль растет на этом граните?

Смолин отрицательно покачал головой.

— Я думаю, что внутри этого гранита есть полость, в которую заходит морское течение. Водоросль может быть только там.

Калашник скептически выпятил губы.

— Ну, Евгений Николаевич, всему есть границы, даже научной фантастике...

— А я постараюсь вас убедить, — невозмутимо сказал Смолин. — Посмотрите: как нас отнесло... к самому выходу...

Калашник смерил взглядом глубину грота, повисшего гигантской аркой над их лодкой. Прозрачная влага темнела у обрывов стен, уходящих глубоко в воду, и чуть колебалась вокруг лодки, переливаясь всеми оттенками голубого цвета.

— Сколько времени мы здесь? — продолжал Смолин. — Не более получаса, так? И за это время нас тихоньку вынесло из грота. Какое здесь расстояние, как вы думаете?

— Метров семь-восемь.

— Ну, вот. Скорость течения из грота не меньше десяти метров в час. В этом что-то есть... Конечно, возможно, здесь круговое течение. Вода заходит в грот и выходит. Но вряд ли. Это было бы трудно объяснить... Наиболее вероятным, мне кажется, прямое течение из глубин грота.

— Ну, предположим, что это так, — неохотно согласился Калашник. — Что же вы предлагаете предпринять?

— Попробовать обследовать стены. Может быть, найдем щели, через которые выходит вода.

— Сейчас?... И вдвоем?... — удивился Калашник.

— Да, сейчас, и пока что... вдвоем. Поэтому-то я и предложил вам сегодня принять участие в поездке: чтобы не привлекать внимания к нашим занятиям посторонних.

Он чуть тронул мотор. Лодка снова плавно вошла под гранитные своды. Когда нос лодки тихонько ударился о заднюю стенку грота, Смолин сбросил свой легкий пиджак и принялся расшнуровывать ботинки.

— Вы собираетесь... нырять? — спросил в недоумении Калашник.

Смолин молча кивнул головой.

— Но позвольте, Евгений Николаевич! — воскликнул с возмущением Калашник, и его бас гулким эхом загудел по гроту. — Это уже, знаете ли, начинает отдавать, извините меня, мальчишеством... Есть же современные средства подобных обследований. Водолазы...

— ...Подводные камеры, батисферы¹... — в тон ему продолжил Смолин, стаскивая через голову рубашку. — Нет, дорогой Григорий Харитонович. Это дело тонкое, и пока только вы да я будем знать о нем. Никаких водолазов я привлекать не собираюсь.

Он снял брюки, остался в легких, плотно обхватывающих плавках и выпрямился во весь свой высокий рост, собираясь прыгнуть в воду.

— Вы уверены в своих силах? — спросил Калашник.

Смолин усмехнулся.

— Неужели бы я стал рисковать?

— Но, ведь, если вы всерьез собираетесь обследовать грот, нужно нырять не меньше, чем на десять метров. Иначе ничего и не поймешь. Это тяжелое дело.

— Я знаю, — ответил Смолин равнодушно. — Но с водными организмами я работаю еще с юности. Я тогда сказал себе, что исследователь водных организмов должен чувствовать себя в воде, как в родной стихии. И постарался в совершенстве овладеть и плаванием и нырянием. Признаться, тогда я был под впечатлением прочитанного о французском археологе Кастэ, обследовавшем знаменитую Авейронскую пещеру...

— Не помню.

— Это интересный случай в истории археологических исследований. Авейронская пещера, с ценнейшими находками, была открыта Кастэ только благодаря его умению плавать и особенно нырять. Добираясь до нее, он переплыл два подземных озера... Представляете себе?

Калашник пожал плечами. Но раньше, чем он успел ответить, лодка качнулась, и Смолин, легко оттолкнувшись от борта, головой вниз прыгнул в воду.

Григорий Харитонович посмотрел на часы. Было без четверти два. Секундная стрелка только что отошла от цифры 60. Он перевел взгляд на воду. На мгновение в ее синеве мелькнуло зеленовато-желтое пятно и исчезло. Белые пузырьки, поднимаясь из глубины, указывали место, где нырнул Смолин. Секундная стрелка медленно двигалась по кругу. Прошло 20, 30, 40, 50 секунд. И когда Калашник забеспокоился, вода зашумела, и голова Смолина показалась на поверхности.

Смолин сделал несколько глубоких вдохов и снова скрылся под водой.

Через минуту он появился на поверхности, двумя взмахами рук приблизился к лодке и, взявшись за борт, несколько раз вздохнул. Его глаза торжественно сияли.

— Ну, Григорий Харитонович, — сказал он, отдышавшись, — дело стоило того, чтобы за него браться...

Он оттолкнулся от борта и опять нырнул. Калашник напрягал зрение, всматриваясь в воду. Снова мелькнуло желто-зеленое пятно. Но мелкие волны, расходящиеся от того места, где нырнул Смолин, мешали рассмотреть что-либо в глубине.

Наконец, Смолин в третий раз с шумом вынырнул на поверхность.

¹ Б а т и с ф е р а — стальная камера для погружения на большие глубины.

— Нашел! — крикнул он, фыркая и мотая головой, чтобы отбросить волосы, налипшие на лоб. — Можете меня поздравить, профессор!

Смолин схватился за борт, подпрыгнул, лодка накренилась, — но он быстро перевалился через борт и сел на банку.

— Итак, я был прав, Григорий Харитонович, — возбужденно заговорил Смолин, стряхивая с лица, груди и рук капли воды.

Он порылся в пиджаке, достал портсигар, вытащил папиросу, закурил от протянутой Калашником спички, жадно затянулся и продолжал:

— Выход течения я нашел... и не так глубоко, как думал... Метров семь-восемь, может быть, десять, не больше...

— Не вывести ли лодку на солнце? — перебил его Калашник, — вы, вероятно, замерзли?

— Кой черт, замерз!.. — воскликнул Смолин, выпуская густой клуб дыма, медленно поднявшийся под высокие своды грота. — Вы себе представить не можете — вода идет совершенно теплая, ну, градусов двадцать пять, никак не холодней.

— Откуда же она идет? Что там — тоннель? — спросил недоверчиво Калашник.

— К сожалению, нет... Вертикальные расщелины в граните. Очень узкие... В некоторые я мог засунуть руку, но большинство еще уже. А ток воды совершенно ощутимый.

— И много этих... расщелин?

— Очень много. Стена производит впечатление пчелиного сота. Но все они так узки, что проникнуть сквозь стену, увы, нельзя...

— Да... Вот вам и решение. А какой из него прок? Допустим, где-то там подземный бассейн, а в нем колония вашей золотой водоросли. Но как к ней добраться? Не взрывать же для этого весь Карадаг!..

— Ничего, ничего, — сказал Смолин, бросив окурок в воду и начиная одеваться. — Нашли выход, найдем и вход. Это вопрос времени. Сейчас надо просмотреть все исследования морских течений в этом районе. Может быть, что и придет в голову. Полагаю, что вход должен быть неподалеку. Включайте мотор, Григорий Харитонович.

Мотор тихо застучал, за кормой забурила вода, и лодка вышла из полумрака Карадагского грота на яркий свет солнца.

Глава 39 ПИСЬМО

— Вам письмо, — сказал портье, подавая Смолину конверт.

Почерк был волнующе знакомый — тонкие, изящные буквы: “Профессору Е.Н.Смолину”.

И прежде чем глаза его разглядели эти буквы, он по биению сердца понял, что письмо от Радецкой. Евгений Николаевич медленно поднимался по лестнице, на ходу вскрывая конверт. Вытащил сложенный вчетверо лист.

Остановившись на площадке, он опустил руку с зажатым в пальцах письмом. Его раздражало овладевшее им волнение. С того дня как Смолин получил последнее письмо от Валерии и не ответил на него, ему казалось, что с этим кончено. Преодолеть свое чувство было нелегко. Но он считал, что сумел сделать это. А теперь с горечью и досадой ощутил, как еще сильно и крепко то, что вызывала в нем эта женщина.

Он подошел к окну, сразу забыв обо всем и чувствуя только, как редко и гулко стучит его сердце. Не отрываясь, он прочитал письмо.

Обращения не было. “Вы правильно поступили, что не ответили на мое письмо, — писала Валерия. — А на это я и не жду отклика. Посылаю его потому, что всегда считала вас близким мне человеком, и хочу, чтобы вы знали об этом. Мне станет немного легче, если вы не будете думать обо мне плохо. Я уезжаю отсюда и не увижу вас больше никогда. Как не могли вы понять, что я отравлена неутолимой жадной славой, любви и поклонения. Какое это опьяняющее и манящее чудо — такая власть над людьми! Моя жизнь была мечтой об этом чуде. И вот мечта осуществляется. Мне ли суметь от нее отказаться! Я так надеялась, что вы мне поможет. Я протянула вам руку — и она повисла, не принятая вами.

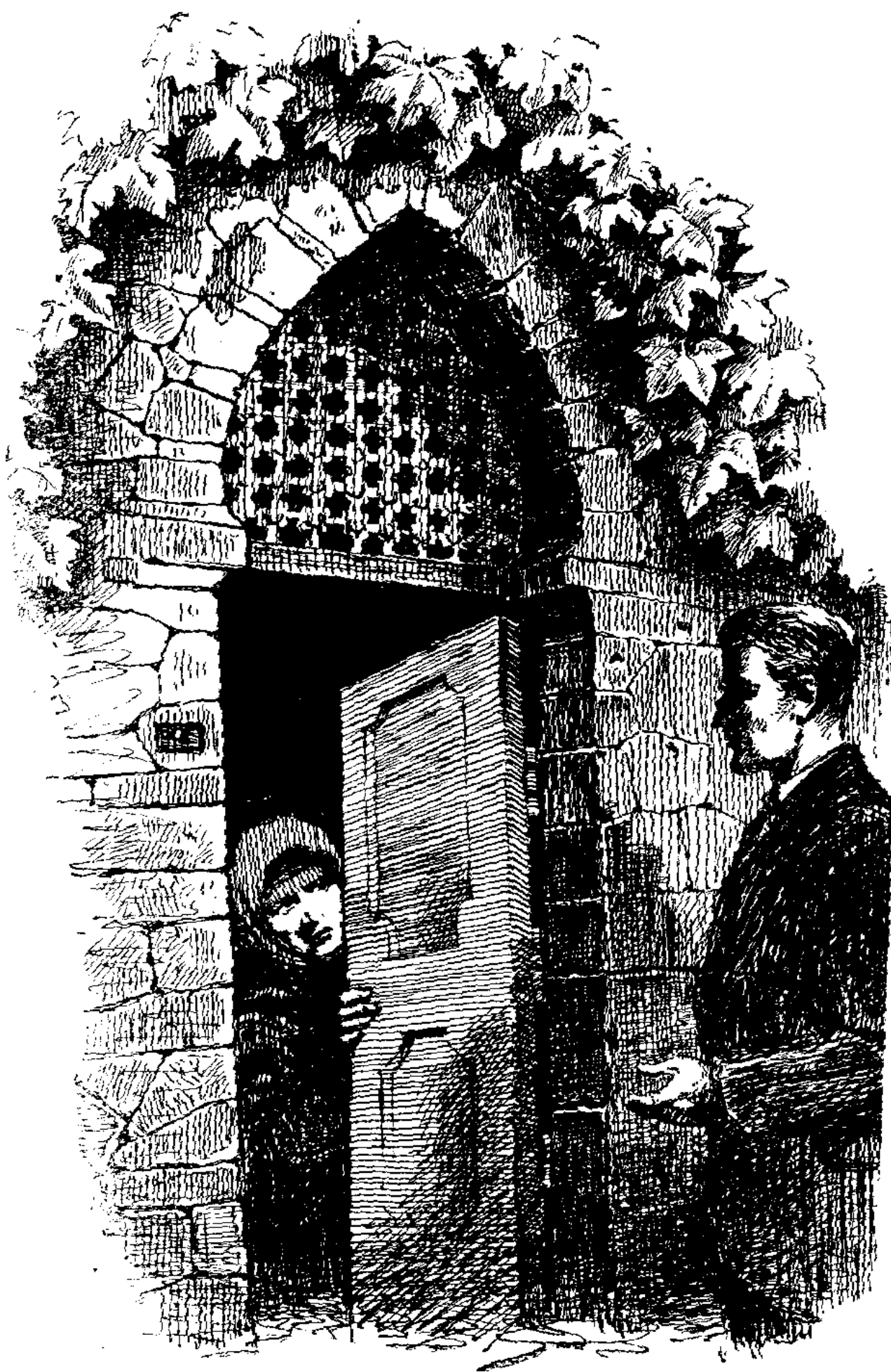
Прощайте. Желаю вам счастья.

В”.

Смолин потер рукой лоб. Невидящими глазами смотрел он перед собой. Потом встряхнул головой и пробежал глазами последние строчки “...Протянула вам руку... Я так надеялась”... Смолин сложил листок вчетверо, машинально всунул его в конверт и медленно спустился с лестницы.

Выйдя из гостиницы, Смолин остановился, соображая, куда идти. И вдруг бросился к такси, стоящему на широкой площади перед зданием...

Автомобиль рванулся вперед. В лицо Смолину пахло запахом нагретых за день кипарисов. Летели мимо пыльные деревья, вился дымок бензина за машинами, идущими впереди. Стремительно разворачивались по обеим сторонам величественные здания здравниц.

— Здесь, направо, — сказал Смолин. Автомобиль круто повернул, занеся колеса над тротуаром, и пошел вверх. Смолин с нетерпением смотрел не отрываясь вперед. Сейчас, сейчас!.. Еще поворот, мимо сквера с увядшими кипарисами, теперь прямо... За зеленой стеной деревьев мелькнуло знакомое строение.

— Ну, спасибо.

Смолин пожал руку шоферу, высунулся было из кабины, но вспомнил, что забыл расплатиться. Вытащил кошелек, достал, не глядя, какую-то бумажку и дал шоферу. Вышел из автомобиля и, едва сдерживая себя, стремительно зашагал между подстриженными кустами, по усыпанной галькой дорожке, поднялся на ступеньку и нажал кнопку звонка.

Из-за двери не было слышно ни звука.

Смолин коротко вздохнул и нажал еще раз.

К дверям никто не подходил.

Это становилось уже смешным. Смолин, стиснув зубы, в третий раз нажал что было силы на кнопку. Дом наполнился отчаянным звоном.

Смолин резко повернулся, чтобы уйти. Он был зол на свое нетерпение, поставившее его в такое глупое положение. Медленно шагнул он вниз по ступенькам, все еще томимый желанием сейчас же, немедленно увидеть Валерию. Неожиданно за его спиной щелкнул замок. Смолин стремительно обернулся. Дверь медленно приоткрылась, и из мрака послышался недовольный, заспанный женский голос:

— Кто такие? Кого нужно?

— Валерия Павловна дома? — спросил Смолин и застыл в ожидании ответа.

— Нет ее, — ответила женщина из темноты, не снимая с двери цепочки.

— Она... уехала?

— Уехала.

— Не могу ли я узнать куда?

В щели показалось хмурое, темное лицо. Женщина, уставив из-под нависшего платка маленькие глазки на Смолина, грубовато сказала:

— Совсем уехала.

— Как... совсем уехала? — переспросил Смолин.

— Так, совсем... А вы, что, знакомые будете?

Смолин не ответил.

— Да, уехала... Замуж что ли пошла. Кто их разберет... Старик чуть ума не решился, — равнодушно объяснила женщина, неприязненно разглядывая Смолина.

Он продолжал молчать.

— Никого нет! — крикнула вдруг сердито женщина и захлопнула дверь.

Часть пятая ЗОЛОТО ФЕДОРА РАДЕЦКОГО

Глава 40 ГЕНЕРАЛ ШОРЫГИН

Смолин вернулся в гостиницу и долго просидел в кресле, устремив взгляд в раскрытое окно и ничего не видя в равнодушном блеске неба и моря. У него не было никаких желаний и он ни о чем не думал. Из этого оцепенения его вывел звонок телефона. Смолин машинально протянул руку, поднял трубку и услышал грубоватый голос Калашника:

— Хотел вам сообщить, Евгений Николаевич, новость. Она вас, быть может, заинтересует. Ко мне заходил старик Радецкий.

Смолин крепко стиснул рукой трубку, судорожно прижимая ее к уху.

— Что он хотел от вас? — спросил он тихо.

— Старик спросил, не встречал ли я его дочь. Валерия Павловна исчезла. Он не хотел ничего рассказывать, но я понял, что она просто покинула отцовский дом.

— Как он выглядел?

— Вид его достоин сожаления. Он производил впечатление помешавшегося.

— Он был один?

— Его сопровождал отставной генерал, старый знакомый его семьи.

— Вы не помните фамилию? Фамилию генерала?

— Он отрекомендовался — Каратыгин, Малыгин... или что-то в этом роде...

— ...Я полагаю, что мне следует его повидать, — сказал Смолин после короткой паузы.

— Радецкого?

— Да. Но дома его, очевидно, нет.

— Генерал увел Радецкого к себе, — пояснил Калашник.

— Вы не спросили адреса генерала?

— Да... На всякий случай узнал.

— Когда вы могли бы?

— Да хоть сейчас.

— Тогда ждите меня внизу.

— Ладно, спускайтесь.

Смолин медленно вышел из комнаты и спустился в вестибюль навстречу Калашнику, который ждал его, одетый и в шляпе.

...Они молча шли, погруженные в свои мысли, не обращая внимания на оживленные, многолюдные улицы.

Уже совсем смеркалось, когда они подошли к маленькой даче генерала, затерявшейся в зелени каштанов и кипарисов. При их приближении с крыльца прыгнул толстый бульдог. Калашник, по своему обыкновению, не разыскивая кнопки звонка, ударил в дверь кулаком. Бульдог залаял.

— Кто там? — послышался за дверью женский голос.

— Скажите, пожалуйста, — обратился Смолин. — Павел Федорович Радецкий здесь?

Дверь раскрылась.

— Сегодня уехал... — сказала женщина, выглядывая.

Калашник и Смолин разочарованно переглянулись.

— А... генерала... м-м... Малыгина можно видеть? — спросил Калашник.

— Шорыгина? Можно, пожалуйста, — ответила женщина и крикнула в глубину дома. — Степан Тимофеевич, к вам!

Калашник и Смолин вошли в дверь, сопровождаемые бульдогом, подозрительно обнюхивавшим их следы. В коридоре под потолком загорелась люстра, и из дверей слева появилась плотная фигура генерала. Это был ослепительно белый, плотный мужчина, с загорелым румяным лицом, полными щеками.

— Кого имею честь... — начал он с любезной улыбкой, всматриваясь в лица гостей.

— Разрешите отрекомендоваться, — сказал Смолин. — Профессор Калашник, а я — Смолин. Друзья Павла Федоровича Радецкого.

— Весьма приятно. Шорыгин. С профессором Калашником я уже имел случай познакомиться. Проходите, пожалуйста.

Он ввел гостей в небольшой кабинет, увешанный коврами и обставленный мебелью, обитой кожей.

— Садитесь, прошу вас. Вот папиросы, — предложил Шорыгин.

— Извините нас, Степан Тимофеевич, за неожиданное вторжение, — начал Смолин. — Нас привели к вам чрезвычайные обстоятельства. Мы интересуемся, что случилось с Павлом Федоровичем Радецким.

Лицо Шорыгина помрачнело.

— Да, несчастный, несчастный старик... Судьба его вызывает глубокое сожаление.

— Вы имеете в виду... исчезновение его дочери? — выговорил с некоторым усилием Смолин.

— Вся совокупность семейных обстоятельств сложилась у него чрезвычайно неблагоприятно, — ответил Шорыгин. — И это было последним ударом. Сейчас он близок к умопомешательству...

— А... как это случилось? — осторожно спросил Смолин.

— Он мне кое-что рассказал, но рассказ его был довольно бессвязен, и я, видя его состояние, не решился расспрашивать.

Калашник и Смолин слушали его, опустив глаза и не глядя друг на друга.

— Дело сложилось так, что Валерия Павловна дала согласие выйти замуж... некоему Васильеву... Павел Федорович не был доволен ее выбором, но, естественно, не хотел препятствовать ее счастью. Насколько я мог понять, что-то мешало этому браку, кажется, даже сам Павел Федорович не знал, что именно, и это его очень мучило. Ну-с, однажды ночью Валерия Павловна ушла из дома, оставив записку крайне странного содержания. Из нее ясно было одно — что она уезжает, чтобы соединить свою жизнь с жизнью этого Васильева... Но для этого ей необходимо преодолевать какие-то препятствия, покинуть дом отца и тому подобное. Старик остался совершенно один.

Шорыгин молчал. Калашник кашлянул и спросил, выждав короткую паузу:

— А Васильев?

— Утром, конечно, старик направился к нему. Васильев жил в гостинице “Южный берег”. Павлу Федоровичу ответили, что Васильев выехал неизвестно куда. Тогда старик поехал разыскивать их. Он побывал в Алуште, Гурзуфе, Ялте, всюду расспрашивая о своей дочери. Нигде он не обнаружил никаких следов. Наконец, он вернулся в Феодосию. Здесь я его и встретил. Я пытался помочь ему в поисках. Ну, конечно, мы никого не нашли. А сегодня утром он, совершенно обезумевший и больной от горя, выехал в Севастополь. Мои уговоры остаться на него не повлияли.

Шорыгин замолчал.

Калашник и Смолин погрузились в невеселые мысли.

— Работаете в наших краях? — спросил, наконец, генерал.

— Да работаем, — ответил Смолин неохотно.

— Здесь, надо сказать, для исследований моря благоприятнейшие места, — любезно продолжал хозяин.

— Да, конечно, — неопределенно согласился Смолин.

— Я ведь родился в Феодосии. С Павлом Федоровичем мы росли вместе с юных лет. Его отец проводил здесь каждое лето — с апреля по октябрь. И непрерывно вел научные исследования...

— Любопытно, — заинтересовался Смолин. — Чем же он занимался?

— Да по вашей части. У Радецких эти занятия — старинная традиция. Минералогией и химией занимался еще дед Павла Федоровича — морской врач и путешественник. В семье до сих пор хранятся воспоминания о его путешествиях. Отец Павла Федоровича рано осиротел, бедствовал, но также проявлял большой интерес к науке. Был он врачом, но практикой не занимался. Женился на богатой и увлекся научными изысканиями. Исследовал минералы под Карадагом. Здесь ведь издавна известны залежи самых разнообразных камней — халцедон, яшма, сердолик. Он собирал их со дна моря...

Смолин насторожился.

— ...в огромных количествах, прямо сказать, тоннами. Каждые две-три недели обязательно уходил в Севастополь десяток подвод, груженных тяжелыми ящиками.

— В Севастополь? Почему же туда?

— А потому что под Севастополем, в Александриаде у него была лаборатория, в своей даче, на краю поселка. Там он и занимался исследованиями.

— Интересно... А дед Павла Федоровича тоже был минералогом?

— Дед был гениальный, глубочайшего ума ученый. Но, судя по семейному преданию, личная жизнь сложилась у него тоже неудачно. Потому-то он и не занял места в науке, которого заслуживал... Мне рассказывали, что еще студентом медицинского факультета он проявил исключительные способности. Его считали будущим светилом. И вот — несчастная любовь к недостойной женщине. Он бросил все, уехал в кругосветное плавание морским врачом, высадился где-то на островах в Тихом океане и прожил с туземцами пять лет. Вернулся он оттуда странным, замкнутым, нелюдимым человеком. Умер он примерно лет сто назад.

И кажется, какие-то его записки были опубликованы уже после его смерти.

Генерал поднялся. Смолин понял, что визит затянулся и стал прощаться. Калашник нехотя последовал его примеру.

Глава 41 ПОЖЕЛТЕВШИЕ СТРАНИЦЫ

...Поздно вечером, усталый, измученный, Смолин открыл дверь своего номера в гостинице. На столе горела лампа. Навстречу ему, отложив журнал, поднялся с кресла Колосов.

— Полковник! — удивился Смолин, пожимая протянутую руку.

— Я не хотел мешать вашей работе вызовом в Севастополь, и прибыл сам для срочного разговора. Не возражаете?

— Какие же могут быть возражения? — Смолин сбросил шляпу и пальто. — Очень рад вас видеть. Надеюсь, разговор с вами поможет мне разобраться хоть немного в последних событиях.

— Боюсь, что не сумею оправдать ваши ожидания. Но кое-что интересное для вас сообщить могу. Прежде всего разрешите задать вам несколько вопросов.

— Я вас слушаю.

— Скажите, Евгений Николаевич, известен ли вам некто Васильев?

— Если вы имеете в виду субъекта, причастного к киноискусству, — ответил, нахмурясь, Смолин, — то он мне известен. Вернее, мне приходилось с ним встречаться.

— В обществе киноактрисы Радецкой?

— Да.

— Ну, так вот, вчера в наше управление в Севастополе явился ее отец и заявил, что его дочь скрылась с этим субъектом неизвестно куда, — по его подозрению, за границу.

— Мне это известно.

— Что вы можете сказать по этому поводу? — спросил Колосов мягко.

Смолин развел руками.

— Затрудняюсь сказать что-либо определенное. Я был знаком с Радецкой. У меня сложилось впечатление, что Васильев оказывал на нее пагубное влияние своей лестью и рассказами о карьере киноактрис в Америке. Очевидно, она...

— Извините, — остановил его Колосов. — Вопрос о том, чем сумел заинтересовать Радецкую этот субъект, имеет второстепенное значение. Важно установить, почему его выбор остановился на ней.

— Я не совсем вас понимаю, — сказал озадаченно Смолин.

— Вопрос идет о том, чем могла заинтересовать советская киноактриса агента иностранной разведки.

— Агента иностранной разведки? — переспросил Смолин.

— Да. Этот человек такой же Васильев, как Петров или Сидоров. Его зовут Георг Колли, он же Генри Картер, он же Гарри Кирсби. И нас, естественно, интересует, что привлекало его в Радецкой, с которой он бежал за границу. — Колосов улыбнулся. — Я вижу, вы сейчас припоминаете достоинства Радецкой, как женщины. Эти достоинства несомненны, но не в них дело. Уверяю вас, если бы Радецкая не была красива и талантлива. Колли вел бы себя с ней так же настойчиво и так же добивался бы ее расположения. Несомненно, она интересовала его прежде всего как разведчика.

— То есть через нее он рассчитывал получить какие-то сведения? — спросил Смолин.

— Да.

— Простите, может быть, дело идет о государственной тайне, и я не имею права вас спрашивать... Но, признаюсь, я не могу представить себе, какими же сведениями могла располагать Радецкая? Круг ее знакомых — люди искусства... Военные и технические вопросы ей абсолютно чужды...

— А вопросы науки? — перебил его Колосов.

Смолин ошеломленно посмотрел на Колосова.

— Наука — область, в которой она могла знать многое, — сказал убежденно Колосов. — Вот вы говорите, что были с ней знакомы. Это нам известно. Припомните, не проявляла ли Радецкая особого интереса к вашим исследованиям?

Смолин задумался. Колосов внимательно смотрел на него.

— Нет, — сказал, наконец, Смолин решительно. — Этого я утверждать не могу. Естественно, зная, в какой области науки я работаю, она нередко спрашивала, что привлекает меня в Черном море. Ну, само собой разумеется, на этот вопрос я никогда никаких разъяснений не давал.

— И вы считаете, что она не знала, над какой темой вы работаете?

— От меня, я полагаю, узнать об этом она не могла.

— Так. А как вы думаете, почему ваш научный противник профессор Калашник также был привлечен в круг ее знакомых?

— Мне казалось это чистой случайностью. — Колосов покачал головой.

— Я допускаю, что ваше знакомство с Радецкой и ее знакомство с профессором Калашником было случайностью для вас, для него и, может быть, даже для нее. Но, уверяю вас, все это не было случайностью для Колли. Это мне совершенно ясно. Жаль, конечно, что мы констатируем это только теперь.

— Значит, вы считаете, что Радецкая была агентом наших врагов?

— С уверенностью я это сказать не могу. Но то, что враг использовал ее в своих целях, для меня не представляет сомнений.

Смолин слушал Колосова с возрастающим волнением. Его томило гнетущее чувство непоправимой ошибки.

— И все же я не понимаю, — сказал он негромко, как бы размышляя вслух, — если знакомство Радецкой с Калашником и мной интересовало Васильева, или, как вы говорите — Колли, для получения сведений о нашей работе, почему же в последнее время он вел себя так, что это знакомство прекратилось.

— Это показывает, — живо ответил Колосов, — что знакомством с Радецкой Колли разрешал и другую задачу. Вы и Калашник для него были дополнительными объектами. Очевидно, теперь настал момент, когда Колли переключился на свое основное задание.

— Какое же? — спросил Смолин в недоумении. — Впрочем, извините, может быть, мой вопрос...

— Именно этот вопрос и послужил причиной моего посещения. И я надеюсь, что мы сумеем совместно с вами внести в него ясность.

— Я вас слушаю... Хотя решительно не понимаю, чем я тут могу помочь?

Колосов испытующе посмотрел на Смолина.

— Именно, вы! Вы — как ученый, как участник и руководитель работ, вокруг которых и развернулась возня иностранных разведчиков. — Он встал с кресла и сделал несколько шагов по ковру. — Извините, мне удобнее размышлять на ходу. Так вот, начнем с того, что представим себе всю картину в целом. Вы и ваши зарубежные соперники решаете одну задачу, — начал он, остановившись у стола. И заинтересованы в том, чтобы в решении этой задачи друг друга опередить. Насколько я, понимаю, вам удалось приблизиться к решению. Противник пытается овладеть вашим секретом, а вашу работу задержать. Это делает понятным многое. Я уверен, что гибель Крушинского не случайна. Едва ли можно назвать случайной и гибель культуры гигантской водоросли. Вы считаете, что она погибла потому, что вообще организмы с гигантскими клетками нежизненны. Допустим, что это так. Но едва ли было случайностью то, что в иностранной прессе появилось сообщение о работах Симпсона с гигантскими водорослями, которое и увлекло вас на этот ложный путь. Что же касается исчезновения Петрова, то нет сомнений, что он похищен и похищен, конечно, не друзьями, а врагами. Мотивы всех этих диверсий понятны. Диверсии нанесли вашему делу большой ущерб. Но он был бы еще большим, если бы враг знал о вашем деле все, что знаете вы.

— Да, в этом наше преимущество. Враг наносит удары наугад, не зная, что для нас главное.

— К сожалению, это преимущество мы сохраняем не во всем, — сказал Колосов, снова принимаясь ходить.

— А именно?

— У нас есть данные, что враг знает о нашем деле такое, что для нас до сих пор еще остается неясным.

— Что же это может быть? — удивился Смолин.

— А то, что кто-то уже владеет секретом золотодобычи из морской воды. И это, очевидно, известно врагу...

Смолин поднялся с места, чувствуя, как по всему его телу пробежал холодок.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Я говорю, что кто-то уже добывает золото из воды с помощью морских растительных организмов. Вот сюда и направлены происки иностранной разведки. Может быть, даже более упорные, чем в отношении вашей работы. Потому что здесь не перспектива решения, а уже решенная задача.

— Что же это может быть?! Не с неба же свалилось это решение. Кто-то должен был его получить. О всех работающих в этой области я знаю. И сомневаюсь, чтобы нашелся человек, которому удалось опередить меня.

— Если бы речь шла о создании золотоносных организмов. Но, ведь, как вы знаете, такой организм существует и в природе. Более того, он живет в Черном море.

— Вот что! — протянул Смолин. — Значит, речь идет о том, что кто-то здесь уже нашел месторождение водоросли?

— Да. Нашел. И, может быть, уже эксплуатирует.

Неожиданная догадка пронеслась в голове Смолина. Он схватил Колосова за рукав и почти шепотом спросил:

— Радецкий?

Колосов кивнул головой:

— Да. И если у вас сейчас возникла эта мысль, значит, в своих рассуждениях я прав. Почему вы о нем подумали?

— Сегодня я слышал рассказ о его отце — Федоре Радецком. Он занимался исследованием минералов Карадагской котловины. А сейчас у меня мелькнула мысль, что это были не минералы, а колония золотой водоросли, которую он эксплуатировал.

— И эта мысль находит какое-нибудь подтверждение?

— Да. Дело в том, что при вторичном драгировании в Карадагской котловине мы снова обнаружили обломки золотой водоросли.

— Значит, в своем предположении я был прав, хотя ничего о том, что вы рассказываете, не знал.

— А вы как пришли к этой мысли?

— Путь довольно длинный, — Колосов снова уселся в кресло. — Интерес Васильева к семье Радецкого не остался для нас незамеченным. Васильев-Колли давно вызывал у нас подозрение и последний год был под наблюдением. Подозрение это усилилось, когда он стал встречаться с вами и профессором Калашником. Но это знакомство окончилось, а связь его с семьей Радецких продолжалась. И я понял: если наши подозрения справедливы, то объектом его деятельности может быть только старик Радецкий. Вы правы: никакими сведениями военного и технического характера ни он, ни его дочь располагать не могли. И надо было решить, каким секретом, интересным для иностранной разведки, владеет этот человек.

— И это вам удалось решить?

— В виде более или менее обоснованного предположения. В окончательной форме это предположение созрело у меня слишком поздно: когда я узнал о бегстве Васильева с дочерью Радецкого. Это была точка над *i*. Но и раньше я имел основания для моего предположения. Первое: старик жил с начала первой и до конца второй мировой войны за границей в Румынии. Мне удалось выяснить, что там он оставил жену, которая эмигрировала в Америку. Вполне возможно, что она владела его секретом и заинтересовала в нем соответствующие круги... Но, повидимому, она не располагала никакими доказательствами, и попытки овладеть секретом Радецкого не предпринимались. Находка золотой водоросли в Черном море, о которой, очевидно, стало известно иностранной разведке, и была этим доказательством. Колли появляется в обществе Радецкого именно в этот момент...

— Да, — подтвердил Смолин, — я увидел его в тот день, когда впервые услышал о находке.

— Второе: Колли решает скрыться или симулировать бегство с дочерью Радецкого. Ясно, что секрет старика в какой-то мере стал ему известен, и здесь ему больше делать нечего. И, наконец, третье и самое очевидное: материалы, обнаруженные в комнате Колли при обыске после его внезапного бегства.

Колосов раскрыл портфель, вытащил две небольшие книги в кожаных переплетах и протянул их Смолину.

— Взгляните.

Смолин открыл одну из книг, с удивлением прочитал заглавие, открыл другую... Сличил это были два экземпляра одной и той же книги — “Дневник путешествия по островам Тихого океана Федора Радецкого, по-смертно изданный его вдовой А.В.Радецкой. С.-Петербург, 1864 год”.

— Ничего не понимаю, — сказал Смолин. — Почему и зачем у Васильева очутилась эта книга — и в двух экземплярах?..

— Сейчас поймете, — остановил его Колосов. — Вы просмотрите бегло.

Смолин раскрыл одну из книг и перелистал, пробегая глазами целые страницы и останавливаясь на отдельных строчках.

“...незнакомому человека. Моим правилом было никогда не приходить к ним с оружием.

В этом заключается секрет доверия, оказываемого жителями острова чужому человеку...

...Насколько я понимаю, у них нет представления о ценности золота, о применении его для торговли или обмена товаров. Женщины носят множество тонких браслетов, сплетенных из тонкой золотой проволоки, на руках и на ногах. Золотые проволочные ожерелья в виде высоких ошейников носят и мужчины и женщины...

...Я не мог обнаружить никаких следов добычи золота. Остров изобилует ручьями, но я никогда не видел ни промывки грунта, ни каких-либо других приемов, обычно применяемых золотоискателями. Из любопытства я пробовал на глазах у Тао промывать в медном тазу грязь на берегу ручья. Мое занятие не произвело на него никакого впечатления...”. Смолин поднял глаза на Колосова.

— Читайте, читайте, — кивнул тот головой.

“...мастера, изготавливающие золотые украшения. Я долго наблюдал за их занятием.

В своей работе они пользуются каменными молотками. Волочение проволоки производится через ряд постепенно суживающихся отверстий, искусно просверленных в каменной плитке...

...Когда я попытался узнать об источниках золота, Тао коротко ответил: “Лонга”. Это название носят глубокие гроты, расположенные в южной, ненаселенной части острова, обрывающейся в океан крутой, почти отвесной стеной. Когда я попросил его свести меня туда, он показал на молодой серп месяца и нарисовал в воздухе круг, изображающий полную луну. Я понял, что посещение гротов возможно только в полнолуние во время наибольшего отлива...

...Допускаются только старейшие. В противоположность ловле рыбы, которая сопровождается страшным шумом, с каким гонят рыбу к берегу, это занятие совершается в тишине, нарушаемой только плеском весел...

...Лодки входили под своды мрачного грота, казавшегося еще мрачнее при лунном свете. Однако в пещерах оказалось не так темно, как я думал, вода при погружении весел начинала ярко светиться. Мы плыли в глубоком молчании не менее часа, пока под лодками не зашуршали какие-то растения...

...При слабом блеске, который давала светящаяся вода лодки были нагружены грудами водорослей. На ощупь их поверхность казалась слизистой, этой слизью были покрыты твердые, как камень, стволы, ветви и листья...

Смолин листал страницу за страницей, взбудораженный прочитанным.

“...Странное впечатление производят эти костры. Жгут кучи сухих водорослей, пока не достигается сильный жар, после чего на раскаленные угли сыплют собранные в пещерах растения. Луна зашла. Тао и его спутники молча сидели в темноте вокруг костра, не сводя глаз с пламени. Не могу забыть чувства изумления, охватившего меня, когда ослепительно белые струи расплавленного металла потекли на песок.

...Увлеченный этой идеей, я не находил себе места. Средства для улучшения участи тысяч обездоленных людей, отсутствие которых заставило меня отказаться от моих планов, теперь у меня в руках...

...Задача заключается в том, чтобы осуществить мой план так, как я задумал...”

Смолин лихорадочно переворачивал пожелтевшие листы, отыскивая продолжение рассказа.

— Нет, нет, больше ничего интересного для вас не будет, — остановил его Колосов. — Хотя, впрочем, вы еще сможете внимательно познакомиться с этой книгой. Я вам оставляю один экземпляр. Но вам понятно, о чем идет речь?

— Еще бы! — сказал Смолин, продолжая машинально перелистывать книгу. — Значит, мое предположение правильно — колония водорослей находится в бассейне, скрытом в недрах Карадага.

— А вы об этом уже думали?.. По всей вероятности, так.

— Боже мой, как глупо и неосмотрительно мы себя вели! — воскликнул Смолин. — Подумать только, об этой книге я услышал в тот самый день, когда получил задание президента Академии. Не помню — тогда же или на другой день я узнал, что экземпляр этой книги куплен в букинистическом магазине Симпсоном. И мне в голову не пришло, что между покупкой этой книги и миссией Симпсона в нашей стране есть какая-то связь!..

— Ну, эту связь в ту пору уловить было трудно! Вот теперь она представляется нам совершенно несомненной. Заметьте — у Колли было два экземпляра этой книги. Вы думаете, один из них куплен Симпсоном? Ничего подобного... Экземпляр Симпсона, несомненно, за рубежом и, несомненно, сослужил свою службу как документ, свидетельствующий, что колония золотоносных водорослей в Черном море не выдумка жены Радецкого, а реальный факт. А Колли добыл еще два экземпляра совсем с другой целью. Очевидно, он получил задание уничтожить этот документ, чтобы мы не воспользовались сведениями о колонии водорослей. Я навел справки. Оказалось, что книга была издана вдовой путешественника Радецкого тиражом всего в 100 экземпляров. Единственный экземпляр этой книги был в библиотеке Академии наук. Мне сообщили, что прошлой зимой этот экземпляр был выдан в читальный зал и читателем не возвращен. Личность читателя установить не удалось. Второй- экземпляр — собственность Павла Федоровича Радецкого. Знакомство с Валерией Павловной Радецкой Колли использовал также и для того, чтобы похитить последний экземпляр книги. Почему он их не уничтожил, я не могу понять. Единственное, что мне приходит в голову, это личный интерес Колли. Возможность обогащения отбивает у таких субъектов память об интересах их хозяев. Ну, вот на этом разрешите вас покинуть. Оставляю вам книгу — может быть, внимательное чтение будет для вас небезинтересным. Всего хорошего!

Глава 42 ПОДЗЕМНЫЙ ГРОТ

Смолин долго не мог уснуть. Только на рассвете он забылся, но вскоре его разбудили яркие лучи солнца, брызнувшие ему в лицо. Он освежился душем, и за стаканом крепкого чая до деталей припомнил весь разговор с Колосовым. Утренний свет вносил в размышления Смолина реалистический оттенок, заставляя его иронизировать над работой воображения. Задача оставалась прежней: предстояло продолжать поиски колонии золотоносных растений под Карадагом. Предпосылкой к решению этой задачи были два реальных факта: находка единичных экземпляров золотой водоросли в Карадагской котловине, и обеднение золотом морской воды в этом районе. Мысль о подземном бассейне в недрах Карадага была гипотезой.

Но эта гипотеза казалась очень правдоподобной после изучения дневника Федора Радецкого.

“Все это весьма вероятно, — думал Смолин, постукивая ложечкой по стакану. — Больше того: это единственное возможное решение. В поисках колонии водорослей мы обшарили все побережье и ничего не нашли.

Значит, она где-то в скрытом месте. А где может быть это место? Только в каком-то подземном бассейне... А где искать этот подземный бассейн? Очевидно, поблизости от того места, где трижды удалось найти золотую водоросль. Могут быть эти находки случайностью? Невероятно. Значит надо искать колонию золотых водорослей в скрытом месте..."

Наконец, Смолин заметил, что его размышления стали повторяться, описывая замкнутый круг. Он решительно встал. Ясно было одно причастность Павла Радецкого к тайне золотой водоросли лишь укрепляет гипотезу о существовании подземного бассейна, который необходимо искать. Это была реальная задача. И к ее решению надо было приступать немедленно.

Калашник тоже давно встал и дожидался Смолина, чтобы опять выйти в море. Они испытующе посмотрели друг на друга.

— У меня есть мысль, — сказал Калашник, надевая пальто.

— Что-нибудь новое?

— Как вам сказать... Размышления исследователя, в какой-то мере знакомого с геологией, над тем, что вы вчера сказали...

— О подземном бассейне?

— Да. Ночью я перелистал все, что у меня было под рукой по геологии Карадага. И я пришел к заключению, что мысль ваша имеет некоторое основание...

Они вышли из гостиницы на набережную. Ослепительное утро светило над нежной голубизной спокойной воды. Несколько минут они шли молча, вдыхая свежий, чистый воздух, напоенный запахом моря.

— Что же вам пришло в голову? — спросил Смолин, когда они стали спускаться по каменным ступенькам к лодочной пристани.

— Карадаг, как вы знаете, представляет собой руину огромного вулкана, действовавшего еще в Юрскую эпоху. Вулкан повален набок, смят и опущен в море, где и находится большая его часть. Это произошло вследствие колоссальных сбросов и сдвигов, имевших место при дальнейших горообразовательных процессах. Осадочные породы смешались с массивно-кристаллическими, поднявшимися из глубин на поверхность. Разрушительная деятельность воды оказывает влияние, конечно, прежде всего на осадочные породы как на более слабые. И, следовательно, в недрах массивных пород, составляющих берег Карадага, образование подземных бассейнов вполне вероятно.

— Так-то так, — с некоторым разочарованием сказал Смолин, гремя цепью и отпирая замок, — но гипотезы не помогают найти вход в этот бассейн.

— Я не кончил, — возразил Калашник, прыгая в лодку.

Смолин пустил мотор. Вода за кормой забурлила. Набережная медленно развернулась. Смолин прибавил газ, и лодка понеслась в море, огибая волнорез.

— Так что же? — спросил Смолин.

— Я вспомнил строение скал к востоку от грота. Там есть место, где отчетливо видна линия сброса, расщепляющая породу у самой воды. Трещина идет в глубину моря. И если вы сравните ее с линией сброса, которая такой же трещиной переходит в своды грота, где мы были вчера, у вас создается впечатление, что под водой она тоже расходится, образуя пещеру... Я предлагаю начать поиски именно в этом месте.

— Отлично, — согласился Смолин. — Если ваша догадка подтвердится, мы сделаем шаг вперед.

Восемнадцать километров, отделяющие феодосийскую гавань от берегов Карадага, они прошли за час. Солнце уже поднялось высоко над морем, когда за коктебельским пляжем, пестревшим сотнями разноцветных купальных костюмов, показались обрывистые скалы Карадага. Мелькнула Сердоликовая бухта. Проходя мимо огромной арки "Ворот Карадага", Смолин убавил скорость.

Налегая друг на друга, повисая над морем, лепились причудливые нагромождения скал, окрашенных в сотни цветов и оттенков. Под нависшими над водой первозданными глыбами мрачно чернела бездонная глубина.

Лодка шла совсем медленно. Калашник пристально смотрел на берег, внимательно следя взглядом за направлением расщелин и трещин, пересекающих массивы горных пород.

— Здесь! — сказал он негромко, показывая рукой направление.

Смолин остановил мотор. Лодка тихо заскользила по воде и остановилась метрах в двух от скалы, круто уходящей в море.

— Видите? — показал Калашник на щель, узким треугольником чернеющую над водой.

Смолин кивнул головой и начал раздеваться.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Калашник.

— Обследовать.

— Опять тем же способом?

— Пока других нет.

Смолин всмотрелся внимательно в ход щели, соображая, куда она направляется под водой, сделал несколько глубоких вдохов и прыгнул в воду головой вниз.

Под водой он широко раскрыл глаза, стараясь увидеть расширение щели. Но щель опускалась в глубину черной, узкой полосой — в нее едва проходила ладонь. Смолин, работая ногами, медленно погружался вглубь и продолжал измерять расстояние между стенками щели. Наконец она стала постепенно расширяться, но так не-

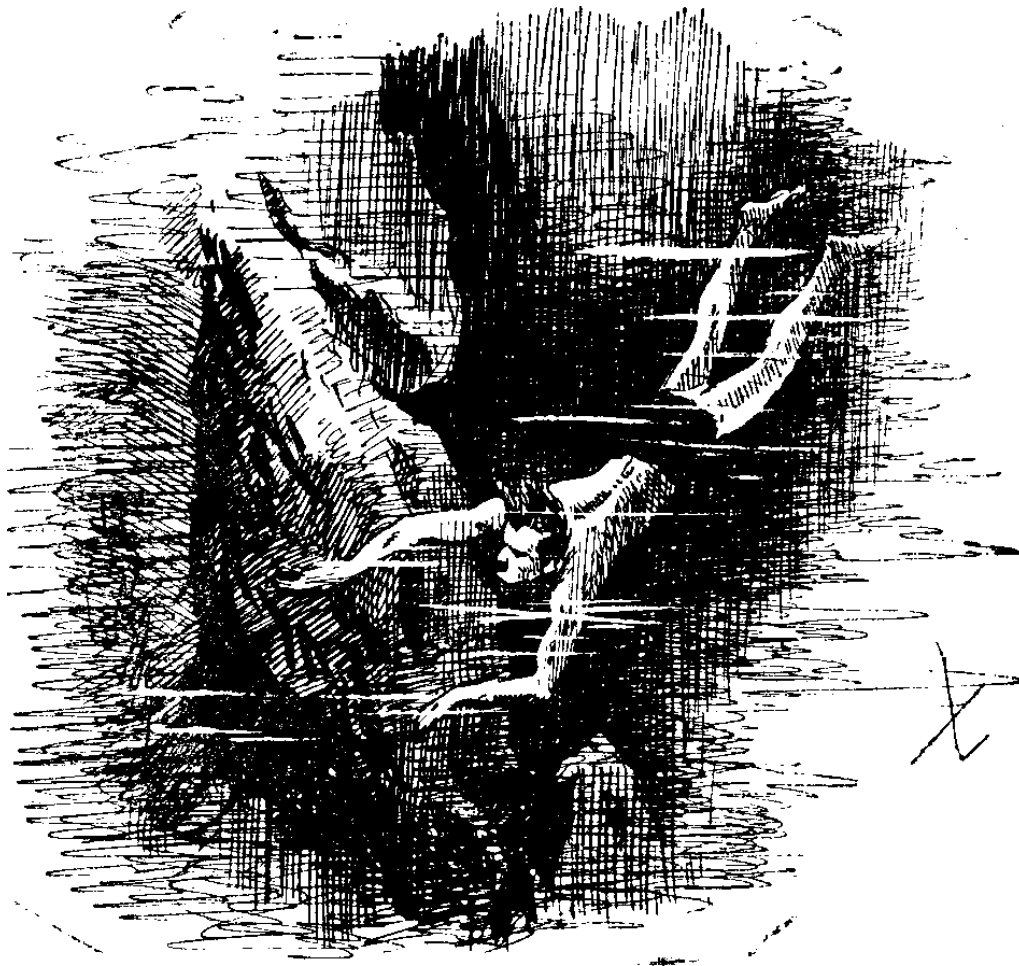
значительно, что, когда Смолин уже почувствовал удушье, щель едва достигла ширины его головы. Смолин резкими бросками ног и рук вынырнул на поверхность.

Когда он отфыркался и отдышался, с лодки послышался негромкий голос Калашника:

— Ну, как?

— Пока входа еще нет. Сейчас повторю...

Он снова ушел под воду, быстро опускаясь вдоль щели. Зеленоватая мгла меркла, сменяясь мрачной синевой... Смолин погружался все глубже, изредка протягивая вперед руку, чтобы коснуться скалы.

И внезапно рука его свободно прошла вперед. Он двинулся туда, шаря над собой обеими руками, нащупал круто идущие вниз своды и уверенно нырнул под них. Он поставил тело вертикально — дна не было; взмахом ног он снова поднялся, коснувшись головой сводов, и поплыл вперед, непрерывно поднимая вверх руку, чтобы не потерять связи с потолком открытого им прохода.

Вода становилась все теплее, и это порождало в нем уверенность, что он на верном пути. Своды постепенно повышались и становились уже. Загребая руками, он касался стен-то справа, то слева. Подступало ощущение удушья. Он понял, что запасов воздуха в легких едва хватит на обратный путь, и стал поворачивать назад, но вдруг увидел — казалось совсем близко — слабый мерцающий свет. Перед ним выступило расплывающееся зеленоватое пятно.

“Выход!” — мелькнуло в его голове. Какую-то долю секунды он колебался. Но благоразумие одержало верх. Он быстро повернулся и двинулся в обратном направлении.

Уже все запасы воздуха были исчерпаны.

В глазах начали вспыхивать малиновые искры. Потребность воздуха сжимала грудь, как клещами. Но он знал, что все это при затяжном нырянии неизбежно и пройдет после первых же глотков воздуха.

Свод над головой оборвался. Сверху мерцало расплывающимся зеленым пятном солнце. Смолин изо всех сил оттолкнулся от скалы. Мимо глаз мелькнули пузырьки, вода посветлела, расступилась, и он, жмурясь от солнца и фыркая, жадно глотнул воздух широко открытым ртом.

— Есть шансы! — крикнул он Калашнику, отдышавшись.

Калашник покачал головой.

— Напрасно рискуете, Евгений Николаевич! Вы были под водой шестьдесят пять секунд. Это немислимо.

— Дело тренировки, — спокойно ответил Смолин.

Он лег на спину, подставляя солнцу широкое худощавое загорелое тело. Отдыхал он, мерно и ровно дыша, не больше трех минут. Потом подплыл к лодке.

— Сейчас попробую нырнуть через весь проход. В конце его я видел свет. Если там открытый бассейн, то есть и воздух. Это значит, что я могу там задержаться долго. Не беспокойтесь обо мне.

И прежде чем Калашник успел возразить, Смолин ушел под воду.

Теперь он двигался быстро. Погружение длилось не более трех секунд. Он протянул руку и уверенно поплыл в проход. Вот опять впереди проступило светлое расплывающееся пятно. Смолин выпрямился почти вертикально, оттолкнулся и сомкнул ноги. Его вынесло на поверхность.

Он огляделся, жадно вдыхая теплый, влажный воздух. В густом, голубоватом полумраке трудно было что-либо различить. Впереди чуть поблескивала маслянисто-черная поверхность воды. Сзади круто уходили вверх стены прохода, по которому он достиг этого бассейна. Темные стены огромного подземного грота поглощали рассеянный свет, проникавший откуда-то сверху. Кое-где вспыхивали голубоватые жилки каких-то минералов.

Смолин посмотрел назад, запоминая расположение сводов, чтобы не запутаться на обратном пути. Глаза его стали привыкать к темноте, и он ясно видел расщелину, выходящую из воды в виде остроконечной арки.

“Дорога для отступления есть”, — усмехнулся он про себя и поплыл. Далеко впереди маячили неясные очертания бесформенных глыб, в беспорядке навороченных у стен грота. Расстояние до них показалось Смолину значительным — не менее ста метров. Когда эти камни были уже совсем близки, его грудь что-то царапнуло. Он опустил руку и нащупал переплет жестких, покрытых слизью стеблей.

“Золотая водоросль!” — догадался он. Смолин проплыл немного дальше, и растения стали путаться под ногами. Он выпрямился и встал на грунт, густо покрытый той же жесткой, слизистой растительностью.

Направо, налево, со всех сторон, куда достигала рука, из глубины тянулись густо переплетающиеся ветви. Смолин нагнулся, захватил ствол ближайшего растения и потянул. Водоросль легко обломилась. Он вытащил ее из воды и взвесил на руках.

— Добрый килограмм, — пробормотал он.

Руки его дрожали. Так вот она, тайна Черного моря! Смолин сделал несколько шагов вперед, раздвигая ногами водоросли. Слизистой поверхностью они скользили по коже.

Если бы не слизь, то жесткие, почти окаменевшие ветви водорослей исцарапали бы его ноги в кровь. Почва под ногами поднималась. Еще несколько шагов, и вода была ему уже по щиколотку. Из полумрака смутно вырисовывались очертания края водной поверхности.

Он постоял немного, слушая, как звонко раздаются под сводами грота звуки падающих с его тела капель. Шагнул вперед — и очутился на суше. Это была полого уходящая в воду твердая, ровная почва. Смолин медленно пошел по ней вдоль кромки воды, считая шаги. Он насчитал до сорока, когда низко над головой повис свод грота. Смолин пошел пригнувшись. Когда идти стало невозможно, он присел на корточки и сунул руку в воду. И здесь до самой поверхности тянулись жесткие, слизистые ветви. Смолин спустился в воду, выломал несколько растений, привязал их к тесемкам плавок так, чтобы они не мешали движениям, и поплыл. Отсюда совсем близко виднелась арка расщелины, по которой Смолин проник в подземный бассейн. Обратный путь показался ему совсем коротким.

— Ну, Евгений Николаевич, — сказал Калашник, когда Смолин вынырнул у лодки, — я уже был уверен, что вы утонули...

Смолин шумно дышал, широко открывая рот и жмурясь от солнца.

— Все в порядке! — крикнул он.

Калашник подал ему руку, и Смолин, тяжело перевалившись через борт, очутился в лодке.

— Вот, — сказал Смолин, развязывая тесемки плавок. — Прошу убедиться...

Он протянул Калашнику драгоценную находку. Тот схватил водоросль, смерил глазами, взвесил на ладони, метнул вопросительный взгляд на Смолина. Евгений Николаевич утвердительно кивнул головой, роясь в кармане пиджака в поисках папирос.

— Неужели... нашли? — негромко спросил Калашник.

— Как видите, — спокойно ответил Смолин, вытирая пальцы о пиджак и крутя между ними папиросу. — Подземная колония золотой водоросли.

— Большая?

— Огромная. Думаю, что там тысячи тонн золота.

Калашник сдвинул брови, коротко вздохнул и положил водоросль на скамью, рядом с собой.

— Итак, все-таки, — сказал он, — в составе флоры Черного моря эта водоросль существует... Хотя до сих пор ее в живом состоянии еще ни разу не находили...

Смолин окинул взглядом фантастические нагромождения скал Карадага.

— Кто знает, — ответил он задумчиво, карстовое¹ строение Яйлы, как вы говорили сами, способствует образованию подземных пещер. Может быть, со временем будет открыт еще не один подземный бассейн с неизвестными до сих пор животными и растениями... Но этот бассейн, мне кажется, заселен по воле человека...

— Что вы имеете в виду?

— Эта водоросль по всем признакам — обитатель теплых морей. Близкие к ней виды не поднимаются в широты, где возможны температуры ниже пятнадцати градусов. И если она выжила в Черном море, то только

¹ Карст — земная поверхность, сложенная из растворимых пород, характерна провалами, пещерами, подземными реками. Яйла вершинное плато Крымских гор.

потому, что нашелся изолированный бассейн, где вода нагрета, по крайней мере, до двадцати пяти градусов. Там какие-то внутренние источники тепла, может быть вулканические. Я уверен, что в этом бассейне и зимой температура не опускается.

— Что же из этого следует?

— Я полагаю, что водоросль была привезена и высажена в этот бассейн человеком, который открыл и хранил его тайну.

Калашник в недоумении посмотрел на Смолина. Тот докурил папиросу и стал одеваться.

— Вчера я получил в руки документ, — продолжал он, застегивая пуговицы на рубашке, — свидетельствующий о том, что Федор Радецкий был первым исследователем, который много лет назад заинтересовался извлечением золота из морской воды. Он нашел золотоносное растение и акклиматизировал в этом подземном бассейне...

— Позвольте, — Калашник был повидимому ошеломлен. — Значит мы нашли...

— Если хотите, — плантацию, искусственную культуру, поставленную Федором Радецким в середине прошлого столетия.

— Через этот проход? — недоверчиво спросил Калашник, кивая на щель, по которой Смолин добрался до подземного бассейна.

— Едва ли. Хотя думаю, что Федору Радецкому он был известен. Но в бассейн проникает свет. Бассейн, несомненно, имеет сообщение с сушей. Эксплуатация колонии, очевидно, осуществлялась через наземный вход в эту пещеру. Думаю, что в те времена — это было перед первой мировой войной — здесь были пустынные места и увозить отсюда груз золотых водорослей можно было не привлекая внимания любопытствующих. А обработка материала производилась, очевидно, в другом месте.

— И вы думаете, что Павел Федорович продолжал это дело? — с интересом спросил Калашник.

— Сомневаюсь. У меня создалась впечатление, что пещера уже не посещается человеком. Думаю, что вход в нее сужен, закрыт или завалился сам. Может быть его засыпало землетрясением двадцать седьмого года¹. Во всяком случае, его давно бы обнаружили экскурсанты, которые обследуют все здешние места.

Он кончил одеваться и включил мотор.

Лодка скользнула по воде, удаляясь от скал Карадага.

— Каковы же будут наши дальнейшие шаги? — спросил Калашник.

— Полагаю, — ответил, не задумываясь, Смолин, — что следует сейчас же, немедленно связаться с Колосовым и отправиться в Севастополь на поиски старика Радецкого.

Глава 43 ПОБЕГ

Петров потерял счет дням. Утром его накормили все теми же острыми кушаньями с обжигающими горло приправами. Завтрак завершился кувшином холодной воды. Весь день он получал питье вволю. Стоило только постучать в дверь и жестами показать старику, приносившему ему пищу, что хочется пить, как появлялась вода — чистая, холодная вода, прекрасно утоляющая жажду. Но на другой день он воды не получил. Было томительно жарко. Пить хотелось нестерпимо. Он не получал воды и на следующий день. А на рассвете опять появился Смит и человек с бульдожьим лицом.

И снова начался бесконечный допрос.

А затем Петров потерял счет времени. Дни, когда Петрова кормили и поили, чередовались с днями голода и жажды.

Узкая щель под потолком светлела и темнела. И каждое утро Аркадий встречал тоскливым ожиданием предстоящего, допроса.

Вопросы были кратки и неожиданны. Однажды его спросили:

— Вы знакомы с Павлом Федоровичем Радецким?

Петров пожал плечами и ответил:

— Нет.

— Но вы его знаете?

— Да.

— Вы встречались с ним в Феодосии?

— Да. В прошлом году.

Смит пристально смотрел на Аркадия, опустив углы тонких губ и расширяя ноздри ястребиного носа.

— Вам известно, чем он занимался? — спросил он, наконец.

— Кто?

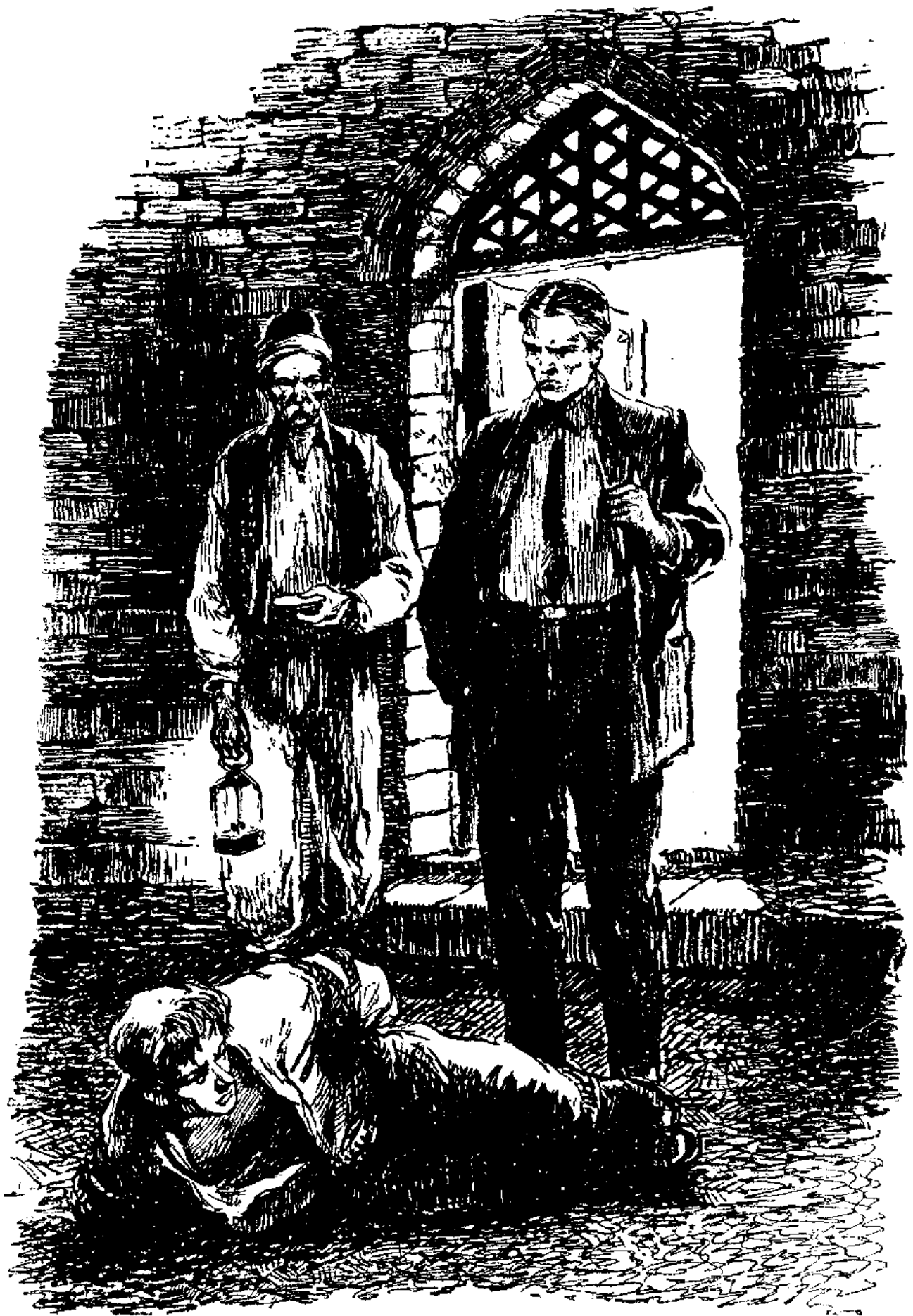
— Радецкий.

Петров поднял на Смита недоумевающий взгляд.

— Нет. Он, кажется... оставил научную работу, — ответил он неуверенно.

Опять наступило молчание.

¹ В 1927 году в Крыму было сильное землетрясение, изменившее очертания берега.

— Скажите...

Пауза. Петров с напряжением ждал нового вопроса.

— Не приходилось ли вам бывать в Александриаде?

Петров пожал плечами.

— А где это находится?.. Кажется, под Севастополем? Нет, не приходилось.

На этом разговор кончился. Но он возобновился на следующий день такими же быстрыми краткими вопросами. Этих людей почему-то интересовал старик Радецкий. Они всячески допытывались, не имел ли он отношения к работе группы Смолина. Петров попытался было задать наводящие вопросы, чтобы исподволь узнать, что им известно. Но вопросы его остались без ответа.

Мысль о побеге возникла у него совершенно неожиданно.

Как всегда, на рассвете его разбудили. Открыв глаза, он увидел в полумраке ненавистное лицо с ястребиным носом.

— Доброе утро, мой молодой друг, — сказал Смит, любезно улыбаясь.

Это было что-то новое. Петров приподнялся на локте, скинул с плеча руку Смита и с удивлением посмотрел на него.

— Прошу извинить за беспокойство, вкрадчивым тоном продолжал Смит.

— Говорите, что вам нужно, — возмущенно перебил его Петров, — Какие тут к черту извинения!

Смит покачал головой и снова положил руку ему на плечо:

— Ах, какой вы! Впрочем, я вас понимаю. В ваших глазах мы только враги и вы не считаете себя вправе проявить к нам даже оттенок человеческого отношения. А между тем, это единственная почва, на которой мы могли бы договориться.

Он сел на глинобитный пол и обхватил колени руками. Петров слушал его вкрадчивую речь и не понимал, что кроется за этим непривычным обращением.

— Да, да, — продолжал Смит. — Уверяю вас, это единственная почва, благоприятствующая нашим с вами отношениям...

Петров молчал.

— ...У нас нет к вам ни малейшего зла. Из нашего знакомства с вами мы хотели бы извлечь только взаимную пользу. Больше того, мы заинтересованы в том, чтобы ваша судьба не мучила нашу совесть.

Петров усмехнулся.

— К чему вся эта комедия? Чего вы, наконец, от меня хотите? — спросил он, поднимаясь и усаживаясь на своей цыновке против Смита.

— Мы хотим отпустить вас и отправить на родину. И не позднее чем завтра в ночь.

— Это я уже слышал. Заводите другую пластинку, мистер Смит.

— Вы неправильно меня поняли, мой молодой друг. Ваше мужественное поведение убедило нас, что вы неспособны купить свободу ценой измены родине. А с другой стороны, никаких сведений от вас о ваших “ошеломляющих” открытиях нам уже не нужно, — золотые зубы Смита обнажились до самых корней. — Нам известно все. И даже больше.

— Вот как?! — насмешливо сказал Петров.

— То есть, известно больше, чем вам, вежливо пояснил Смит. — Нам предстоит только реализовать наши сведения. И для этого предпринять небольшую экскурсию... — он помолчал, глядя в упор на Петрова, —... в которой мы просим вас принять участие в качестве эксперта.

— Что же мне предстоит делать... в качестве эксперта? — спросил Петров, отводя глаза.

— Удостоверить, что мы имеем дело с тем растением, которое ваш шеф так долго и тщетно искал в Черном море.

— Вы нашли колонию этих растений? — быстро, не сдерживая возбуждения, спросил Петров.

Смит снисходительно усмехнулся.

— Увы, мой друг, нет. Обманывать вас нет смысла: ведь мы хотим по-дружески договориться с вами. Мы ее не нашли. Вернее, не нашли ее вы, и это нам хорошо известно. Вы и не могли ее найти, так как она существовала в прошлом веке...

— О какой же экспертизе может идти речь? — в недоумении спросил Петров.

— ...Если не найдена колония? — подхватил Смит. — Да, место ее пребывания не установлено. Но это не имеет никакого значения, поскольку это растение существует уже не в виде колонии, а в мертвых остатках, какие были найдены в Черном море.

Он пошарил в кармане, вытащил картонную коробку, постучал по крышке и раскрыл. Петров, нахмурился, смотрел на знакомые остатки золотой ветви.

— Мы могли бы обойтись и без вашего содействия, мой молодой друг. — Смит повертел в руках коробку и закрыл ее. — Но, к сожалению, обе части золотой ветки, — и та, с которой вы работали, и та, которая была у незабвенного Николая Карловича, — попали к нам в таком истерзанном виде, что использовать их для определения подобных им растений невозможно. Вот почему мы надеемся на вашу помощь. Полагаю, что в такой безделице вы нам не откажете.

— Я не понимаю вас, — сказал Петров, напряженно стремясь догадаться, к чему клонит Смит.

Смит поднялся на ноги и перестал улыбаться.

— Словом, нам стало известно местопребывание бывшей колонии золотой водоросли. Ваша совесть может вас не беспокоить: вы нам ничего не сказали. Мы доставим вас на родину. На завтра обещают низкую облачность, и высадка будет безопасной. Вы увидите то, что вам будет показано, и скажете ваше мнение. И больше ничего. Эта маленькая консультация — цена вашей свободы. — Он нагнулся к Петрову, похлопал его по плечу и вышел.

День прошел в томительных размышлениях. Надо было решать — что делать. И чем ближе к вечеру, тем лихорадочнее работала мысль. Он лежал на цыновке, закрыв глаза. Сердце билось тяжелыми, беспокойными ударами. И когда уже совсем стемнело, он решил: бежать!

Да, да, бежать во что бы то ни стало. Другого выхода нет. Конечно, ни о какой “консультации”, ни о какой “экспертизе” и речи быть не может. Но если он откажется — смерть. Единственный выход — побег.

...Он забылся беспокойным, расслабляющим сном, то и дело вздрагивая и просыпаясь. Очнувшись от ощущения холода. Повел плечами и встал, зябко поеживаясь.

В помещении было почти совсем темно, но в щель под потолком пробивался слабый свет. Петров прошелся несколько раз взад и вперед, расправляя затекшие и озябшие руки и плечи. Похлопал себя по ногам, помогая кровообращению.

По тишине, царившей вокруг весь день, по отсутствию звуков с улицы, он давно догадался, что дом, где его поместили, расположен в пустынном, глухом месте. Слабые воспоминания о том, как его несли с судна, подтверждали это предположение. Ему казалось, что стоит только выбраться из тюрьмы, и он будет спасен.

Петров приложил ухо к стене, прислушался, затаив дыхание. Со двора не доносилось ни звука. Аркадия томила жажда. Он постучал в дверь. Ответа не было. Он постучал сильнее. Опять тишина. И невыносимая тоска по воле охватила Петрова с такой силой, что он застонал от злобы.

Стало еще светлее. Петров обвел глазами комнату. Ни палки, ни камня, ни обломка кирпича — ничего, что могло бы служить оружием. Ничего, кроме голых стен.

А если схватиться со Смитом голыми руками? Аркадий был довольно крепким человеком, но, подумав о рукопашной схватке, он скептически покачал головой. Голыми руками? Нет. Он слишком изнурен пыткой и побоями. Риск слишком велик. Нужно придумать что-то другое.

Петров сунул руки в уже давно обшаренные карманы — ни ножа, ни лезвия безопасной бритвы, ни гвоздя... Прежде чем бросить сюда его, конечно, обыскали, и все, что могло бы послужить оружием, отобрали. Но Аркадий продолжал настойчиво искать. И вдруг он нащупал что-то за подкладкой пиджака. Сунул руку через порванный карман и вытащил... обрывок бечевки.

Он с досадой бросил его на пол... Но вдруг ему пришла в голову замечательная мысль! Он даже рассмеялся от радости. Мгновенно он сорвал с себя пиджак, стянул через голову рубашку, разорвал ее на полосы и начал крутить из полос жгут. Пальцы заплетались и не слушались. Материя топорщилась и путалась в руках. Аркадий то и дело останавливался, прислушивался и вздрагивал от каждого звука. Ему уже не было холодно и от нервного напряжения на лбу выступил пот.

Наконец, крепкий двухметровый жгут был готов. Петров сделал широкую петлю, прикинул на своей шее, попробовал как она затягивается... Вдохнул облегченно, и вытер рукавом пот со лба. Оставалось ждать.

Он был уверен, что его тюремщик явится на рассвете. Так бывало почти каждое утро.

Удивительно, что он до сих пор еще не пришел.

Петров застыл у дверей, держа наготове свое оружие. Мысль о форме предстоящей борьбы не вызвала никаких сомнений. Что же, если потребуется, это будет убийство. Разве он не имеет на это права?

Волнение усиливало жажду, иссушающую рот и горло. Петров застыл у дверей, слушая стук своего сердца и не разбирая больше никаких звуков.

Послышались шаги. Кто-то глухо ступал по глинобитному полу соседней комнаты. Аркадий поднял жгут, чувствуя, как напряжились мышцы рук и ног... Загрохотал засов... Дверь медленно открылась. Показались плечи и голова. Петров увидел ненавистный профиль с ястребиным носом... взмахнул руками, забрасывая петлю на голову вошедшего, и что было сил натянул жгут, упираясь ногой в спину противника.

Петров навалился на него и скрутил руки за спину. Но это было уже не нужно, Смит потерял сознание. Петров торопливо, путаясь пальцами, расстегнул пуговицы его костюма, стащил пиджак и брюки, переваливая с боку на бок неподвижное, обмякшее тело. Не снимая своей одежды, он натянул их на себя.

Итак, первый шаг сделан. Он переступил через лежащее ничком тело, на ходу наклонился над ним и ощупал, гадливо морщась, его набухшую шею... Петля ослабела... Но заставить себя затянуть петлю туже он не смог. Тронул грудь — сердце еще билось.

— Черт с тобой, — пробормотал Петров и вышел из комнаты.

В коридоре было темно и тихо. Справа сквозь щель в закрытых дверях чуть брезжил свет. Петров стремительно бросился к двери и приоткрыл ее. На дворе еще было сумрачно.

Над белой саманной стеной забора чуть светлело рассветное небо. У стены темнела человеческая фигура, очевидно, это был сторож. Он сидел на корточках, уткнув голову в колени.

Раздумывать было нечего. Петров быстро раскрыл дверь и вышел. Он сейчас же повернул влево, спиной к сторожу, не видя, но чувствуя, что тот смотрит ему вслед. До угла было не больше пяти шагов, но они показались Петрову за пятьдесят. Заметит или не заметит? Петров шел с непокрытой головой. Но Смит был так же светловолос, как и он. Рост у них был примерно одинаков. Заметит или не заметит? Еще шаг и — конец этой попытке... Все!.. Петров пустился бегом между низкими строениями в узкий переулок.

Вдали маячил белый саманный забор. Не замедляя скорости, Петров добежал до забора, подпрыгнул, подтянулся и, упираясь на вытянутые руки, посмотрел направо, налево. За забором тянулась пыльная улица, с арыками по краям. Уходили вдаль бесконечные саманные выбеленные заборы, за которыми виднелись низкие строения с плоскими крышами. Налево синела полоса моря. Петров легко перенес ноги через забор, спрыгнул и побежал к морю.

Глава 44 В НЕЗНАКОМОЙ СТРАНЕ

Петров бежал что было сил, пока не почувствовал, что задыхается. Он остановился и осмотрелся. Поселок скрылся за крутым нависшим над морем берегом. От берега по вздыбившимся желтовато-бурым скалам поднимались раскоряченные длинноиглые сосны попеременно с густыми кустарниками. Скользя на осыпающейся под ногами глине, судорожно хватаясь за траву, свешивающую свои космы с обрыва, Петров поднялся на берег и стал карабкаться вверх по скалам, в непролазную чащобу кустарников. Утро было прохладное, но от возбуждения и быстроты движений Петров весь взмок. Он полз все выше и выше, пробираясь к оголенной вершине скалы, откуда надеялся осмотреть все окружающее пространство.

Через плечо он увидел открывшуюся поверх деревьев широкую полосу побережья и, тяжело дыша, остановился. Тут только он понял, что ему трудно было взбираться на скалу потому, что поверх его одежды был надет чужой костюм. Брезгливо морщась, он сбросил серый костюм Смита и сел. Он был на площадке, висевшей над морем, как капитанский мостик. Берега справа и слева уходили в сизую даль. Впереди застыла неподвижная поверхность моря. Сзади поднимались бурые громады гор.

Чужой край расстился под ногами Петрова, загадочный и враждебный. Виднелись рассыпанные по берегу белые кубики убогих жилищ. Над ними по лощинам протянулись ровные строчки виноградников. Тончайшей паутиной повисли над берегом на высоких кольях рыболовные сети. За поселком вилась узкая лента пустынной дороги, уходящей далеко на запад, где ничего не было видно, кроме обрывистых гор, поросших редкими соснами.

Петров посмотрел направо. Те же крутые скалы громоздились в беспорядке, нависая над широкой долиной. Однообразная буроватая зелень переходила далеко, далеко, у самого горизонта, в седину горной гряды. “Болото, — догадался Петров. — Да. Ничего себе, местечко!” Он повернулся к морю. Луч солнца прорвался из-за гор и побежал по синеве воды. На море никаких признаков жизни. Только темное тело корабля неподвижно висело на синеве воды.

Петров долго сидел на площадке. Подумать надо было крепко, чтобы не наделать ошибок. Он припомнил, что следует предпринимать в таких случаях, — очутившись в чужой стране, без денег, без документов, не зная даже названия местности, куда попал. Очевидно, надо обращаться в какое-либо представительство Советского государства — в консульство, посольство, торгпредство. Но легко сказать — обращаться. А куда? Не в этом же поселке искать советских дипломатов и торговых работников? Очевидно, надо добираться до крупного центра может быть, до столицы государства. Но как?

Только теперь представил он себе всю трудность своего положения. О преследовании Петров не беспокоился: едва ли удастся организовать его в этой пустынной местности. Но Аркадия пугало расстояние, которое нужно пройти до крупного центра, где можно найти советских людей. И на запад, и на восток — это были сотни километров. Пройти такой путь по берегу моря и остаться незамеченным пограничными войсками, не вызывая подозрения у населения — нет, на такую удачу шансов не было.

Ну, в лучшем случае, один на десять тысяч.

— Плохо! — сказал Петров, поднимаясь.

Нужно было принимать решение, а в голову ничего не приходило. Очевидно следовало продолжать разведку местности, чтобы выяснить, где он находится. Но прежде надо было подкрепить силы. Пустой желудок властно заявлял о себе.

Петров долго блуждал по склонам гор в поисках съедобных растений. Наконец, он наткнулся на заросли грецкого ореха. Плоды полностью созрели и осыпались. Он собрал на земле целую гору орехов. Это была вкусная и сытная пища. Утолив голод, Петров направился на восток, спускаясь с гор к болоту. Разведка не принесла ничего утешительного. На десятки километров перед ним тянулись заросли высокой болотной травы. Почва под ногами становилась все мягче и влажнее и, наконец, захлопала, обдавая брызгами при каждом шаге. Солнце жгло. Петров вернулся на скалу.

Он пролежал под кустами весь день, решив пробраться ночью мимо поселка и двинуться на восток. Внизу плавно качалась синева моря. Петров смотрел на молочно-голубую полосу горизонта, где небо поднималось из воды, и думал о крымском побережье, скрытом трехсоткилометровой выпуклостью моря. Его грызла тоска по родной земле. И таким неприятным и суровым казался ему этот каменистый край, что он старался не видеть ни бурых скал, ни тонкоиглых сосен.

Внизу, поднимаясь и опускаясь на невысокой волне, качался корпус корабля, маленький, точно игрушка. Петров не сводил с него глаз. Между кораблем и берегом курсировала лодка, перевозящая крошечные фигурки людей. Повидимому корабль готовился к экспедиции, о которой вчера говорил Смит. Когда солнце, обогнув горы, опустилось в тучи, стоявшие над горизонтом, и на судне зажглись круглые иллюминаторы верхней рубки, стало видно, как засуетилась команда. Лодка подвезла новую партию людей. И как только вспыхнула одинокая лампочка на корме, Петров вскочил и бросился вниз, не разбирая дороги. “Только бы успеть”, — бормотал он. Из-под ног катились камни, трещал кустарник, раздираемый плечами.

Когда Петров достиг крутого берега, вечерний сумрак уже застыл над морем дымчатолиловой пеленой. Огни корабля дрожали в воде острыми иглами отражений. Петров сбросил пиджак, ботинки и, оставшись в майке и брюках, соскочил вниз. Мелкая галька пощекотала подошвы теплом ушедшего дня. Для разгоряченного тела вода показалась прохладной. Петров долго шел по дну, пока не погрузился в воду до шеи. Тогда он оттолкнулся и поплыл. По воде доносились до него голоса, стук весел, лязг металла и топот ног. До корабля было около километра. Примерно через час Петров коснулся рукой металлического корпуса корабля.

В темноте он не мог разобрать конструкции судна. Высоко в небо уходил плоский, как совок для угля, нос. Корма глубоко осела, так что борта поднимались не больше чем на метр над водой. Иллюминаторы в корпусе судна были плотно закрыты массивными металлическими щитами.

К корме причалила лодка, высадив двоих, и тотчас же ушла. Петрову показалось, что он узнал ястребиный профиль одного и бульдожью физиономию другого, когда они, переговариваясь вполголоса, прошли в полосе света, падающей от фонаря. Их шаги глухо прозвучали по палубе и затихли. Наверху осталась одинокая фигура человека, наклонившегося над трапом. Медлить было нельзя. Собрав все силы, Петров свел ноги и вытолкнул тело из воды. Прыжок поднял его на полметра. Пальцы коснулись металлической закраины борта. Петров схватил ее, ломая ногти, и повис на руках. Сердце его неистово билось. Он ждал, не подойдет ли сюда человек, услышав плеск от его прыжка.

Прошла бесконечно долгая минута. Петров стал медленно подтягиваться, пока глаза не поровнялись с поверхностью палубы. Силуэт человека, застывшего в той же неподвижной позе, виднелся у противоположного борта. Не сводя с него глаз, Петров поднялся еще выше, скользнул через невысокие перила и лег, прижимаясь всем телом к холодной металлической обшивке палубы. Человек зашевелился и шумно откашлялся. Петров ждал, затаив дыхание. Человек плюнул через борт и отошел. Мелькнуло в полосе света смуглое горбоносое лицо, и фигура скрылась в темноте. Петров торопливо провел ладонями по брюкам, крепко прижимая материю к ногам, чтобы потом падающая с них вода не оставила на палубе следов, прислушался и пополз вдоль борта.

Пока все шло так, как он задумал. План был предельно прост: пробраться внутрь судна, спрятаться и незамеченным достигнуть родных берегов.

Удача первых шагов окрылила его. Волнение прошло. Он быстро полз, направляясь к широким зияющим люкам, откуда смутно пробивался свет. Высокая мужская фигура выросла из ближайшего люка и быстро прошла мимо, гулко стуча каблуками. Петров подполз к краю, заглянул вниз. И только теперь понял, каким мальчишески несбыточным, каким фантастическим был его план.

Легкая лесенка сбегала вниз. От нее тянулся ярко освещенный коридор, покрытый дорожкой линолеума. Направо и налево ослепительно белели прямоугольники дверей. Приглушенно звучали чьи-то голоса. Да, найти здесь место, чтобы спрятаться, было так же осуществимо, как проникнуть незаметно днем в густо населенную квартиру. Проскользнуть в одну из кают, забраться под койку — вот единственное, что приходило в голову. Петров, не раздумывая больше, схватился за поручни и скатился вниз.

Он бросился к первой двери, прильнул к ней ухом, держась за ручку. Его слух не уловил ни единого звука. Он нажал ручку, но дверь не поддавалась. Петров метнулся к соседней — и отскочил, услышав за ней голоса. Следующая дверь была не заперта и даже чуть-чуть приоткрыта. Петров прислушался — в каюте было тихо. Сзади послышался шум.

Аркадий оглянулся и с ужасом увидел ноги, медленно спускающиеся по трапу..

Путь назад был отрезан. Петров инстинктивно прижался к двери. Она неслышно отворилась, Петров проскользнул внутрь, закрыл ее за собой и метнул взгляд в глубину каюты...

Спиной к нему, наклонившись над ярко освещенным столом, сидела женщина и писала.

— Кто? — спросила женщина, не оборачиваясь.
Мягкий и нежный голос показался неожиданно знакомым. Петров застыл на месте, машинально нащупывая дверную ручку за спиной. Женщина обернулась и негромко вскрикнула... Это была Валерия Радецкая.

Глава 45 ВАЛЕРИЯ РАДЕЦКАЯ

— Валерия Павловна? Я Петров, сотрудник профессора Смолина, — тихо, но внятно произнес Петров.
Радецкая медленно поднялась с кресла.
— Как вы сюда попали? — прошептала она с изумлением.
Свет, падающий на нее сзади, мешал Петрову видеть лицо, но по голосу он чувствовал, как она поражена и испугана.

— Совершенно случайно, — сказал он первое, что пришло ему в голову.

Радецкая нервно рассмеялась.

— Какой вздор, что значит случайно?... Здесь, за четыреста километров от границы!?. Послушайте, но вы же весь мокрый! — негромко воскликнула она, подойдя к Петрову.

— Ничего, не беспокойтесь. — Петров отступил от нее и прислонился спиной к двери.

Валерия с любопытством разглядывала Петрова, качая головой. Аркадий слегка отстранился от двери и спросил, касаясь пальцем ключа, торчащего в замочной скважине:

— Разрешите?

Она пожала плечами. Ключ щелкнул. Петров отошел от двери.

— Извините, что я в таком виде, — сказал он, бросив взгляд на свои влажные, потные брюки. — Но я смог попасть сюда, к сожалению, только вплавь и без ведома хозяев этого корабля.

Тонкие брови взлетели над широко открытыми глазами.

— Ничего не понимаю... Расскажите, как это случилось?

Петров насторожился. Сквозь стены каюты чуть слышно донеслись слова команды и топот ног.

Корпус судна ровно задрожал. Загудели моторы. Плавание началось! Итак, выход был один — договориться.

Петров не понимал, как могла Радецкая очутиться среди этих людей. Первое, что надо было установить — выяснить ее отношения с ними.

— Скажите, Валерия Павловна, вы... здесь... добровольно? — запинаясь, спросил Петров.

Ее ресницы медленно опустились. Петров ждал ответа, наблюдая, как меняется ее лицо.

— Да, — сказала она, наконец, нетвердо.

— И неужели... заодно с этими мерзавцами? — вырвалось у Петрова.

— Нет, — ответила Радецкая, поднимая голову.

— Куда идет корабль?

— К крымскому берегу.

— Для новой диверсии? — со злобой спросил Петров. — И вы отрицаете, что вы заодно с ними? Как же вы здесь очутились?

— Как могу я быть заодно с людьми, которые собираются ограбить моего отца?

— Вашего отца? — переспросил Петров. — Да. Они хотят отнять у него золото. — Какое золото?

— Десятки тонн... — Радецкая болезненно поморщилась. — Он хранит его в Александрии.

— В Александрии? — удивился Аркадий и вспомнил, что Смит выпытывал у него сведения об этом местечке. — Откуда же у него такое богатство? — спросил он недоверчиво. Радецкая засмеялась.

— Милый мальчик, я вижу, что вас слово “богатство” повергает в ужас. Утешу вас: оно досталось ему в наследство.

— В наследство? — еще больше удивился Петров. — Но, насколько я знаю, отец Павла Федоровича был скромным ученым. Как же он мог оставить наследникам столько золота?

— Из моря. Мой дед нашел средство добывать золото из морской воды. Так сказал мне мой отец. Или, вернее, я у него сама допыталась об этом.

— Так... И это золото... сохранилось?

— Да, сохранилось.

— И корабль направляется за ним?

— Да.

— И вы сами на этом корабле?.. Вы говорите, что не заодно с этими бандитами. А почему же вы добровольно на их корабле?..

— Скажите, пожалуйста! — неожиданно улыбнулась она. — Этот мокрый юноша, проник ночью в каюту почти незнакомой ему женщины и вдруг учиняет ей допрос? Нет, мой друг, разговор наш должен принять совсем другой оборот. Спрашивать буду я, а отвечать — вы. Проходите сюда. Садитесь. А я сяду здесь. Ну...

В дверь тихо постучали. Петров вскочил. Валерия спокойно положила руку ему на плечо:

— Кто там? — спросила она.

— Можно? — послышался за дверью вкрадчивый голос.

— Нет, я ложусь спать.

— Извините, мне показалось... что у вас кто-то есть.

— Я репетирую роль. — Валерия бросила быстрый взгляд на побледневшее лицо Петрова.

— Спокойной ночи! — сказал за дверью голос.

— Спокойной ночи!

Звуки шагов замерли за дверью.

— Итак, — тихо сказала Радецкая. — Вы проникли сюда тайно?

— Да.

— С какой же целью?

— Чтобы добраться до своей страны.

— А как же вы очутились... на этом берегу?

— Я был похищен... в бессознательном состоянии.

— Этими... бандитами, как вы их называете?

— Да.

— Что же им от вас было нужно?

— Они требовали, чтобы я выдал им секрет добычи золота из морской воды.

Глаза Валерии широко открылись:

— Секрет добычи... золота! А он вам известен? Ну, что вы так на меня смотрите? Ну, конечно, если вы знаете этот секрет, то понятно, почему они решились вас увезти. Этого же они добивались и от меня.

— А вам... он... неизвестен? — спросил Петров.

Валерия отрицательно покачала головой:

— К стыду моему... нет. Это тайна моего отца.

— А в Александриде?..

— Там спрятано золото, добытое моим дедом. Это единственное, что я узнала от отца...

— Узнали... и выдали его тайну? — укоризненно спросил Петров.

Валерия вспыхнула. Но, овладев своими чувствами, она с улыбкой положила пальцы на руку Петрова.

— Вы продолжаете допрос? Ну, поймите же, юноша, что это, наконец, не деликатно. Или вы хотите, чтобы женщина перед вами заплакала? Нет? Ну, и молчите. А спрашивать буду я. — Лицо ее стало серьезным. — Значит, это и было целью вашей экспедиции? Боже мой, как же я была глупа! Мне это и в голову не приходило!

Корпус судна гудел все сильнее и сильнее. Рев моторов прорывался сквозь перегородки.

Аркадий пристально смотрел на Радецкую, ожидая, что она скажет. Она долго сидела, обхватив колени тонкими руками. Затем встала с кресла и холодно, официальным тоном спросила:

— Итак, вы сказали, что проникли на это судно, чтобы бежать на родину?

— Да, это и на самом деле так.

Аркадий тоже встал и только тут почувствовал озноб от прикосновения холодной влажной одежды. Резкие переходы Радецкой от смеха и ласковой иронии к холодному, враждебному обращению заставляли его настораживаться.

— Ну, что ж, — сказала она, — не вижу причин, почему бы мне вам и не помочь... хотя бы из уважения к вашему... шефу.

Аркадий непроизвольно усмехнулся. Взгляд Радецкой стал злым.

— Смешного в этом ничего нет, — сказала она резко. Петров молчал. — Здесь две койки. Одну займу я, другую вы. Задерните занавеску, разденьтесь, пусть ваша одежда высохнет. Через три часа я вас разбужу. Думаю, что, когда корабль пришвартуется, вы сумеете выбраться.

Петров стоял неподвижно, потупясь.

— Ну? Чего же вы ждете? — удивленно спросила Валерия. — А!.. я вас понимаю. — Она подошла к двери, вытащила ключ и протянула Петрову. — Возьмите. Дверь вы заперли сами. А ключ можете хранить под подушкой.

Петров умоляюще посмотрел и отвел ее руку.

— Я вам верю, — сказал он, краснея. — Но позвольте мне... просидеть эти три часа в кресле. Одежда моя почти высохла. А уснуть я все равно не смогу.

Валерия резко отдернула руку. Брови ее сдвинулись. Но тут же она рассмеялась и легонько провела пальцами по его волосам.

— Милый мальчик! Какой вы смешной. Устраивайтесь, как хотите! Спокойной ночи.

Она отошла к одной из коек и задернула занавеску.

Петров сел в кресло. Ему казалось, что он не спал ни минуты. Он сидел, закрыв глаза и ощущая всем телом стремительное движение корабля. Немного покачивало. Вода с шумом била в закрытый наглухо иллюминатор.

Он очнулся от прикосновения теплой руки к его голове.

— Двенадцатый час, — сказала Радецкая. — Скоро приедем. Просыпайтесь.

Петров вскочил. Растер ладонями щеки, чтобы прогнать дремоту. Через перегородку доносился ровный гул моторов, но они работали уже не в полную силу: ни тряски, ни дрожи не ощущалось.

— Идем в надводное положение, — сообщила Радецкая.

— А разве это судно... подводное?

— О, конструкция его замечательна. Это сверхбыстроходный глиссер, приспособленный к подводному плаванию. На поверхности он развивает скорость до ста двадцати километров. А в случае надобности погружается и идет под водой. Сейчас, очевидно, мы поднимаемся.

Пол под ногами плавно качнулся. Гул моторов затих. Послышался топот ног, стук, лязг цепей. Радецкая кивнула головой.

— Да, мы уже на поверхности.

Петров напрягал слух, стараясь уловить, что происходит наверху. Над головой глухо простучали торопливые шаги. Корпус судна вздрогнул. Лист бумаги, шурша, слетел со стола. Аркадий нагнулся, но Радецкая подхватила лист на лету. Не глядя, сложила его вчетверо и протянула Петрову.

— Передайте... Евгению Николаевичу. И скажите ему, что... Нет, впрочем, ничего не говорите.

Аркадий протянул руку, но Радецкая продолжала крепко держать листок.

— Мне не хочется, чтобы он думал обо мне очень плохо. А что я могу сказать в свое оправдание? Ничего.

Она развернула листок, прочитала первые строчки. Лицо ее исказилось болезненной гримасой.

— Поймите, — прошептала она прямо в лицо Петрову, — что я отравленный человек. Я знаю, конечно, что поступаю дурно. Но что я могу сделать с собой? Впрочем, вы ничего не знаете, да и не нужно вам этого знать.

Петров молча, насупясь, не глядя на Радецкую, слушал ее лихорадочный шепот. Ключки разорванного письма полетели ему под ноги.

— Послушайте, — сказал Петров, поднимая глаза. — Пойдемте вместе. Оставьте этих людей. Ведь это же — прошлое, конченное. Это не люди, а выходцы из могил. Как вы будете жить с ними?

Радецкая устало махнула рукой. На губах ее выступила слабая улыбка.

— Поздно! — беззвучно ответила она. — Ничего не выйдет. Лететь с вами? Нет, крылышки не выдержат. — Она прислушалась. Вам уже можно идти.

Петров сделал движение к двери. Радецкая улыбнулась.

— Нет, нет, не в таком виде... Вот вам мой плащ. Примерьте, накиньте капюшон. — Она отступила на два шага, критически рассматривая его. — Нельзя сказать, чтобы сходство было большое. Сложение у вас крепкое. Впрочем, рост у нас с вами одинаковый. В полумраке, я думаю, не обратят внимания на то, что я неполнела за ночь. Вот только ноги... Петров посмотрел на свои босые ступни.

— Нет, так нельзя. — Она пошарила под койкой. — Вот вам резиновые сапоги. Примерьте. Жмут? Ничего, на берегу сбросите. Мне кажется, так будет неплохо.

Радецкая щелкнула замком, отворила дверь и выглянула в коридор.

— Всё в порядке. Сейчас все наверху. На вас не обратят внимания. Им не до меня. Ну, ступайте.

Петров задержал ее руку в своей.

— Валерия Павловна, — сказал он тихо, — я вам очень благодарен за помощь... Но не хочу от вас скрывать, что сделаю все возможное, чтобы помешать этим бандитам.

Радецкая пожала плечами.

— Желаю успеха.

— Но это может быть опасным и для вас, — Аркадий настойчиво удерживал ее руку. — Решайтесь! Я буду ждать вас на берегу.

Брови Валерии сдвинулись.

— Не смейте этого делать! — сказала она, отнимая руку. — Поступайте так, как требует ваш долг. И не принимайте меня в расчет. Идите!

Она подтолкнула Петрова к двери. Он очутился в коридоре.

— Если сразу не удастся, возвращайтесь сюда, — шепнула Радецкая за его спиной.

Коридор был едва освещен. Петров шагнул к трапу и остановился, держась за поручни.

Сквозь круглое отверстие люка виднелось черное, беззвездное небо. Врывался прохладный воздух, остро пахнувший морем. Петров побежал вверх по ступенькам. Поднял голову над люком и осмотрелся.

На палубе шла оживленная работа. В ночной темноте при свете ручных фонарей копошились человеческие фигуры, раздавались негромкие слова команды. Крутой, скалистый берег черной громадой поднимался в полусотне шагов от корабля. Шумел прибой.

“Путь свободен”, — отметил Петров. Ящерицей выполз он на палубу, подкатился к борту, посмотрел через край вниз. До воды было не больше двух метров. Он сбросил с себя плащ и сапоги. “Пожалуй, на палубе их оставлять не стоит”, — решил Аркадий. Плеск сброшенных в воду сапог растворился в шуме прибоя. Петров перевалился через перила, повис на руках и разжал пальцы.

Вода ласково приняла его. Это была вода родного края, и Петрову показалась, что она с какой-то материнской нежностью понесла его к берегу. Петров плыл в неистовом восторге, повторяя про себя одно и то же слово: “Свободен!”, “Свободен!”. И только толчок о камень привел его в себя. Спотыкаясь и падая под ударами волн, Аркадий стал карабкаться по обломкам скал.

Он поднялся на ноги под береговым обрывом и оглянулся. Темнел огромный корпус корабля, поднявший широкий нос над прибрежными камнями. По палубе медленно передвигались огни фонарей. С борта спускалось что-то тяжелое — очевидно, лодка. Петров повернулся и побежал вверх.

Глава 46 ОДНА

Всего три дня назад Лапин, вызванный телеграммой Смолина, выехал в Севастополь, а Ольге казалось, что прошло много-много томительно-нескончаемых дней.

Теперь она осталась совсем одна на станции. Казалось, все было в порядке. Культуры золотоносных водорослей процветали. Огромные аквариумы все гуще и гуще заполнялись переплетением багрово-красных слоевищ и листовых пластинок. За неделю до отъезда Ланин закончил переселение нескольких тысяч экземпляров с наиболее энергичным ростом на литораль Сайда-губы. Решение задачи, поставленной перед коллективом профессора Смолина, можно было считать обеспеченным. И все же сознание своей ответственности за биологическую станцию вызывало у Ольги безотчетную тревогу.

Одна на станции... Ольга обошла все лаборатории. Внимательно и придирчиво просмотрела, чем занимаются лаборанты, и уточнила их дневные задания. Затем спустилась в аквариальную и долго стояла, прижавшись лбом к стеклу большого аквариума, рассматривая растения. И вдруг она поймала себя на том, что думает не о водорослях, а о чем-то другом. Она попыталась проанализировать, что порождает в ней тревогу?

Прошел уже месяц с того дня, как была получена телеграмма Петрова, вызвавшая отъезд Смолина. С тех пор Ольга не получила от Аркадия никаких известий. Не писал ничего и Смолин. Две телеграммы — одна через десять дней после его отъезда (ответ на телеграмму Панина), другая с вызовом Панина — вот и вся его корреспонденция. Оба срочных вызова объяснить было легко, в них не было ничего необычного. Евгения Николаевича вызвал Петров. Панина вызвал Евгений Николаевич. Но вот форма этих вызовов рождала тревогу. Ольга видела обе телеграммы — сухие и лаконичные. По ним решительно нельзя было догадаться, зачем потребовалось присутствие обоих в Севастополе. Но и не это тревожило Ольгу. Мало ли что могло произойти в Севастополе и не обо всем она должна знать. Но она не могла отделаться от постоянного воспоминания о прошлогодней телеграмме Крушинского — он тоже просил о немедленном выезде и так неожиданно погиб. Она отгоняла это назойливое воспоминание, упрекала себя в глупой мнительности, но тревога не унималась.

Ольга отошла от аквариума, раздумывая, как распределить время в своем рабочем дне. Собственно, в лаборатории делать ей было нечего. Анализами занимались лаборанты, и результаты от них она получит только к вечеру. Гораздо более важным казалось ей посетить литораль Сайда-губы и проверить, как там себя чувствует высаженная Паниным золотоносная ламинария. За три дня после отъезда Панина там могли произойти большие изменения.

...День начинался теплый, с торопливым солнцем, льющим мягкий свет через белесоватую пелену на небе. Ольга торопливо зашагала по шоссе, продолжая машинально сжимать в кулаке ключ от тяжелого замка, которым запиралась аквариальная. Как и всегда, спокойное величие северной природы, согретой могучимдыханием Гольфстрима, действовало на нее умиротворяюще. Тяжелое настроение рассеялось. Она шла, распахнув плащ и подставляя открытую шею лучам, летящим с мглистого неба. Ей вспоминался Аркадий, и она подумала, что вдвоем под этим ласковым небом, пожалуй, было бы идти еще приятней. Но она тут же поправила себя: не приятней, а полезней для дела.

С перевала открылась знакомая панорама залива с перемышкой плотины у горла. Все, что еще совсем недавно загромождало эту панораму — строительные машины, экскаваторы, общежития для рабочих, — все это было уже убрано. Стройное здание электростанции и массивный куб цеха золотодобычи стояли теперь в горделивом и строгом одиночестве.

Ольга побежала вниз по тропинке, к мосткам, где на прозрачной воде покачивались лодки. Дежурный охраны широко улыбнулся Ольге, когда она, звонко стуча кублуками по дереву, прошла мимо него.

— Помочь вам? — крикнул он ей вслед.

— Сама справлюсь! — ответила Ольга, прыгая в лодку.

Мотор загудел. Зелено-бурая кайма прибрежной растительности плавно поплыла вдоль борта лодки. Ольга правила в юго-западный угол, где заложил свою “плантацию” Панин.

Она с напряжением всматривалась, не мелькает ли среди темной зелени красноватое пятно золотоносных водорослей.

Первые высаженные Паниным растения укрепились на скалах немногим больше недели назад. Эти крохотные кустики скрывались между мощными слоевищами водорослей-старожилов. Наивно было думать, что за девять-десять дней высаженные ламинарии достигнут размеров, видимых на большом расстоянии. Вот уже стали различимы, гроздя причудливо изрезанных пластинок. В них не заметно было ни единого красного пятнышка. Лодка подошла совсем близко к берегу. Растения зашуршали у самого борта. Ольга остановила мотор и, нахмурясь, разглядывала густые сплетения водорослей. Все бурые. Ольга бросила взгляд вверх. Вдоль берега метров на двести тянулся ряд колышков, вбитых Лапиным. Его “плантация” здесь — ошибиться было нельзя.

Ольга, разочарованная, подавленная, подняла сначала одну тяжелую плеть, рассмотрела ее до основания слоевища, бросила, подняла другую, третью... И вдруг ее поднятая рука застыла. Из-под изрезанных зеленовато-бурых пластинок фукусов и ламинарий показался темнокрасный бархат золотоносной водоросли.

Ольга медленно продвигалась вдоль берега, поднимая скользкие плети одну за другой. Под ними сплошным красным ковром разрослись высаженные Паниным растения. Одни из них были совсем крошечные — пучок тонких длинных стебельков, стелющихся по влажному камню. Другие обильно ветвились, закрывая своими пластинками поверхность скал. Были и такие, что догоняли в росте соседние бурые водоросли, высовывая сквозь тяжелые плети фукусов и ламинарий узкую, едва заметную красную кайму.

Кусая губы от волнения, Ольга провела лодку вдоль всей площадки, отмеченной колышками. Последняя плеть, которую она приподняла, без сопротивления оторвалась от грунта, обнажая причудливое переплетение красных водорослей. Пришельцы побеждали старожилов. Это предreshало полный успех в недалеком будущем. Ольга закрыла глаза, представляя себе синеву залива, окаймленную пурпурной лентой разросшихся золотоносных ламинарий, и засмеялась от радости.

Неожиданная волна качнула лодку. Ольга оглянулась. Над горлом залива, за плотиной, седыми космами поднимался из океана туман и быстро неслись тучи. Зеркало бухты закипело белыми гребешками. Нужно было двигаться обратно. Ольга включила мотор, направляя лодку поперек волны. Но возвращаться в лабораторию ей не хотелось. Она решила заглянуть в цех золотодобычи.

После отъезда Калашника Ольга редко бывала в цехе. Унылое лицо бледного молодого человека, оставшегося в качестве заместителя Григория Харитоновича, наводило на нее тоску. К сообщению Ольги о заселении бухты золотоносными водорослями он отнесся с нескрываемым недоверием. Он выполнял свои несложные обязанности с усердием добросовестного служаки, занявшего ответственный пост.

Решение бюро райкома о совершенствовании методов золотодобычи он встретил с недоумением. Надо было бы срочно заменить этого недалекого человека — такой случайной, временной фигурой казался он в великолепном здании цеха золотодобычи, что Ольга даже не запомнила его фамилии: Невзгодин или Непригодин? Фамилия соответствовала внешности и поведению незадачливого руководителя.

У Ольги был постоянный пропуск. Она вошла в главный зал, любуясь как всегда его великолепием. На кафельном полу длинными рядами, сверкая, как хрустальные башни, выстроились огромные прозрачные цилиндры. Бурлила, клокотала, вливаясь и выливаясь, вода. Лаборанты молча стояли у рубильников.

— Где товарищ Непригодин? — спросила Ольга, проходя между цилиндрами.

— Невзгодин? В кабинете, — ответил ей кто-то.

Ольга задержалась у дверей, раздумывая, стоит ли ей входить. Поморщившись, она медленно постучала. Невзгодин поднял голову от бумаг.

— Как дела? — спросила Ольга, подавая ему руку.

Он пожал плечами:

— Без изменений.

— Вы уверены в этом?

Он усмехнулся.

— Еще бы! Я собственноручно составляю ежедневный отчет. Выше двадцати пяти граммов добыча не поднимается.

— Но это же бесполезная трата труда! — возмутилась Ольга.

— Не совсем. За двадцать дней мы получили около полукилограмма золота. Все же это восемьсот рублей валюты.

— Нет, это никуда не годится, — упрямо сказала Ольга. — Неужели никаких изменений не произошло?

— А почему они должны произойти? — невозмутимо возразил Невзгодин. — Посмотрите сами.

Ольга взяла аккуратно разграфленный лист с каллиграфически выписанными столбиками цифр.

— Справа — общий итог каждого дня работы, — пояснил Невзгодин.

Ольга пробежала глазами цифры: 23, 21, 24,01, 25,78. Да, если и есть тенденция к повышению, то совершенно ничтожная.

— А эти четыре столбика? — спросила она, рассматривая соседние цифры.

— Результаты добычи каждого периода; двух приливных и двух отливных потоков, — ответил Невзгодин небрежно.

— Позвольте, позвольте, — заинтересовалась Ольга. — А разве вы не видите разницы в добыче от приливных и отливных потоков? Смотрите, как чередуются цифры: 5 и 8, 5 и 7, 5 и 9. Это же очень важно.

— Какое это имеет значение? — нахмурился Невзгодин. — Сумма же от этого не меняется — 5 и 8, 5 и 7 дают 25 граммов.

— Как, какое значение? — возмутилась Ольга. — Вы сравните эти цифры, с первоначальными. В первые дни вы получали и в приливном и в отливном потоке 4 или 5 граммов. А здесь же совершенно ясное увеличение добычи при отливе. Вы понимаете, что это значит?

— Признаюсь, не понимаю...

— Это же улучшает метод Калашника, поймите! — воскликнула Ольга, сияя. — Вода, вытекающая из бухты, легче отдает золото, вам это понятно? Она обогащена ферментами, ускоряющими осаждение, вот что это значит!

Ольга вся дрожала от возбуждения. Но, встретив равнодушный, скучающий взгляд Невзгодина, осеклась и заторопилась домой.

— Как у вас с охраной здания и электростанции? — спросила Ольга, пожимая холодную мягкую руку Невзгодина.

Он поднял брови:

— В пределах штатного расписания... Что же еще нужно?

Ольга махнула рукой и выскочила из кабинета.

Уже смеркалось, когда она, наскоро пообедав, возвратилась на станцию. Отпустив лаборантов, она села за обработку анализов. Но ей не сиделось на месте. В ней бурлила радость осуществленной мечты. Теперь уж не оставалось сомнений, что она подсказала Калашнику правильный путь. Теперь — только бы все шло благополучно до приезда Смолина!

Ольга прошла через галерею вниз. Вид массивного замка на дверях аквариальной несколько успокоил ее. Между ее дежурной комнатой и аквариальной проходил небольшой коридор и их двери были расположены одна против другой. В случае чего, ей стоит только открыть свою дверь и убедиться в целостности замка на двери аквариальной.

В своей комнатушке она постелила кровать и подошла к окну. За стеклами выл и грохотал ветер. Море шумело. Ольга долго всматривалась в ночную мглу, держась за железную решетку, вделанную в оконной раме. Сквозь мрак чуть светилось ожерелье далеких огней — фонари на плотине электростанции.

Ольга завесила окно газетой. Села на стол, свесив ноги, задумалась было, но сейчас же соскочила, чтобы еще раз осмотреть здание.

Ольга поднялась на галерею и прошла по всем комнатам. В своей лаборатории она зажгла лампу на столе, рассеянно сложила и убрала в ящик тетради с записями. Безотчетная тревога, рассеянная поездкой в Сайда-губу, вернулась с новой силой. Она заперла ящик в столе, чего раньше никогда не делала, и сунула ключ в карман.

Еще раз осмотрев все комнаты, Ольга медленно спустилась вниз. Закрывает лампу газетой, чтобы свет не бил в глаза, и легла, не раздеваясь, только сняв ботинки. Долго лежала она с открытыми глазами. Смутное беспокойство шевелилось неясными, расплывающимися образами и незаметно перешло в тревожное, тяжелое забытие.

...Пробуждение было внезапным. Словно ей на грудь раз за разом бросили какой-то тяжелый груз, придавивший ее к постели. Последняя тяжесть упала на нее с потрясающим грохотом, от которого она очнулась с бьющимся сердцем. Грохот медленно утихал за окном, как далекий гром. Стекла в окне еще дребезжали.

Ольга окинула взглядом комнату, все еще не понимая, в чем дело. Она соскочила с кровати и подбежала к окну. Сердце ее замерло: там, где раньше сияли огни электростанции, теперь была мрачная чернота. Ветер выл и свистел, потрясая окно. И ничего больше не было слышно.

— Надо бежать на помощь! — вслух сказала Ольга, чувствуя, как от ужаса холодеют ее руки и ноги.

Она надела ботинки, путаясь негнущимися пальцами в шнурках. Сняла с петли крючок, толкнула дверь... Дверь не поддавалась. Ольга толкнула сильнее... Дверь даже не шевельнулась. Уже похолодевшие ноги ее начали подкашиваться.

— Дверь на засове! — прошептала она побелевшими губами.

Глава 47 ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

Самолет прибыл в Симферополь с опозданием на два часа. Мелькнуло белое здание аэропорта. Открылась дверь, и в полумрак кабины ворвались потоки дрожащего, горячего света, в котором клубилась тонкая пыль.

Переминаясь с ноги на ногу, Ланин бессознательно нажимал на идущих впереди медленно продвигавшихся к выходу пассажиров. На сердце у него было беспокойно. Он был убежден, что его вызов связан с какими-то неудачами в работе Смолина, потребовавшими срочной помощи. Нужно было как можно скорее добраться до Севастополя. Как только автобус, доставивший пассажиров в город, развернулся у здания центральной гостиницы, Ланин бросился в транспортное бюро. Все автобусы на Севастополь отправлялись утром после прихода поездов. Такси для поездки в Севастополь можно было получить не раньше полуночи. Ланин побежал на телеграф.

Брызгая чернилами и царапая пером, он написал на бланке текст:

“Севастопольская биологическая станция Смолину. Прибыл Симферополь жду ваших указаний центральной гостинице. Ланин”.

Четыре часа прошло в томительном ожидании. Поздно вечером, уже после заката, Ланину удалось получить место в попутном автобусе, который отправлялся в один из балаклавских санаториев, чтобы привезти к утреннему поезду закончивших свой отдых курортников.

Шофер недовольно посмотрел на измученное лицо Ланина, видимо, не одобряя, что ему ночью навязали пассажира, да еще с такой диковатой внешностью. И в самом деле, вид у Ланина был подозрительный: дремучая черная борода, сросшиеся на переносице брови, обветренное запыленное лицо. Ланин положил на сиденье рядом с шофером свой портфель и сейчас же выскочил из кабины.

— Я сейчас. Прошу вас. Одну минуточку! — обратился он к шоферу.

— Ладно, ладно. Через пять минут отправляюсь. Не поспеете — портфель ваш на крылечко положу.

Ланин ворвался в вестибюль гостиницы и подбежал к окошку почты.

— Панину... нет телеграммы? — умоляюще спросил он. — Только поскорее... уезжаю.

Он уже много раз справлялся о телеграмме, и девушка его заприметила. Улыбаясь, она порылась в пачке и протянула ему сложенный вчетверо листок. Ланин пробормотал: “Большое спасибо”, и побежал к выходу.

Едва он уселся в кабину, как автобус рванулся с места. Ланин развернул телеграмму. Свет городских огней мелькал по неровно отпечатанным строчкам... С трудом разбирая, Ланин прочитал:

“Профессор Смолин... выехал Феодосию... пятнадцатого...”

— Как же так? — удивился Ланин. — Его телеграмма из Севастополя была от двадцать седьмого...

Он достал телеграмму, полученную на Мурмане. Нет, ошибки быть не могло. Доставлена двадцать восьмого, отправлена двадцать седьмого. А верно ли, что она отправлена из Севастополя? Ланин с волнением ждал, когда листок снова окажется в луче света. Совершенно точно: “Севастополя 27.09”.

“Вот так история!” — подумал Ланин. Он сидел неподвижно, не ощущая толчков и тряски, не слыша рева мощного мотора. Он старался обосновать или опровергнуть свои смутные подозрения.

Возвращаться на Мурман, не повидав Смолина и не поговорив с ним, явно нецелесообразно. Да сейчас уже ничего не поделаешь. Но в Севастополь нужно прибыть с какими-то готовыми решениями и немедленно приступить к действиям.

Слева, за темной стеной нескончаемых садов, мелькнули далекие огни Бахчисарая. Автобус загрохотал по мосткам через речку. Над шоссе повисли громады скал. Инкерман. И вот уже яркие бусы огней засияли над черным зеркалом Севастопольской бухты. Ланин сидел неподвижно и думал.

— Куда вам? — крикнул ему шофер через плечо.

— В управление МВД, — угрюмо ответил Ланин.

Он помнил, что расследование всех загадочных событий, препятствовавших работе Смолина, вел человек с фамилией Колосов. К нему-то он и хотел обратиться. Когда Ланин вбежал в бюро пропусков, было около двенадцати. Узнав номер телефона, он позвонил и попросил связать его с Колосовым. Равнодушный голос дежурного ответил:

— Нет его.

— Когда он будет? У меня важное государственное дело, — успел сказать Ланин.

— Придется подождать, — ответил голос, и стукнула повешенная трубка.

Ланин в возбуждении ходил взад и вперед по широкому залу бюро пропусков. Он понимал, что в такое позднее время не легко пройти к человеку, занятому, очевидно, важными делами. Но настойчивости у Ланина с избытком хватило бы на несколько человек. Он звонил дежурному каждые три мин.уты, пока наконец, не услышал недовольный ответ:

— Не волнуйтесь, гражданин. Как только Колосов придет, вас вызовут.

С большим трудом Ланин уговорил связать его по телефону с биологической станцией. Чуть не полчаса стоял он, прижав трубку к уху и слыша равнодушные монотонные гудки. Наконец, мембрана задрезбуждала. Ланин узнал низкий сипловатый баритон директора станции:

— Слушаю.

— Всеволод Александрович, это говорит Ланин... Из группы профессора Смолина... Я приехал с Мурманской биологической станции... По вызову Евгения Николаевича...

— А вы разве не получили моей телеграммы? Я же вам сообщил, что Смолин выехал в Феодосию.

— Получил, но слишком поздно, когда уже ехал в Севастополь... Всеволод Александрович, мне нужно немедленно связаться с Петровым...

— То есть, как это — с Петровым?

— С Аркадием Петровичем Петровым... А что, он тоже выехал в Феодосию?

— Разве вам не сообщил Евгений Николаевич?

— Что такое?

— Петров пропал.

— Как пропал? — вскрикнул Ланин.

— Исчез. Давно уже. Вышел из гостиницы, поехал в Балаклаву... И не вернулся... Из группы Евгения Николаевича сейчас на станции никого нет...

Этот разговор окончательно ошеломил Лапина. Он долго стоял, машинально держа руку на аппарате. Ланину вспомнились споры с Ольгой Дубровских, и он выругал себя за свой самодовольный скептицизм.

Долго длилась беспокойная ночь. Ланин выходил на воздух, входил, снова выходил, проклиная свое вынужденное бездействие. Было уже три часа, когда из окошка высунулась голова девушки.

— Вы к Колосову?

— Да.

— Вы из группы профессора Смолина?

— Да.

— Проходите.

Навстречу Ланину из-за стола, заставленного телефонными аппаратами, поднялся невысокий человек с умными глазами и смуглым лицом. Это был Колосов.

— Садитесь, я вас слушаю, — сказал он быстро. — Вы с Мурманской станции? Что случилось?

Колосов выслушал Ланина, глядя себе под ноги. На его сухих, смуглых скулах вздувались и опадали желваки.

— То, что вас провели, мне представляется очень вероятным, — сказал он. — И вы совершенно правы, предполагая, что ваша станция в опасности. Если телеграмма действительно подложная, вам и профессору Смолину следует срочно отправляться на Мурман. Я немедленно организую самолет до Мурманска. Смолин в Феодосии. Я видел его сутки назад. Сегодня он вызывал меня к телефону несколько раз, но меня не было, я только что вернулся. Сейчас постараемся с ним связаться. К сожалению... — Колосов стукнул кулаком по столу... — К сожалению, он до зарезу нужен здесь!

Ланин посмотрел на Колосова, но не решился спросить, что он имеет в виду. Колосов поднял трубку телефона.

— Никаких сведений о Радецком?.. Нигде не могли обнаружить?.. Значит плохо искали. — Он с досадой бросил трубку. — Как в воду канул!

И опять Ланин промолчал, не решаясь спросить, о чем идет речь. Колосов потирал рукою лоб, погрузившись в свои мысли. Яростно зазвонил телефон.

— Да... Слушаю, — сказал Колосов. — Какой Петров? Что?.. — Колосов, не бросая трубки, приподнялся с кресла, смуглое лицо его порозовело. — Так. Понятно. Свяжитесь с Балаклавой, вызывайте сторожевые катера! Высылайте людей на мотоциклах — всех, сколько есть!.. Я выезжаю немедленно.

Он стремительно бросил трубку и снял другую.

— Авдеев? Приготовьтесь к выезду на задание!.. Пятьдесят человек... — Колосов метнул взгляд на часы-браслет. — В 3.25 выезжаем.

Он повернулся к Лапину и посмотрел на него возбужденным взглядом:

— Могу вас порадовать: Петров нашелся. Бежал через Черное море фантастическим, невероятным образом. Ну, молодец! Извините, я должен сейчас же выехать. А вам... — он посмотрел на Ланина в раздумье. — ...Вам придется ждать здесь. Я дам указание, чтобы вас связали с профессором Смолиным. Прошу вас — по коридору направо, третья дверь слева. Там междугородный телефон. Есть также диван, подушка, одеяло, устраивайтесь до утра. Это проще, чем в такую пору ехать в гостиницу. До свидания.

Эти бесконечные часы ожидания надолго остались в памяти Ланина.

Он сидел на диване, не отводя напряженного взгляда от телефонного аппарата. Вызов был сделан немедленно после ухода Колосова. Звонили в гостиницу, где жил Смолин. Профессора в его номере не оказалось.

— Так поздно? — удивился Ланин. — Может быть, он уехал?

— Не знаю, — равнодушно ответила телефонистка.

— Как же быть? — растерянно спросил Ланин.

— Попробуйте поговорить с дежурным администратором, — посоветовала телефонистка.

Но от администратора никакого толка добиться не удалось. Ланин в бессильном бешенстве слушал скучный, сонный голос, объясняющий, что Смолин никуда не мог выехать, так как номера он не сдавал, но где он сейчас, неизвестно.

— А профессор Калашник в гостинице проживает? — перебил Ланин.

— Да. Только он тоже не возвращался.

— Всю ночь? Ведь уже светает!

— А что же? Он человек ученый. Иной раз и на всю ночь задерживается у себя в лаборатории.

— Вы не скажете номер телефона лаборатории?

— Там телефона нет. Товарищ Калашник приказал выключить, чтобы не мешали работать.

Ланин положил трубку на рычаг. Через полчаса он попросил снова соединить его с Феодосией. Ни Смолина, ни Калашника в гостинице не оказалось.

Он сидел перед аппаратом, раздумывая, что предпринять. Усталость мешала ему сосредоточиться. Временами он погружался в тяжелую дремоту, и перед ним возникало встревоженное лицо Ольги Дубровских, потом секретарь райкома Громов устремлял на него укоризненный взгляд. Ланин вздрагивал и просыпался. Часы над дверью показывали четыре, потом пять, потом шесть...

...Кто-то с треском раскрыв шторы на окне.

Яркий свет ударил Ланину в лицо. Он открыл глаза. Перед ним стоял Смолин. Ланин вскочил с дивана.

— Как я рад вас видеть, Евгений Николаевич! — воскликнул он, обеими руками пожимая протянутую ему руку Смолина.

— К сожалению, для радости повод сугубо неудачный, — невесело усмехнувшись сказал Смолин. — Положение очень серьезное? Мурманская станция под большой угрозой. Мы выезжаем немедленно. Колосов ждал нас на аэродроме. Автомобиль у подъезда.

Глава 48 ОПЕРАЦИЯ ЗАВЕРШЕНА

— До Мурманска без остановки десять часов полета. От Мурманска до биологической станции шесть часов на машине. Мы будем там около полуночи, — Колосов положил руку успокаивающим жестом на колено Смолина.

— Вы думаете, успеем?

— Во всяком случае, план диверсии сорвем. Я уже послал шифровку. Некоторые меры будут приняты и до нашего приезда.

Колосов откинулся на спинку кресла. Глубокие тени под глазами и впадины на худых щеках выдавали его утомление. Сквозь окна самолета виднелась желто-бурая скатерть убранных полей, расчерченная нитками дорог от села к селу. Летели над Украиной.

— Будем надеяться на вашу удачливость, — сказал Смолин. — Не знаю, как готовилась эта операция, но захват всей диверсионной группы с их кораблем — это большая удача, товарищ Колосов.

— Что значит удача, Евгений Николаевич? — спросил Колосов, выпрямляясь и повернув лицо к Смолину. — В нашем деле удача, то есть счастливое стечение обстоятельств, не имеет никакого значения. Только расчет, точный математический расчет, основанный на изучении всех деталей — вот основа того, что вы называете удачей.

— Но все же нельзя отрицать, что и в этом деле известная удача, то есть некоторые обстоятельства, зависящие от вашего расчета, действительно сложились для вас благоприятно, — улыбаясь, возразил Смолин.

— Например?

— Ну, например, информация, которую вы получили от Петрова. Ведь он случайно наткнулся на ваших людей по дороге в Севастополь. Насколько я понимаю, это он сообщил вам о прибытии судна?

Колосов спокойно выслушал Смолина. Ланин с интересом ждал, что он ответит.

— Нет, — сказал Колосов, подумав. — Это было случайностью для Петрова, страшной неудачей, то есть неблагоприятным стечением обстоятельств для диверсантов. Но для нас это не было случайным стечением обстоятельств. Диверсанты были захвачены в результате тщательного расчета, основанного на профессиональном изучении всего дела.

— Простите, но я не совсем вас понимаю, — вежливо возразил Смолин. — Я отнюдь не хочу умалить ваших заслуг, но мне кажется, что сообщение Петрова все же существенно содействовало успеху операции.

— Этого, конечно, нельзя отрицать, — согласился Колосов, рассеянно рассматривая блеснувшую под крылом самолета серебряную ленту реки. — Но, вот представьте себе, что вы ищете в каких-нибудь растениях интересующее вас вещество. Насколько я понимаю после ваших объяснений, способность к накоплению того или иного вещества присуща растениям, которые развиваются на почвах, богатых этим веществом, ведь так?

Смолин кивнул головой.

— Таков закон, — продолжал Колосов, — который вы используете в вашей работе. И, если вам скажут заранее, что растения, которые вы собрали на почвах, богатых, например, марганцем — ведь есть такие? — содержат марганец, то это только облегчит вашу задачу, но никакого существенного влияния на ее решение иметь не будет, потому что ваша работа базируется на знании закона. Так и здесь. Если бы Петров не подоспел со своим сообщением, изменилась бы форма решения задачи, но отнюдь не его содержание. Задача все равно была бы решена.

— Не имею оснований не верить вам, товарищ Колосов, — сказал Смолин, — но из нашей последней беседы я не вынес впечатления, что решение задачи так близко.

— А я после беседы с вами получил полную уверенность, что задача будет решена, и в самые ближайшие дни.

— Вот как? — удивился Смолин. — Но на каком же основании?

— На основании одного из законов нашей науки, которыми мы пользуемся в своей работе, так же как вы используете законы вашей науки. В данном случае мы опирались на закономерность, согласно которой диверсант забывает интересы своих хозяев, когда возникает возможность удовлетворить личные интересы.

— Понимаю, — сказал Смолин. — Вы были уверены, что тайник, в котором хранились сокровища Радецкого, рано или поздно привлечет диверсантов?

— Совершенно верно. Но не рано или поздно, а непосредственно после того, как о его местонахождении стало известно разведчикам. — Колосов откинулся на спинку кресла и продолжал спокойно рассказывать. — Вы помните, что идея об эксплуатации колонии золотых водорослей возникла и у вас, и у меня независимо друг от друга, после ознакомления с дневником путешествия Федора Радецкого.

Это убедило меня в том, что идея правильна. После разговора с вами я немедленно отправился к генералу Шорыгину и окончательно убедился, что колония золотых водорослей реальный факт, и что секрет, который Васильев с помощью Валерии Павловны Радецкой выпытал у старика, заключается в сведениях о местонахождении золота, добытого его отцом из золотоносных водорослей. Васильев скрылся с Радецкой и тем выдал себя. Это показало мне, что он уже потерял голову. Возможность фантастического обогащения заставила его забыть интересы своих хозяев. Ведь посылали-то его, конечно, не за золотом, а за секретом извлечения золота из морской воды. Было до смешного очевидно, что первая же темная ночь будет использована Васильевым и его сообщниками для попытки ограбить тайник Радецкого в Александриаде.

— А как вы нашли тайник? — спросил Смолин.

— Установить, какой дачей владел Радецкий в Александриаде, было нетрудно. Труднее было проникнуть в тайник. Мы провозились весь день и ничего не нашли. Нужно было во чтобы то ни стало разыскать старика Радецкого. А он как сквозь землю провалился.

— И что же? — с любопытством спросил Ланин.

— Оказалось, что именно в тайнике он и был. Там он и погиб. Мы нашли его мертвым на грудах золотых брусков.

— Он был убит?

— Нет. Диверсантам не удалось проникнуть в тайник. Они были схвачены на дороге туда. А он умер, видимо, от пережитых потрясений.

Смолин не задавал больше вопросов и неподвижно застыл в своем кресле. Ланин искоса взглянул на его лицо — глаза были закрыты, брови сурово нахмурены.

Глава 49 ПОСЛЕДНИЙ ХОД ВРАГА

...Было ясно, — она заперта снаружи. Ольга стояла перед дверью, холодея от ужаса и сознания своей беспомощности. Какой наивной она была! Подумать только, — одна во всем здании, без оружия, глубокой ночью...

Охраняла драгоценные культуры! Сумасшедшая! Что она теперь может сделать, запертая в дежурной комнате? Если даже будут ломать дверь в аквариальную, как она сможет помешать этому?

Спокойно!.. Взять себя в руки!.. Ольга снова накинула крючок на петлю, чтобы тот, кто вошел в здание, не вломился к ней в комнату. Постояла, собираясь с мыслями, скачущими в пылающей голове. Ей было так жутко, что ноги подкашивались. Но страх за себя она уже сумела преодолеть. Ее охватил ужас перед возможностью похищения культур, доверенных ей профессором Смолиным... доверенных ей советским государством.

Что же делать?! Ольга сжала ладонями горящие щеки. Клубок подступил к ее горлу. Но она справилась с волнением. Подошла к двери. Ухо уловило скрежет и визг, словно по металлу двигался напильник. Ольга содрогнулась от этого звука... Было ясно — на двери аквариальной пытались подпилить замок. Потом послышался легкий стук. Кто-то негромко выругался. Видимо, дверь в аквариальную не поддавалась. Она была сделана из крепких досок и обита железом. Засов на ней отличался особой прочностью и запирался огромным замком.

Визг прекратился. Люди за дверью переговаривались тихими голосами. Что они теперь будут делать? По ее спине пробежали мурашки. Надо что-то срочно предпринять. Но что?.. Там, в коридоре подошли к ее двери и дернули за ручку. Крючок в петле натянулся. Дверь начала трясти.

Ольга изо всех сил вцепилась в ручку двери, чтобы удержать ее, но сейчас же выпустила: такое сопротивление было совершенно бесполезно. Крючок скрипел и дергался в петле, раскачиваемый сильными толчками. Ольга сорвала с вешалки полотенце, обмотала им руку, подбежала к окну и сразмаху ударила, между прутьями решетки по стеклу. Со звоном посыпались осколки. Холодный ветер ворвался в комнату.

— Помогите! — закричала Ольга что было силы, прижимаясь лбом к железным прутьям.

Но ее голос утонул в шуме моря и вое ветра. Она кричала, пока не перехватило дыхание. А сзади слышался стук. Дверь все раскачивали и раскачивали сильными толчками с грохотом, гремевшим в ее ушах, как выстрелы... Дверь распахнулась. На пороге появились два человека с темными, обветренными лицами.

Оба молчали, рыская по комнате злыми глазами.

— Что вам нужно? — выдавила из себя глухим осипшим голосом Ольга.

Один из вошедших шагнул вперед и тоном приказа тихо сказал:

— Давай ключ!

Ольга отрицательно покачала головой. Язык ей не повиновался.

— Брось ломаться! Ключ у тебя. Сделать ты ничего не сможешь. Не отдашь сама, возьмем силой.

— Что вы хотите сделать? — беззвучно спросила Ольга, невольно схватившись за карман, в котором лежал ключ.

— А это уж тебя не касается... Ну!?

Он сделал еще шаг вперед. Ольга выхватила из кармана ключ и швырнула в разбитое окно. Вошедший бросился на нее с искаженным свирепой судорогой лицом, схватил за руки и начал их ломать и выворачивать. Его партнер подскочил к окну, заглянул сквозь решетку, просунул в нее руку до самого плеча, пытаясь достать до земли.

— Высоко, черт! — прохрипел он, кося на Ольгу налившийся кровью глаз.

Ольга отчаянно боролась. Она уперлась головой противнику в грудь и пыталась вырвать у него свои руки. Он тяжело топтался на месте, дыша ей в затылок и крутя руки за спину. Ей, наконец, удалось освободить одну руку, она сразмаху ударила его по лицу, одновременно пиная коленом ему в живот. Он охнул, отпустил другую ее руку и, перегнувшись, схватился за живот. Ольга метнулась от него к двери. Второй бросился к ней, но она увернулась и птицей понеслась вверх по лестнице. Оба, рыча от злобы, грузно бухая сапогами по ступенькам, побежали за ней.

Задыхаясь от бега, не чувствуя под собой ног от ужаса, Ольга пронеслась по галерее, выбежала на площадку и запрыгала по лестнице через две ступеньки, устремляясь к выходу. Сторожа в вестибюле не было. Она подбежала к двери на улицу и сразмаху толкнула ее плечом. Зазвенели стекла. Но дверь не подалась. Ольга обернулась к своим преследователям, и тут только она увидела лежащего на ковре сторожа и услышала его храп.

Ольга метнулась направо, в темноту разборочной. Отсюда окна выходили в сторону общежития. Мелькнула надежда, что отсюда ее услышат. Она рванулась к самому дальнему окну, ударила в стекло, и в этот момент увидела мелькающие во дворе человеческие фигуры. Кровь хлынула у нее к сердцу, Она закричала, почти не слыша своего голоса:

— Помогите! Помогите!

Сейчас же цепкие руки обхватили ее сзади. Ее оторвали от окна и кинули на пол. И, уже теряя сознание, она услышала стук открывав. мои входной двери и тревожные мужские голоса... Глаза ослепила вспышка загоревшейся под потолком лампы. Руки отпустили ее, раздался грохот выстрела, что-то горячее брызнуло ей на щеку...

...Она открыла глаза. Похудевшее, с запавшими щеками, лицо Смолина наклонилось над ней. Он смотрел на нее с такой тревогой, что у Ольги защемило сердце. Она улыбнулась, отвечая на его вопросительный взгляд.

— Все в порядке, Евгений Николаевич, — прошептала наконец она, снова закрывая глаза.

Смолин осторожно стер кровь с ее щеки.

ЭПИЛОГ

— Когда же он, наконец, явится? — с возмущением воскликнула Ольга.

Смолин засмеялся.

— Терпение, терпение! Больше полугода ждали мы этого дня. Уж как-нибудь потерпим лишние четверть часа.

Ольга вскочила с места.

— Нет, как хотите, а я пойду, посмотрю, что он там делает!

— Держи ее, Аркадий, — сказал Ланин, — а то она в самом деле побежит за Калашником и испортит сюрприз, который он нам готовит.

Петров подхватил девушку под руку.

— Куда вы торопитесь? — удивился он. Григорий Харитонович просил нас прибыть к восьми часам.

— К восьми часам! А сейчас...

— А сейчас без пяти восемь. Ваше нетерпение так нас подгоняло, что мы явились на полчаса раньше срока...

— А ну вас! — отмахнулась Ольга, освобождая свою руку.

Она прошла через весь кабинет и остановилась у окна. Солнце окрашивало океан в нежный розоватый цвет. Косые лучи цеплялись за гребешки волн, вспыхивая в мельчайших брызгах тысячами сияющих точек. Блеск отражения появлялся и исчезал в огромных окнах электростанции.

— Красивое здание! — сказал Петров, останавливаясь за спиной Ольги.

— Чего стоило восстановить это здание! — отозвалась Ольга. — Вы не видели, каким оно было после взрыва. И плотина, и электростанция превратились в обломки. Белявский говорил, что построить заново было бы гораздо легче, чем восстанавливать разрушенное.

— Почему же он не стал строить заново? — машинально спросил Петров.

— Я удивляюсь вашему вопросу, — сказала она иронически, но сейчас же изменила тон. — Ой, Аркадий, вы совсем не о том думаете!

— О чем же я могу думать?

— Не знаю...

— А что вы скажете на то, о чем я думаю? — совсем тихо спросил Петров, продолжая смотреть через ее плечо.

Ольга не ответила, но Петров чувствовал, что она улыбается.

— Смотрите, Аркадий, какая красота, — сказала она, сторняясь, чтобы он мог подойти к окну. — Наши водоросли горят!

Налево, над уходящим далеко на север зеркалом бухты, в розовых лучах вечернего солнца, пылала ярко-красная кайма, опоясавшая берег.

— Какая невероятная сила! — задумчиво сказала Ольга. — Эта форма вытеснила все остальные растения.

— Да, сила исключительная, — согласился Петров.

— Как это хорошо, Аркадий, — оживленно продолжала Ольга, — что мы сумели создать организм, не существовавший в природе, и заставили его работать на нас! Право, даже досадно, что колония золотых водорослей в Черном море нашлась и будет конкурировать с нашими.

Петров пожал плечами.

— Если она действительно сможет конкурировать с нашими.

Ольга недоуменно посмотрела на него.

— А почему же она не сможет конкурировать?

— Неужели это не ясно? Багрянки, вывезенные Федором Радецким из Тихого океана теплолюбивые формы. Удастся ли их акклиматизировать при низких температурах и в открытой воде, — большой вопрос. Словом, работы с ними предстоит много, а что из них получится, — неизвестно.

— Желаю успеха! — иронически сказала Ольга. — Меня вполне устраивают наши водоросли. А вы можете заниматься акклиматизацией багрянок Радецкого.

— Ну, нет, — ответил Петров. — Пусть этим занимаются другие. А у меня твердое намерение вернуться к концентрации редких металлов. Знаете, какая в них потребность для нашей промышленности?

— Нет, не знаю. И увольте, пожалуйста, от лекций, товарищ, профессор.

— Германий, например, — продолжал Петров, не обращая внимания на ее мольбу. Нужда в нем огромная. Вся телемеханика, радио, телевидение построены на его применении. А добыча его затруднена. Вот над чем стоит поработать...

— Вы посмотрите только! — восторженно прервала его Ольга. — Как изумительно красиво выглядит берег, обнаженный отливом. Это же сказка!

— Да, сказка! — вздохнул Петров.

Ольга искоса посмотрела на него, не поворачивая головы, и встретила его пристальный взгляд.

— Вы же не туда смотрите, Аркадий, возмутилась она, но опять не выдержала и улыбнулась. — Нет, я больше ждать не намерена! — громко оказала она, поворачиваясь к Панину и Смолину. — Идемте все вместе к Григорию Харитоновичу.

— А вот, кажется, и он сам, — сказал Смолин, останавливая Ольгу жестом руки.

Тяжелые шаги приближались за дверью. Бухнул удар ноги, дверь распахнулась, и массивная фигура профессора Калашника показалась на пороге. Он обвел собравшихся внимательным взглядом. Смолин и Ланин поднялись ему навстречу. Он пожал им руки и шагнул к Ольге. Она смотрела на него с нетерпеливым ожиданием.

— Ну, как, Григорий Харитонович? — спросила она.

Калашник крепко стиснул ее руку.

— Сегодня будем чествовать вас, Ольга Федоровна! — сказал он. — Ваша идея блестяще осуществлена. Прошу вас всех сюда к столу. Разрешите продемонстрировать вам...

Ольга впиалась глазами в руку Калашника, медленно подымающуюся к борту пиджака.

— ...продукцию первого дня работы экспериментального цеха золотодобычи после восстановления!

Розовые лучи солнца зажгли червонным блеском яркожелтый брусок в руках Калашника.

— Три килограмма шестьсот восемьдесят шесть граммов! — торжественно провозгласил Калашник, бросив золото на стол.

Удар о толстое настольное стекло вызвал густой, сочный звон.

— Ну, Григорий Харитонович, поздравляю вас! — сказал Смолин. — Наконец, ваш метод оправдал себя и в промышленном применении.

Калашник принял руку Смолина, расплываясь в счастливой улыбке.

— Мой метод? — сказал он с укоризной. — В нем ли дело! Нет, дорогой Евгений Николаевич, решил вопрос не мой метод, а то, что было вложено в это дело всеми нами. Ваши чудесные водоросли. Открытое Ольгой Федоровной их ускоряющее влияние на осаждение золота. Акклиматизация водорослей в естественных условиях — работа Панина и Петрова. Что же остается на мою долю?

Смолин, не выпуская руки Калашника, смотрел на него смеющимися глазами.

— Можно? — раздался звучный голос с порога.

Секретарь райкома партии Громов остановился в дверях, загораживая вход своей высокой широкоплечей фигурой.

— Немного запоздал, прошу извинить, Григорий Харитонович! — сказал он. — Но, судя по рукопожатиям Евгения Николаевича, вы еще принимаете поздравления? Как дела? Впрочем, вижу сам... — Он торопливо прошел через комнату. — Дневная продукция? — спросил он, с уважением взвешивая на ладони золотой брусок.

— Больше трех с половиной килограммов, — сказал Смолин.

— Хорошо! — Громов протянул руку Калашнику. — Поздравляю! Поздравляю и вас всех, товарищи. — Громов, щурясь, смотрел на блестящую поверхность золотого бруска. Владимир Ильич Ленин мечтал, — сказал он задумчиво, — о том времени, когда мы сумеем показать народам всего мира действительное значение этого металла, из-за которого капитализм убивал и калечил в кровопролитных войнах миллионы людей. Показать всему миру ничтожность этого “эквивалента” человеческого благосостояния, вот о чем мечтал Ленин. Думается мне, что мы на пороге этого времени. Посмотрим теперь, что скажут господа капиталисты, когда в наших руках этот “эквивалент” будет низведен из ранга “драгоценных металлов” в разряд самых банальных элементов!

Он положил брусок на стол и обвел глазами обращенные к нему возбужденные лица.

— Представим себе пятьдесят таких станций по всему побережью! — сказал он, возбуждаясь сам. — Это же не менее ста пятидесяти килограммов золота в день!

— Не считая того золота, которое накапливают золотоносные растения! — добавил Смолин.

— Да, это дело огромного государственного значения, — продолжал Громов. — От всей души поздравляю вас, дорогие товарищи.

Он протянул руки Смолину и Калашнику.

— Как я рада, Аркадий! — прошептала Ольга на ухо Петрову.

Его рука нашла и осторожно сжала ее влажные горячие пальцы.

К о н е ц

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. Золотая ветвь

Глава 1. В лаборатории профессора Смолина	3
Глава 2. Опытные поля	11
Глава 3. Две точки зрения.....	22
Глава 4. Противник на трибуне.....	33
Глава 5. Дело государственной важности	41
Глава 6. Профессор Калашник	52
Глава 7. Что же дальше?	63
Глава 8. Итоги первой разведки	77

Часть вторая. Цепь неудач

Глава 9. Первые успехи	83
Глава 10. Наследство Крушинского	98
Глава 11. Химия терпит неудачу.....	111
Глава 12. Метод Ольги Дубровских	115
Глава 13. Столкновение	123
Глава 14. Гибель гигантов	130
Глава 15. Причина неудач	137
Глава 16. Открытие	151
Глава 17. Закон жизни.....	156
Глава 18. Невыполнимое требование	164
Глава 19. Еще один союзник	170

Часть третья. Сайда-губа

Глава 20. За полярным кругом	176
Глава 21. Паутина.....	183
Глава 22. Новые планы	188
Глава 23. Сиреневый конверт.....	198
Глава 24. Снова появляется Калашник.....	204
Глава 25. Строительство золотого цеха.....	212
Глава 26. Петров зовет на помощь.....	221
Глава 27. Тревожная ночь.....	224
Глава 28. В чем заключалось открытие Крушинского...	237
Глава 29. Лицом к лицу.....	242

Часть четвертая. Тайна Карадага

Глава 30. Море не сохраняет следов.....	248
Глава 31. Цена жизни	253
Глава 32. Следы врага	258
Глава 33. Ночной визит.....	261
Глава 34. Секретарь райкома.....	268
Глава 35. Умение читать цифры	277
Глава 36. Новая находка	284
Глава 37. Теория и практика.....	290
Глава 38. У скал Карадага.....	297
Глава 39. Письмо	304

Часть пятая. Золото Федора Радецкого

Глава 40. Генерал Шорыгин	
Глава 41. Пожелтевшие страницы	
Глава 42. Подземный грот	
Глава 43. Побег	
Глава 44. В незнакомой стране	
Глава 45. Валерия Радецкая	
Глава 46. Одна	
Глава 47. Тревожная ночь	
Глава 48. Операция завершена	
Глава 49. Последний ход врага	

Эпилог

Автор Александр Николаевич Студитский
Художник Л.А.Лурье
Редакторы М.Н.Ложечко и И.А.Оглоблин
Техн. редактор Н.С.Остриров

А.11002. Сдано в набор 11/IV-56 г. Подп. к печ. 8/VIII-56 г.
Бумага 70×92¹/₁₁, — 14,91 п. л. В 1 п. л. 39.200 зн.
Уч.-изд. л. 14,66. Уч. № 41/2780. Тираж 15 000.
Цена 5 р. 40 к.

Типография Трудрезервиздата. Москва,
Хохловский пер., 7. Зак. 424.